

СМЕНА

№ 16 АВГУСТ 1977

**ВСЕ ПУТИ
ОТКРЫТЫ,
МОЛОДЫМ!**

Все мы знаем чеховского Ваньку Жукова. В моем классе учился Ваня Жуков. Дал я однажды ребятам задание: расспросить дедушек и бабушек об их жизни и сравнить с тем, как сейчас живут советские дети. Не без волнения читаю сочинение однофамильца чеховского героя — Вани Жукова. «Я бы посадил его с собой за парту, дружил с ним, всячески ему помогал. Рассказал бы о великой Родине, о Ленине, о нашем счастливом детстве».

Все эти годы после окончания школы я следил за судьбой Вани Жукова, часто встречался с ним. Ваня с отличным закончил техникум механизации и электрификации сельского хозяйства. Полтора года был солдатом в рядах Советской Армии. Военная служба пришлась ему по душе, и он поступил в военное училище. Однажды предстал перед мной Иван Жуков, стройный, подтянутый лейтенант Советской Армии. Смотрю на его радостное лицо, застенчивую улыбку, ладно сидящую форму и думаю: разве мальчишка из нашего села мог раньше мечтать о такой судьбе?

О каком отдыхе могли думать молдавские ребята в прежнее время? А сейчас только в одной Молдавии за летние каникулы в лагерях побывают 200 тысяч пионеров. Один из наших классов стал победителем «турнира смекалителей», и 28 счастливых поехали на полтора месяца в «Артек».

Теперь вопрос стоит не о том, чтобы только учиться. Этого мало. Учиться надо теперь наилучшим образом, с полной отдачей сил. У нас единая система воспитания: семья, детсад, школа, трудовой коллектив. За подрастающее поколение отвечаем мы все и каждый из нас. Это нашло отображение в проекте Конституции. Особая статья закрепляет обязанность граждан за воспитание детей. На мой взгляд, ее необходимо усилить, подчеркнуть словами ответственности родителей перед об-

ществом за воспитание детей. И далее конкретизировать задачи воспитания: после слов «готовить их к общественно полезному труду» дополнить: «и защите Родины».

Владимир ЧУРЮМОВ,
учитель Болотинской средней школы
имени С. Лазо,
Молдавская ССР

А ТЫ ПОСАДИЛ ДЕРЕВО?

Недавно в жизни нашего государства произошло событие, имеющее лично для меня огромное значение. На сессии Верховного Совета СССР были утверждены Основы лесного законодательства Союза ССР и союзных республик, разработанные с учетом достижений науки, отечественного и зарубежного опыта.

Я лесник, работаю в подмосковных лесах и отлично понимаю, что в этом документе воплотилась огромная забота нашей партии и государства, всего советского народа о сбережении, воспроизводстве и правильном использовании лесов. Принятое постановление «О мерах по дальнейшему улучшению охраны лесов и рациональному использованию лесных ресурсов» намечает конкретные пути осуществления этих задач.

Решения Верховного Совета, принятые на сессии, в полной мере отвечают проекту новой Конституции СССР, где записано, что земля, ее недра, воды, леса находятся в исключительной собственности государства. Основы лесного законодательства и постановление, принятое верховным органом власти, исходят из этого конституционного положения.

Советский закон призван охранять лес. Но в отличие от других видов государственной собственности лес нельзя спрятать под замок. Общение с ним любого человека происходит обычно без свидетелей. Вопрос, как относиться к природе, решается наедине с собой. Если в детстве человек не научился уважительному отношению ко всему живому, ничто не остановит занесенный топор.

Сейчас у нас, например, отмечается День птиц. Но чтобы развешивать скворечники, нужно сначала посадить дерево. Не пора ли объявить день посадки и дерева, скажем, в четвертое воскресенье апреля? Важно, чтобы любой и желающий мог получить саженец и посадить его во дворе дома, или на полосе возле дороги, или на дачном участке...

Посадить дерево... Чтобы земля была краше, воздух чище, реки полноводнее. Народная поговорка гласит: «Если ты посадил хоть одно дерево, значит, не напрасно прожил жизнь». Нужно, чтобы время от времени каждый из нас спрашивал друг у друга:

— А ты посадил дерево?

Олег ЕПИШИН,
лесник Заокского лесничества,
Московская область

НА ВСЮ ЖИЗНЬ!

Вчитываясь в строки замечательного документа, представленного на всенародное обсуждение, я размышлял о тех правах, которые провозглашает и гарантирует Конституция. Право на труд, включая право на выбор профессии... Помимо, школьником побывал я на экскурсии в мартеновском цехе «Азовсталь». Не могу передать, какое впечатление произвело на меня это огненное царство, в котором, как легендарные богатыри, уверенно, по-хозяйски двигались сталевары. Я «заболел» этой профессией. Ни о какой другой и думать больше не хотел. Окончил восьмой класс и понес заявление в городское профтехучилище № 3. Группа сталеплавателей... Первый шаг к осуществлению мечты.

Право на образование... С благодарностью вспоминаю старших товарищей, которые упорно и внимательно занимались с нами, мальчишками, готовя к будущей работе, открывая секреты мастерства, заражая подлинной, на всю жизнь преданностью сталеварскому делу. Ну, а потом завод. Производственную практику я проходил у знаменитого сталевара Григория Яковлевича Горбана, Героя Социалистического Труда, члена Центрального Комитета КПСС. И когда заходит речь о сегодняшних скоростных плавках, то я вспоминаю не ставников: основы моего сталеварского почерка закладывались в ту пору с их помощью.

В 1968 году я был призван в ряды Советской Армии. После демобилизации вопрос — куда идти работать? — перед мной не стоял: конечно, в свой цех, куда же еще? Григорий Яковлевич позвал меня вторым подручным в свою бригаду. Работал я, можно сказать, со страстью, но вот знаний, чувствовал, маловато. Пошел учиться в Ждановский механико-металлургический техникум. Право на образование... Все необходимые условия и льготы предоставил мне завод. Когда закончил учебу, назначили первым подручным сталевара.

Ну, а потом первая самостоятельная плавка... После двух часов работы мне казалось, что на меня вылили ведро воды. В горле пересохло, одежда прилипла к телу. Я так разволновался, что все вдруг, как в тумане, поплыло. Вдруг сквозь шум слышу, как Григорий Яковлевич мастеру Князеву говорит: «Деловой парень. Хорошим сталеваром будешь...» Как мне важно было в эту минуту испытать неповторимо радостное чувство товарищеского понимания, поддержки! В проекте Конституции нет слов

«право на доверие», но, я думаю, это право утверждается всем духом Основного Закона. И кому не приходилось этим правом пользоваться?

В 1972 году я возглавил комсомольско-молодежную бригаду, обслуживающую одиннадцатую мартеновскую печь. Работаю с прекрасными ребятами — Сашей Морозовым, Виталием Черняковым, Женей Онищенко. Понимаем друг друга с полуслова, доверие друг к другу полное. Ну, и результаты соответственно неплохие. Успешно провели стодневную трудовую вахту в честь XXV съезда КПСС. Гордимся, что нам было предоставлено почетное право сварить плавку Дружбы с участием молодых металлургов Украины, посвященную открытию съезда. За девятую пятилетку наш коллектив выплавил сверх плана более 4 тысяч тонн стали. На десятую пятилетку мы взяли более высокие обязательства, выступили с инициативой: «Каждому агрегату — стахановский ритм, каждой тонне стали — комсомольскую гарантию качества». В 1976 году коллегия Министерства черной металлургии СССР и президиум ЦК профсоюза рабочих металлургической промышленности по итогам социалистического соревнования за полугодие присвоили нам звание «Лучшая мартеновская печь»...

Я рассказываю об этих радостных для нас событиях, чтобы подчеркнуть главную мысль проекта Конституции СССР: человек, который честно и добросовестно трудится, пользуется признанием, уважением, доверием общества. В статье 13 я предлагаю подчеркнуть, что именно активный созидательный труд на благо социалистической Родины прежде всего гарантирует человеку право на доверие общества. Наше государство — государство людей труда. Это исчерпывающее передано проектом Основного Закона. И вполне естественно то, что обсуждение этого важнейшего документа вызвало повсюду в стране новую волну трудовой активности. Что касается нашей бригады, то мы можем доложить: довели длительность плавки до 10,9 часа. Это рекордный показатель за все время существования цеха. Задача теперь в том, чтобы рекордный результат стал обычным, будничным. Этого мы добиваемся.

Наш голос — за Конституцию.

Виктор ШЕПЕЛЬ,
сталевар завода «Азовсталь»,
лауреат премии Ленинского
комсомола

ПРАВА ПЛЮС ОБЯЗАННОСТИ

Недавно, во время очередного дежурства добровольной народной дружины, членом которой я состою вот уже несколько лет, произошел такой случай. Мы задержали одного подвыпившего гуляку. На все увещевания он отвечал примерно так: «А что? Имею право... Все граждане СССР имеют право на отдых... Вот я и отдыхаю...»

Надо сказать, подобные заявления «знатоков» своих конституционных прав в штабе дружины можно услышать нередко. Вот и возник у нас разговор: не слишком ли часто, особенно в быту, цитируя строки, утверждающие права гражданина, кое-кто подчас забывает о том, что они неразрывно связаны с исполнением каждым своих обязанностей. Причем проявляется эта «забывчивость» совсем не обязательно лишь в тех ситуациях, когда ревнителем своих прав интересуются дружинники или милиция. А сколько случаев «некриминального» проявления пренебрежения к интересам окружающих: в тихом уголке парка кто-то включает на полную мощность транзистор, в квартире устраивает затанцованный за полночь перепляс, в лесу оставляет после себя горы мусора...

Все это на первый взгляд мелочи, но, если задуматься, и они являются наруше-

...ваться!
ЮЗД
А
ПСС
Цена 3 коп.

В СССР построено развитое социалистическое общество. На этом этапе, когда социализм развивается уже на своей собственной основе, все полнее раскрываются созидательные силы нового строя, преимущества социалистического образа жизни, трудящиеся все шире пользуются плодами великих революционных завоеваний.

авленный Конституционной комиссией
ения на всенародное обсуждение

У Ц И Я

А К О Н)

ЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Статья 20. В соответствии с коммунистическим идеалом: «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» Советское государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для развития и применения развития личности.

Статья 21. Государство заботится об улучшении условий труда, о сокращении и применении развития личности.

Статья 22. В СССР последовательно производится в жизнь программа преобразования сельскохозяйственной и автоматизации производства, комплексной механизации и автоматизации производства, индустриального, культурно-образовательного труда и в развитии народного образования, культуры, здравоохранения, бытового обслуживания, торговли и коммунального хозяйства в сельской местности сети учреждений народного образования, расширения в сельской местности сети учреждений народного образования, культуры, здравоохранения, бытового обслуживания, торговли и коммунального хозяйства, преобразования села и деревень в благоустроенные поселки.

Статья 23. Государство обеспечивает осуществление курса на повышение производительности труда, реальных доходов трудящихся в соответствии с ростом производительности труда.

В целях более полного удовлетворения потребностей членов общества государство при широком участии общественных организаций и трудовых коллективов обеспечивает рост и развитие общественных организаций и трудовых коллективов.

Статья 24. В СССР действуют и развиваются государственные системы справедливого распределения этих фондов.

Статья 25. В СССР действуют и развиваются государственные системы здравоохранения, социального обеспечения, бытового обслуживания, культуры, образования, физической культуры и спорта, жилищно-коммунального хозяйства, охраны окружающей среды, охраны здоровья населения.

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СССР

нием конституционных требований, которые четко сформулированы в статье 39 проекта новой Конституции СССР: «Использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан».

Испортил настроение окружающим, нарушил их покой — значит, вольно или невольно, нанес ущерб правам этих людей на отдых... Хочется, чтобы об этом задумались все.

Нам, дружинникам, пожалуй, чаще, чем кому-либо, приходится сталкиваться с проявлениями однобокого понимания некоторыми людьми своих прав и обязанностей. Такова наша добровольная обязанность — следить за поддержанием порядка на улицах городов и сел, одергивать тех, кто отравляет жизнь окружающим. Выполнение этой обязанности рабочими, служащими, учащимися — это одно из воплощений ленинской идеи о широком привлечении трудящихся к управлению делами государства.

Ежедневно более двухсот тысяч активистов-дружинников выходят в нашей стране на дежурство по охране общественного порядка. Народные дружины стали по-настоящему массовой формой участия населения в укреплении дисциплины и законности, о важном значении которых с новой силой говорится в проекте Конституции СССР.

Авторитет дружинников признали все, даже те, кто старается избежать встречи с нами. Примечательно, что зачастую для поддержания должного общественного порядка нам даже не приходится прибегать к активным действиям. Бывает, что само присутствие человека с красной повязкой на руке мгновенно отрезвляет потенциального нарушителя.

И все же насколько меньше было бы нарушений, если бы отрезвляющее воздействие на возмутителей спокойствия оказывали не только «те, кому положено» — работники милиции, дружинники, но и все, кто оказался рядом с посягнувшим на наш порядок, на нашу мораль.

Вот почему я и мои товарищи с большим удовлетворением узнали о том, что обязанность каждого гражданина всемерно содействовать охране общественного порядка впервые принимает характер конституционного требования.

Вместе с тем хочу предложить усилить формулировку статьи 59 проекта новой Конституции СССР в той ее части, где говорится, что гражданин СССР обязан уважать правила социалистического общежития. Считаю целесообразным сформулировать это положение так: «Гражданин СССР обязан... уважать и соблюдать правила социалистического общежития, быть неприимимым к лицам, их нарушающим».

Владимир САРНОВ,
инженер

Москва.

ОТКРОЙ СВОЕГО ФАРАДЕЯ

Я слесарь. Мне восемнадцать. На производственном объединении «Светлана» работаю первый год. Это официально. А неофициально — четвертый: три года, проведенные в 33-м профессионально-техническом училище, созданном при «Светлане» и на базе «Светланы», нельзя отмежевать от завода. Все эти три года я и мои товарищи жили его жизнью, его планами и проблемами и довольно часто выполняли весьма ответственные поручения и задания. Ка-

ким образом — объясню. В нашем училище впервые в системе профтехобразования была создана лаборатория технического творчества, руководит которой Александр Михайлович Иванов, известный в Ленинграде новатор, автор многих рационализаторских предложений и изобретений. Александр Михайлович вдохновенно передавал нам свой опыт, знания, мастерство, учил подходить к делу творчески.

Как-то знаменитого английского физика Дэви спросили, какое из своих открытий он считает наиболее важным. «Самым значительным я считаю то, что открыл своего «Фарадея», — ответил Дэви. Александр Михайлович, цитируя эту фразу, всегда добавляет: «Лучше даже не одного».

Задачи, которые ставил перед нами мастер, были сложны и ответственны, требовали самостоятельности, дерзости, душевного порыва, короче, мозговой атаки. Придет, бывало, Александр Михайлович на урок, потрет веселые руки и как из пушки:

— Из объединения «Светлана» поступило задание: облегчить уборку мелкой стружки. Ни метла ее не берет, ни швабра. А между тем крохотные завитки портят в цехах линолеум.

Сидим мы, думаем, фантазируем... А мастер усмехается, он, может быть, и знает ответ, но молчит: решить задачу должны мы, будущие рабочие. И, как правило, мы медленно, но все-таки докапывались до истины. За магнитное приспособление, которое ездит теперь по цехам «Светланы», подбирая мелкие обрезки металла, руководство объединения объявило нам благодарность.

И тут же мы получили новое задание. Мировая технология предусматривала обработку систем отверстий при помощи координатно-копировальных сто-

лов. Столы эти выпускали такие известные фирмы, как «Тояма» (Япония) и «Асвера» (Швейцария). Но они были очень сложны и дороги в изготовлении. Александр Михайлович предложил нам найти более простое и радикальное в инженерном плане решение.

— Думайте, ребята, думайте, — изложив суть задания, сказал он. — Зайдете в тупик, взгляните на этот «стол» с другой стороны, ломайте стандартное представление о его работе, смело используйте самые последние достижения науки и техники. И мы искали...

Через год с небольшим наша группа за разработку «стола для координатно-копировальных работ» получила авторское свидетельство № 288504 и бронзовую медаль ВДНХ СССР.

В чем высшее счастье изобретателя? Я думаю, в том, чтобы его изобретение обрело жизнь и приносило бы реальную пользу народному хозяйству. А наш «стол для координатно-копировальных работ» до сих пор представляет собой «вешалку для медалей».

Мы с товарищами внимательно изучили проект Конституции СССР и предлагаем дополнить статью 26 упоминанием о том, что «руководители предприятий и общественных организаций несут ответственность за своевременное внедрение в производство изобретений и рационализаторских предложений».

На наш взгляд, важно подчеркнуть также и значение научно-технического творчества молодежи. Потому что участие школьников, студентов и учащихся профессионально-технических училищ в движении НТТМ одновременно с решением технических задач помогает решать и задачи воспитательные, нравственные, формирует нового человека, превращает труд в творчество.

Константин ФИЛИППОВ,
слесарь ленинградского производственного объединения «Светлана»

ВЕЩИЕ СЛОВА ПИСАТЕЛЯ

Работая в эти дни над книгой «Гимнастика на Олимпийских играх», разбирался в старых записках, касающихся истории нашего вида спорта. Нашел Аликсиса и из воспоминаний Владимира Алексеевича Гиляровского.

За строкой проекта

СОЦИАЛИЗМ И ЛИЧНОСТЬ

Несколько лет назад в США ста людям, занимающим разное положение в обществе, был задан вопрос: «Что вы понимаете под свободой собственной личности?» Итог опроса оказался поразительным — среди ответов почти невозможно было найти двух одинаковых. Арендатор понимал под этим освобождение от арендной платы, рядовой налогоплательщик — избавление от налогов, студент — от долгов... В числе прочих вопросов был задан контрабандисту, который заявил, что для него свобода его личности состоит прежде всего в том, чтобы навсегда избавиться от таможенных досмотров.

Не правда ли, результаты опроса звучат как шутка? Однако за этим забавным многообразием ответов скрывается в конечном счете тот факт, что проблема свободы личности, ее взаимоотношений с обществом, государством является одной из сложнейших в теории и практике человеческого общежития. В самом общем виде ее содержанием являются, с одной стороны, права и их гарантии, предоставляемые обществом человеку, а с другой — обязанности человека перед обществом.

Как регулируются наиболее важные отношения между личностью и обществом, государством и гражданами при социализме? Ответ на этот вопрос дает, в частности, проект новой Конституции СССР. В нем подчеркнуто, что эти отношения базируются на безраздельном господстве общественной собственности на средства производства. Иначе говоря, в какой бы сфере производства люди ни были заняты, они работают не на хозяина-частника, присваивающего долю их труда, а на себя и все общество. В освобождении труда от эксплуатации, опирающейся на частную собственность, советские люди видят основное условие свободы личности.

Общественная собственность на средства производства означает также такой порядок вещей, при котором практически единственным источником средств существования становится личный труд. «Общественно полезный труд и его результаты определяют положение человека в обществе» (строчка взята из проекта новой Конституции) — таково принципиальное условие равноправия в СССР.

Конституционные права и свободы, зафиксированные в проекте Основного Закона страны, можно разделить на три большие группы: социально-экономические права, политические права и личные свободы. Это деление исходит из наличия в социалистическом обществе трех видов общественных отношений: взаимоотношений государства и граждан в социально-экономической области, в политической сфере и в области, связанной с защитой жизни, свободы, чести и достоинства чело-

века. Именно эти три сферы, по мнению советских ученых, наиболее полно отражают действительное положение личности в обществе.

Политический смысл свободы личности находит свое выражение в том, что эта свобода выступает как отношение между государством и гражданами. Каждая из сторон имеет при этом свои права и несет определенные обязанности, зафиксированные в законах. Так, например, социально-экономические права граждан, изложенные в проекте Конституции, предполагают обязанность государства обеспечивать реальную и полную возможность для всесторонней реализации этих прав.

Что же касается такой группы прав и свобод, как неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки, свобода совести, то здесь на первый план выступает обязанность государства не вмешиваться в ту сферу жизни граждан, которая лежит вне рамок их обязанностей перед обществом. Одновременно с этим в проекте Основного Закона содержатся юридические и иные гарантии этих прав от каких-либо нарушений и бюрократических извращений.

Иначе говоря, социально-экономическим, политическим и личным правам как элементам статуса личности в СССР соответствуют активные обязанности государства по их реализации.

Как же выполняются эти обязанности? Взять, например, право на труд, важнейший элемент свободы личности. В отличие от Запада, где сегодня насчитывается почти 30 миллионов безработных и полубезра-

ботных, в СССР вот уже 47 лет экономика развивается в условиях полной занятости. Когда в 1971 году был принят новый Кодекс трудового законодательства, в нем, в частности, была опущена статья о пособиях по безработице: за 40 лет ни один человек не обратился в государственные органы с просьбой выдать такое пособие.

Характерно, что в новой Конституции право на труд рассматривается не только как возможность получения какой-либо работы для обеспечения прожиточного минимума, но и как гарантированное право на труд, соответствующий уровню образования, квалификации и интересам человека.

Если в ныне действующей Конституции СССР, принятой в 1936 году, говорится о праве на материальное обеспечение в случае болезни и потери трудоспособности, то теперь советским людям гарантируется право на охрану здоровья. Основой этой гарантии является существующее уже более полувека бесплатное медицинское обслуживание. В действующей Конституции было закреплено право на образование. Теперь речь идет об обязательном среднем образовании.

В проекте новой Конституции зафиксировано и такое право советских граждан, как право на жилище, которое государство обеспечивает планомерным осуществлением программы жилищного строительства, а также содействием кооперативному и индивидуальному строительству жилья.

И, наконец, наряду с социально-экономическими правами значительно полнее, чем раньше, сформулированы политические права и свободы граждан

Антон Павлович Чехов, с которым познакомили дядю Гиляя, напомнил Владимиру Алексеевичу о первой их встрече в гимнастическом зале в доме Редлиха на Страстном бульваре, где увидел он схватку Гиляровского с Тарасовым, первым в России бойцом на эспадронах.

Спустя какое-то время Гиляровский привез в Мелихово список членов общества, где была и фамилия Чехова, уплатившего членский взнос.

— Ну, какой же я гимнаст! — сказал Антон Павлович, улыбаясь. — Я человек слабый, современный, а вы с Тарасовым точно из глубины веков выплыли... А придет время, — может быть, лет через сто, — будут все сильными, будет много таких, как ты и Тарасов... Придет время!..

Больше всего на свете боюсь эффектных фраз, но все-таки хочу заметить, что время, о котором мечтал Чехов, приходит: в физкультурное движение к концу нашей пятилетки намечено вовлечь 55—57 миллионов советских людей.

Право советского человека на гармоничное развитие личности, на физическое совершенство, укрепление здоровья не декларация, но реальная черта нашей жизни, рядовая, привычная, если хотите, будничная примета быта.

Естественно, что Федерация гимнастики СССР, объединяющая в своих рядах пятьсот семьдесят тысяч спортсменов, ничуть не похожа на то гимнастическое общество, в котором блистал дядя Гиляя. У нас тысяча двести специализированных юношеских гимнастических школ, у нас более четырех с половиной тысяч преподавателей и тренеров гимнастики с высшим специальным образованием.

Право на занятия спортом, на бесплатные занятия спортом, в том числе и гимнастикой, подкреплено солиднейшей материальной базой. Великолепные дворцы гимнастики возведены не только в столичных центрах, но и в Гродно, давшем спортивному миру «чудо с косичками» — Ольгу Корбут, но и в Витебске, где выросли олимпийские чемпионки Лариса Петрик и Тамара Лазакевич, но и в Могилеве — я называю сейчас только белорусские города. Однако самый прекрасный дворец гимнастики появился в Ленинск-Кузнецком, где размер зала не может не поражать

воображение: длина его 94 метра, а ширина — двадцать четыре. Во дворце занимаются более пятисот мальчишек и девчонок, уже выдвинувших из своих рядов одареннейшую «малышку» — Машу Филатову, покорившую олимпийский Монреаль.

Как-то подслушал разговор. Один гимнаст говорил другому с восхищением и завистью:

— Какой во Владимире зал для Кольки Андрианова отгрохали...

Неверно это. Зал «отгрохали» до того, как Николай Андрианов поднялся на высшую ступень пьедестала почета в Монреале, чтобы получить золотую медаль абсолютного олимпийского чемпиона. Зал построили раньше. Условия для подготовки первоклассных гимнастов были созданы раньше, именно поэтому и вернулся Николай из-за океана с семью медалями.

Но главное в другом. В том, что вместе с Андриановым в зале занимаются, приобщаются к спорту еще четверста гимнастов — и семилетние ребята и мастера. А работают с ними около семидесяти тренеров.

Мы многое сделали. Говорю сейчас не об олимпийских наградах, а о приобщении миллионов людей к регулярным занятиям спортом. Но еще больше предстоит нам сделать, и потому мы снова и снова вчитываемся в проект Конституции СССР, беспокоясь о том, чтобы в Основном Законе государства были внесены прямые указания на место и роль физической культуры в жизни развитого социалистического общества. Обсуждают проект физкультурники, спортсмены. Шла речь об этом и на специальном заседании коллегии Спорткомитета СССР.

Представляется целесообразным, чтобы в статье 42 после слова «мероприятий» было добавлено: «вовлечением населения в систематические занятия физическими упражнениями». А вот в статьях 22 и 24 после слова «здравоохранения» прибавить слова: «физической культуры и спорта».

Введение в текст Конституции этих указаний будет, несомненно, содействовать дальнейшему развитию спорта в нашей стране.

Юрий ТИТОВ,
заслуженный мастер спорта,
председатель Международной Федерации гимнастики (ФИЖ)

СССР — право избирать и самому быть избранным, право объединения в общественных организации, свобода слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций. Осуществление этих политических свобод обеспечивается предоставлением трудящимся и их организациям общественных зданий, улиц и площадей, широким распространением информации, возможностью использования печати, телевидения и радио.

Однако неотъемлемой чертой социалистической демократии является не только уважение личных интересов граждан, но и их сочетание с общественными интересами. Свобода личности при социализме вовсе не равнозначна неограниченному произволу индивида. Сама объективная логика социального общежития неизбежно предполагает наличие в нем обязательных для всех норм поведения, некоторых ограничений интересов отдельной личности в пользу общественных интересов. Поэтому социалистическое государство и общество, предоставляя гражданам широкие права и свободы, вместе с тем предъявляют к ним ряд требований, выраженных в категории обязанности.

Эти обязанности не представляют собой нечто застывшее и неизменное. Их содержание меняется по мере совершенствования социалистических общественных отношений. Причем необходимость поступать в соответствии с правилами все в большей степени становится внутренней потребностью граждан, при которой момент внешнего принуждения постепенно теряет первоначальный смысл.

Валентин ПАТЮЛИН,
доктор юридических наук

Так, обязанность трудиться осознается подавляющим большинством граждан, как то, что труд при социализме — не на хозяев, а на самих себя — дело чести каждого трудоспособного члена общества. Другими словами, речь идет о соблюдении правовых норм, которое основано не на страхе перед возможным применением санкций, а на высокой сознательности, чувстве долга.

Советское государство добивается такого отношения к обязанностям прежде всего воспитательной работой при активной помощи массовых общественных организаций. Но оно не может отказаться и от принуждения в отношении лиц, нарушающих дисциплину, общественный порядок. «В нашем понимании демократия, — сказал по этому поводу Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, — не имеет ничего общего с либеральным отношением к недостаткам, с примиренчеством к тому, что мешает жить и работать советским людям... Власть народа... власть строгая, немислимая без сознательной дисциплины и высокой организованности. И она не мишурничает с теми, кто наносит ущерб обществу, будь то хулиган или преступник, бюрократ или лодырь».

По отношению к таким людям в СССР применяются нормы советского права, социалистической законности. И эти меры находят полное одобрение и поддержку абсолютного большинства населения страны.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 16 (1206) АВГУСТ 1977

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
актриса Киевского
академического театра
имени Франко
Лариса ХОРОЛЕЦ.

Фото Юрия УСТИНОВА

1 ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СССР. Письма читателей из Москвы, Московской области, Ленинграда, Молдавии, Жданова, со строительства БАМа.

4 60 УДАРНЫХ НЕДЕЛЬ. Александр КУЗИН, заточник Сокольнического ордена Трудового Красного Знамени вагоноремонтного завода. «ВРЕМЯ ПОИСКА».

6 Валерий КРАСНОВ. «ОПТИМАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ».

7 Юрий КОРТНЕВ. «ТРОЕ ИЗ ЗАЛА СЛАВЫ».

9 Стихи Юрия РЯБИНИНА.

11 ФОТОКОНКУРС «СМЕНИ», ПОСВЯЩЕННЫЙ 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ: «МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ».

12 К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ. ВЕХИ НАШЕЙ ИСТОРИИ. «ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА».

16 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ. «ТРИ ПРОЕКЦИИ ТВОРЧЕСТВА». Рассказ о члене ЦК ЛКСМУ, лауреате премии комсомола Украины актрисе Ларисе Хоролец.

18 НОВОЕ ИМЯ. Рассказ Игоря БОЖКО «ГАРМОШКА».

20 ЖЕМЧУЖИНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ. «ВО ГЛУБИНЕ РОССИИ». Фотоочерк Алексея НИКОЛАЕВА и Василия МИШИНА.

25 ЭКСКЛЮЗИВ «СМЕНИ».

26 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Фантастическая повесть Клиффорда САЙМАКА «СИЛА ВООБРАЖЕНИЯ».

28 АВГУСТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Обзор зарубежной печати.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, Г. В. СЕМЕНОВ, А. П. СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

Все этапы биографии нашей страны связаны с новыми ступенями социалистического соревнования. Рабочая инициатива всегда была откликом на самые важные требования времени. Почин комсомольцев — посвятить каждому году Советской власти неделю ударного труда — придал особый смысл соревнованию. На многих предприятиях этот почин всколыхнул жизнь комсомольских организаций, положил начало новым формам трудового соперничества. Сегодня особенно зримо прослеживаются преемственность и развитие славных традиций, накопленных за шестьдесят лет. В проекте Конституции говорится о творческой активности трудящихся, о социалистическом соревновании как об основных средствах повышения производительности труда, эффективности и качества работы. Каждая неделя комсомольской вахты — это весомый вклад в фонд пятилетки: сверхплановые станки, дополнительные тонны угля, нефти, металла, досрочно сданные дома... Каждая неделя называет имена новых молодых ударников — лучшим из них будет предоставлено право подписать рапорт Ленинского комсомола Центральному Комитету КПСС. Несколько страничек из летописи соревнования предлагает читателям «Смена» — рассказ о делах и заботах комсомольцев семидесятых годов, о победителях первого этапа трудовой вахты, удостоенных высокой чести быть сфотографированными в Кремле.

КОРОТКИЙ «СЕМЕЙНЫЙ СОВЕТ».
ОТЕЦ И СЫН КУЗИНЫ.

ВРЕМЯ ПОИСКА

Рассказ о трудовой вахте, прокомментированный фотохронометражем рабочего дня московского инструментальщика.

**Александр КУЗИН,
заточник инструментального участка
Сокольнического ордена Трудового
Красного Знамени
вагоноремонтного завода.**

Одна из самых дорогих мне реликвий — фотография, напоминающая тот январский день в Кремле. Тогда закончился первый этап 60-недельной трудовой вахты, а победители завоевали право сфотографироваться в Георгиевском зале Кремля.

Пятьсот комсомольцев — и за плечами каждого, несмотря на молодость, богатая рабочая биография.

Вот Сергей Кручинин со станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе. В 22 года он уже имел пятый разряд, личное клеймо, а сейчас руководит комсомольско-молодежной бригадой, монтирующей сложные станки.

В другом ряду — Александр Токарев с приборостроительного завода «Манометр». Полностью оправдывает свою фамилию: Саша работает токарем в экспериментальном цехе, уже несколько лет подряд становится лучшим по профессии на своем предприятии.

«Делегатом» известного завода «Серп и молот» был Петр Шлаев, резчик металла. Его обычная норма — 120—130 процентов дневного задания. После реконструкции его листопрокатному цеху потребуются хорошо подготовленные рабочие, и Петр готовится к этому — поступил в вечерний металлургический техникум.

Молодая гвардия труда... Разные предприятия, разные профессии. Одно общее — ответственное отношение к своей рабочей должности.

На заводе я работаю не первый год, хорошо знаю многих рабочих, и, если говорить откровенно, то мое место на фотографии вполне мог занимать Саша Штыков, Женя Воеводкин, Саша Суханов — короче, любой рабочий инструментального участка. У нас подобрались ребята, равные по силам, поэтому редко бывает, чтобы один человек назывался лучшим две-три недели подряд. В прошлом году мне удалось завершить личный план к годовщине Октября, но таким достижением у нас немногих удивишь, и то, что мне довелось быть участником фотографирования в Кремле, представлять там завод, я расцениваю прежде всего как высокую оценку труда всех инструментальщиков.

Завод наш ремонтирует автобусы. Приходят на «СВАРЗ» машины, уже изрядно потрудившиеся, перевезшие не одну тысячу пассажиров. Они отработали свое, но наша задача — «оживить» технику, заставить служить второй срок. И вот автобус разбирается на части: оборудование, мотор, кузов распределяются по цехам, чтобы «на выходе» вновь соединиться в сверкающую свежей краской машину.

**В КАЖДОЙ ВОССТАНОВЛЕННОЙ МАШИНЕ —
ДОЛЯ ТРУДА ИНСТРУМЕНТАЛЬЩИКА.**

Инструментальный участок относится к числу вспомогательных. Но вспомогательный не значит второстепенный, от него в большой степени зависит работа всех цехов завода. Даже опытный рабочий — много ли он делает плохим инструментом?

Раньше я работал в другом цехе, в бригаде слесарей. А два года назад решил сменить специальность: привлекала и сама профессия заточника, сложная, разнообразная, и то, что в инструментальном работает мой отец — один из ветеранов завода. Ни разу не пожалел о своем выборе. Хотя мы и работаем индивидуально, но чувствуем себя одной большой дружной бригадой. И у нас, инструментальщиков, отношения не кончаются за порогом проходной. Этот дух товарищества — причина низкой текучести кадров. Практически на участке ее нет совсем. Наверное, потому наша цеховая комсомольская организация не однажды занимала первое место в соревновании.

На заводском собрании мы обсуждали: чем отметить предстоящий юбилей, каким содержанием наполнить комсомольскую вахту? Предложений было много, все и не перечислишь. Расскажу об одном, прямо связанном с историей завода.

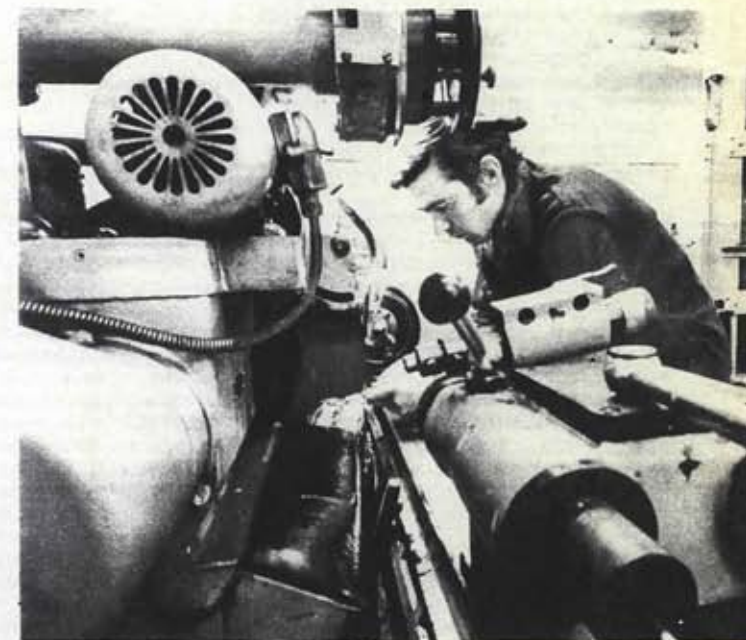
Шестьдесят лет назад работал на заводе наш сверстник Сергей Барболин, один из организаторов молодежных коммунистических ячеек в Сокольниках, погибший в 1917 году при штурме бывшего дома московского градоначальника. В этом году, накануне Ленинского субботника, ребята из шестого цеха предложили: пусть каждый комсомолец в этот день даст двойную выработку — за себя и за погибшего заводчанина. Предложение поддержали все. В результате москвичи получили несколько дополнительно отремонтированных автобусов.

Сделать больше, сделать лучше... За счет чего? Молодые новаторы завода взяли обязательство: за 60 ударных недель внести 36 рацпредложений. Подсчитали, что за счет этого производительность труда будет повышена еще на 1,3 процента, сэкономлено 5 тонн металла, 40 тонн условного топлива. Основная часть обязательства уже выполнена.

На одном нашем заводе, вовсе не относящемся к гигантам индустрии, десятки комсомольцев завершат план двух лет к 7 ноября 1977 года. А ведь каждому из тех, кто фотографировался в Кремле, есть что рассказать о своей бригаде, своем заводе. У каждого есть товарищи, не уступающие в опыте, мастерстве. Значит, молодая московская гвардия труда — не пятьсот человек, фотографировавшихся в Кремле. Она неизмеримо больше.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПЕРЕД НАЧАЛОМ СМЕНЫ.

ЗАТОЧКА ИНСТРУМЕНТА — СО ЗНАКОМ КАЧЕСТВА.

САМАЯ ТОНКАЯ ОПЕРАЦИЯ — ШЛИФОВКА.

Секретарь цеховой комсомольской организации Юрий Казаков вспоминает такой эпизод. Пришел к нему комсомолец и говорит:

— Я думаю, что надо перед участниками вахты поставить условие: всем во все недели выполнять нормы.

— Но ведь выполнять нормы — наша обязанность, — возразил ему Юрий, — в конце концов это долг каждого комсомольца, каждого рабочего.

— Тогда мы должны принять обязательство: не иметь все 60 недель ни одного нарушения трудовой дисциплины.

— И это обязательство. Твой почин можно сформулировать так: обязуюсь выполнять... обязательство. Видишь, самому смешно стало. Нет, нужно что-то другое. Я вот недавно был в нашем заводском музее и узнал, что первым комсомольским секретарем «Уралмашстроя» был Николай Кондаков. Почему бы вашей бригаде не включить его в свой состав? Или, например, Евгений Хмелев. Он же работал у нас во время создания завода. Был активистом. Убили его бандиты. Попытались таким образом помешать строительству нашего завода. Предложи ребятам взять Кондакова и Хмелева в бригаду. А коль вы знаете друг друга хорошо, то узнайте подробнее о жизни и делах своих новых членов. Уверю вас, узнав их, вы многое узнаете о стране, о Свердловске, о своем заводе.

Эпизоду этому Юрий вначале не придал особого значения, но, как потом оказалось, он многое определил. Не только комсомольцы механического цеха крупных узлов, но и всего «Уралмаша» начали включать в свои коллективы тех, кто отстаивал Советскую власть, строил завод, выпускал первую продукцию. Комсомольцы все чаще стали приходить в заводской музей. Узнав все, что можно, о новых членах коллектива, они теперь уже интересовались историей завода, тем, что происходило на нем в тот год, которому посвящена неделя ударной предоктябрьской вахты.

Но все это было еще подступом к главному. И как бы репетицией этого самого главного стал случай, который произошел на заводе, когда шла четырнадцатая неделя вахты. Дело в том, что в эту неделю механический цех крупных узлов лидировал в соревновании и был претендентом на победу. Но тут случилось непредвиденное. Пришло письмо с завода «Азовсталь», для которого «Уралмаш» выполнял заказы. В письме заказчики сообщали, что они готовы приступить к монтажу. По всем пунктам производственного плана все шло хорошо — и вот неожиданная просьба «Азовстали» ускорить выполнение их заказов.

— Много мы тогда с ребятами говорили, — вспоминает Юрий Казаков, — высказывались разные мнения, но в одном были единодушны: не будет удовлетворения от нашей победы, если цех не оправдает надежд строителей «Азовстали».

Вряд ли стоит сейчас рассказывать о тех «горячих» днях. Это были дни рекордов для комсомольско-молодежных бригад Юрия Сысоева и Анатолия Токминова, время ежедневных рейдов «КП»; как сводки с поля боя, через каждые четыре часа в цехе вывешивались «молнии». И вскоре в адрес «Азовстали» было отгружено необходимое оборудование.

Почему этот случай мы называем репетицией? Дело в том, что вскоре на завод поступил новый заказ от строителей и монтажников Всесоюзной ударной комсомольской стройки — универсально-балочного стана Нижнетагильского металлургического комбината. А еще

через несколько дней на комсомольском собрании слово взял комсорг бригады Юрия Сысоева Герман Чичелимов:

— Как вы знаете, неделю назад мы начали изготавливать первые узлы для универсально-балочного стана. А вот здесь, — Герман показал областную молодежную газету, — я прочитал, что проектировщики, строители и эксплуатационники стана заключили договор о совместном шефстве над строительством. Выполняя заказ для «Азовстали», мы поняли, что мы, поставщики, тоже можем хотя бы на неделю-две приблизить

Об этом наказе бригады Токминова своему бригадиру Юрий уже знал. Знал он также, что теперь работать будет еще труднее. Вообще бригада Токминова доставляла много хлопот секретарю. Но эти хлопоты ему нравились. Ребята предлагали не просто «вперед и выше», а очень интересные дела. Взять хотя бы случай с их вызовом. Додумались они вызвать на соревнование бригаду Алексея Ивановича Храмцова, которая работает в этом же цехе. Чтобы понять, что это за бригада, достаточно сказать несколько слов о бригадире. Алексей Ива-

заводе. Какие у них были дела! Тогда бригад было немного. А сейчас в области 5000 комсомольско-молодежных коллективов. Вот мы и предложили начать октябрьскую поверку. Поговорим о сегодняшнем дне, обменяемся опытом, узнаем, как создавались и росли ударные в нашей области, пусть дела первых будут мерилем наших дел. Это не только интересно — это полезно. Нам есть чему поучиться.

Дней через пять бюро обкома комсомола одобрило инициативу бригады Мезенова и предложило всем комсомоль-

Валерий КРАСНОВ

ОПТИМАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

день пуска стройки. Поэтому предлагаю обратиться к участникам договора с просьбой включить в него и нас. Таким образом, наша вахта в честь 60-летия Октября не будет проходить только в рамках завода. Мы будем соревноваться также со всеми, кто принимает участие в строительстве стана.

Тогда, поддерживая предложение Германа, комсомольцы и не подумали об одном в общем-то удивительном факте. «Уралмаш» стал тридцать шестым участником договора строителей стана под девизом «От проекта до готовой продукции — комсомольскую гарантию качества!». В условиях договора написано, что досрочный пуск стана будет подарком комсомольцев 60-летию Октября. Таким образом, в предоктябрьской вахте стан объединил 186 тысяч комсомольцев. Все они добровольно поставили перед собой одну задачу — досрочно пустить универсально-балочный стан. На «Уралмаше» даже стали вести отдельный счет сэкономленному при выполнении заказов для стана времени. В «копилке» двух тысяч комсомольцев «Уралмаша», участвовавших в выполнении заказа, — почти двадцать тысяч рабочих дней, а строгальщик Николай Лепилов сэкономил 90 рабочих дней. Таким образом, только уралмашевцы приблизили срок пуска стана на 3—4 дня. Это уже конкретный, весомый подарок Октябрю, если вдвоём учесть, что только один день строительства стана обходится в 123 тысячи рублей.

Но и это было не самым главным в предоктябрьской вахте для комсомольцев механического цеха крупных узлов.

...В комитет комсомола цеха Анатолий Токминов пришел на другой день после приезда из Чехословакии. Ездил он туда на завод «Шкода» изучать опыт работы. Возбужденный, переполненный впечатлениями, рассказывал о заводе, своих новых знакомых, но видно было, что чего-то недоговаривает. Наконец не выдержал.

— В общем, так, Юра, — обратился он к Казакову, — не знаю, как ты это воспримешь, но я по поручению своей бригады заключил на «Шкоде» с бригадой Вацлава Марека договор о соревновании в честь 60-летия Октября. Там у них, понимаешь, так здорово идет соревнование в честь Октября... И когда уезжал в Чехословакию, мои ребята наказали...

нович Храмцов — член ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда, кавалер ордена Октябрьской Революции, почетный гражданин Свердловска, человек, чье умение сплотить коллектив признано всеми. А тут сильная, но все же еще очень молодая бригада решает соревноваться с теми, кто уже несколько лет бесспорно является победителем. Нет, бригаду Храмцова токминовцы не обогнали, но приблизились к ней вплотную и, стремясь догнать лидера, обогнали всех остальных. Тогда они вписали весомую строку в «Диплом» победителей, который хранится в заводском музее.

Так что не случайно, не ради аплодисментов они вызвали на соревнование бригаду Марека. Во-первых, они надеются на свои силы, а во-вторых, очень хотели свой договор сделать интернациональным. Некоторые заказы эти заводы делают совместно. Ведь Октябрь стал знаменем всех народов земли, и при помощи таких договоров, который заключила бригада Токминова, под этим знаменем накануне 60-летия Октября еще теснее смыкаются ряды борцов за мир и справедливость.

...Резко зазвонил телефон. Юрий прервал свой рассказ и поднял трубку: — Это я, Сережа. Как доехал? Понял. Да ты не беспокойся, передам. Не забывай мой наказ насчет бригады Мезенова...

Окончив разговор, Юрий пояснил: — Это наш строгальщик Сергей Сухарев звонит. В Москву уехал фотографироваться как победитель вахты. Тут нам одна инициатива понравилась. Бригада Мезенова с Уральского турбомоторного завода имени Ворошилова предлагает начать октябрьскую поверку комсомольско-молодежных коллективов, и я попросил Сухарева поговорить в Москве с ребятами из других областей, не желают ли они стать с нами в этот воображаемый строй на поверку.

Неделю назад мы разговаривали с Сергеем Мезеновым из инструментального цеха свердловского производственного объединения «Турбомоторный завод» о почине его бригады. Сергей, как и все члены бригады, был просто одержим своей идеей.

— Понимаешь, ударным комсомольско-молодежным бригадам 50 лет, — горячо рассказывал он, — рядом со мной стоит станок, на котором работает бригада первой ударной бригады на нашем

ским организациям области принять участие в поверке. А на «Уралмаше» верны своему принципу: все сначала взвесить, рассчитать. Ведь поддержать почин — это не значит просто дать согласие. Согласились, а дальше что? И самое главное, пожалуй, то, что, вникая в смысл инициативы мезеновцев, уралмашевцы решили привлечь к октябрьской поверке десятки комсомольско-молодежных коллективов из других областей страны, которые совместно с уральцами выполняют заказы или являются поставщиками «Уралмаша».

В цехе крупных узлов сейчас все комсомольцы обогнали время по своему рабочему календарю, многие решили план двух лет пятилетки выполнить не к 7 ноября, а к 17 октября — дню 50-летия комсомольской организации завода. Но инициатива, творческий поиск комсомольцев, комитета комсомола на этом не заканчиваются. Ведь далеко не везде убедились в том, что итоги вахты можно подводить каждую неделю. Надо признать, что специфика работы некоторых участников соревнования действительно породила большую проблему. Инженер-конструктор вычерчивает иной узел месяца. Как подсчитать, что он сделал за неделю? У него, может быть, три недели шел творческий поиск, он даже не чертил, а рассчитывал. А попробуйте подсчитать, сколько сделали за неделю бухгалтер, нормировщик, контролер ОТК, кассир...

А на «Уралмаше» таких больше двух тысяч. Действительно, не подсчитать. Но это в том случае, если мы вклад каждого будем измерять только процентами, штуками, килограммами и так далее. И все-таки в вахте могут принять участие комсомольцы любой специальности. Каким образом? Здесь уместно будет привести небольшой эпизод с заседания по обсуждению кандидатур победителей. Да, на «Уралмаше» есть такие обсуждения. Начальник цеха, мастер, экономист и секретарь цеховой комсомольской организации обсуждают тех, кто по показателям претендует на победу. Экономист докладывает, что комсомолец такой-то выполнил норму на 123 процента. Вопрос задает начальник цеха:

— Закончилась неделя, посвященная сорок девятому году Советской власти. Как комсомолец изучал историю завода, дела его коллектива в этом году?

Юрий КОРТНЕВ

ТРОЕ ИЗ ЗАЛА СЛАВЫ

После ответа второй вопрос: — Какое общественное поручение выполнял в прошедшей неделе, участвовал ли в рейдах «КП»?

Потом вопросы о шефской работе, учебе...

В заключение секретарь докладывает, имел ли комсомолец нарушения трудовой и комсомольской дисциплины как участвует в рационализации, внедрении планов НОТ, поисках новых фактов и документов о людях, включенных в состав бригад. Дополнительные вопросы задаются тем, кто является участником договора по шефству над строительством стана.

Вопросов задается двенадцать — пятнадцать, но только два-три из них касаются чисто производственной деятельности, на которые, бывает, почти нечего ответить бухгалтерам, курьерам, почтальонам, контролерам ОТК и так далее. Но это не снижает их возможности стать победителями.

На этом обсуждении мне вспомнился случай, который произошел на комсомольском собрании в одной из швейных мастерских Свердловска. Приемщица заказов, комсомолка, с большой обидой говорила:

— Чувствую себя лишней. Все соревнуются, и на собрании разговор только о соревновании, а обо мне в его условиях ни одного пункта. Меня как бы не подпускают к соревнованию. А я, может быть, тоже хочу работать так, чтобы и моя фамилия была в «Зачетной книжке». Я комсомолка, мой долг сделать подарок Октябрю. Это не высокие слова. Я просто очень хочу соревноваться.

Ей отвечали: проявляй инициативу, сделай что-нибудь доброе и заметное... Все это, конечно, правильно. Однако только в Свердловской области почти 300 тысяч комсомольцев не рабочие, а служащие. Какое участие они могут принять в соревновании, если единственным мерилем будут проценты? Вот почему опыт комсомольцев цеха крупных узлов «Уралмаша», который сейчас получил распространение на многих предприятиях области, заслуживает особого внимания.

Новая форма соревнования, шефство над стройкой, обсуждение победителей, проверка комсомольско-молодежных коллективов, «неспокойная» бригада Токминова... Что объединяет эти факты? А объединяет их то, что комитет комсомола завода поставил перед собой конкретную задачу: найти новое содержание соревнования во время вахты в честь 60-летия Великого Октября. Это звенья одной цепи. Крепкой цепи. Она выдержит любое испытание, потому что в основу ее лег точный расчет.

...В Нижний Тагил, на строительство универсально-балочного стана, мы приехали рано утром, но здесь уже кипела работа. Завывали лебедки, тяжело переваливали через ухабы огромные самосвалы. Окликаем парня в рабочей спецовке и спрашиваем, как пройти к штабу строительства. Он поворачивается к нам, и я вспоминаю, что видел его на «Уралмаше», в цехе. Интересуюсь, как он попал сюда.

— Так мы же со строителями договор заключили.

— Но, согласно договору, вы должны досрочно поставлять им оборудование.

— Верно. Поставили. А они отстают. Мы свой отряд создали — и им на помощь.

— Не бойтесь, что они с вашей помощью вас же обгонят?

— Мы и они теперь одно и то же.

Я понял, что к цепи добавляется новое звено, от которого вся цепь станет еще крепче.

...На комсомольских собраниях, посвященных обсуждению проекта Конституции, молодым уралмашевцам было в чем отчитаться перед Родиной, они наметили новые планы творческой работы, новые обязательства.

Халикаев, Хамитов, Волкова.

Х

В такой последовательности я и познакомился с ними на Челябинском тракторном. Но на снимке победителей этапов в комсомольском соревновании в честь 60-летия Октября, сделанном в Кремле, Волкова оказалась приметнее всех.

Тракторостроение — все-таки мужское дело. Гриша Хамитов (по-башкирски его зовут Гайфулла) мне прямо так и говорил. И, показывая на фотографии Волкову, невольно теплел лицом, называя ее дружески Катей.

Под руками у Кати, если она, скажем, стоит на линии обточки корпуса подшипника, пять станков — от полуавтомата, с которого начинается обдирка поковки, до алмазной расточки, где Катя улавливает микроны по диаметру и доводит поверхность до зеркального блеска. «Пропускает» Катя около двухсот девяностограммовых корпусов за смену. На вопрос о рекордной цифре она сказала:

— Не знаю. Еще не устанавливала ее...

Мастер Геннадий Александрович Кирьянов объяснил:

— За любую работу берется и уходит в нее с головой. И так уже все шесть лет.

— Это из двадцати двух?

— Именно!

Да, Катя не знает предела в работе. Но не любит рассказывать о себе. Только и сказала, что любит петь. Этим, наверно, тоже стремится выразить себя. Правда, мастер Кирьянов угадал, что иногда скрывается за ее пением.

— Опять ты жалуешься, Волкова! — говорил он, когда станки на участке за отсутствием заготовок мало-помалу останавливались и Катин голос становился слышней.

— С чего-то это вы взяли, что я жалуюсь? — отвечала Катя. — Ничего я не жалуясь. Видите, я пою.

— Знаю, с чего взял, — приговаривал Геннадий Александрович. — С чего взял, с того и взял. А вот где заготовок для тебя набраться, этого я пока что не знаю.

Попав на завод, куда прихватил ее с собой приезжавший в их деревню в отпуск дядя Федя, мастер литейки, Катя больше всего полюбила те детали, в какие можно было бы посмотреть. Так и вылизывала каждую до блеска. Не один раз ей говорили: «Да уймись ты, Катерина, и без того уж все нужные классы чистоты перешла». Однако она и станки после смены так же вылизывала — потому что с детства любила смотреться в зеркала. И кроме того, Катю взяла в бригаду комсорг Валя Губина, сама неуемная, работающая...

— Стой прямо, — сказала она Кате. — По сторонам не смотри. И обязательно причеши волосы.

— Ладно.

— Нет, ты пойми, — настойчиво повторяла Валя, — стоять прямо надо, чтобы не сутулиться. И не надо глядеть по сторонам, чтобы не налететь на режущий инструмент или на горячую стружку рукою, а волосы нужно причесать, чтобы их случайно не намотало на шпиндель...

— Ладно, — отвечала Катя уже другим тоном, потому что действительно поняла, а если еще не поняла, то догадалась, что Валя Губина такой человек, которому очень нужно, чтоб его поняли.

Да и самой Кате очень важно, чтоб ее поняли, что не слишком часто случается. Валя Губина — исключение. Она даже тогда сумела понять Катерину, когда та убежала из хора, несмотря на всю ее любовь к пению.

— Понимаешь, эта учительница еще молодая! — оправдывалась Катя. — Она нам все ноты да ноты поддает. Скучища прямо. Так хочется поскорее переходить к песне!

— Так ведь это культура.

— Да понимаю я. Только так хочется подать голос в песне!.. А с нею уж и dorастать до этой культуры...

— Так можно не dorасти.

— Ничего, в работе-то dorастем. Ведь если дождаться, пока участок полностью окультурится, все на свете можно прозевать.

— Опять ты жалуешься, Волкова! — подражая голосу мастера Кирьянова, напустилась на нее Валя Губина.

— С чего-то это вы взяли, что я жалуясь, — отвечала Катя. — Ничего я не жалуясь. Видите, я пою.

В отличие от нее Гайфулла Хамитов, как правило, ведет себя тихо. Гайфулла — слесарь механосборочных работ второго участка сварочного цеха и уже дважды становится победителем промежуточных этапов в комсомольском соревновании. Ему, как и Кате, также двадцать два года. И на кремлевском снимке Гайфулла оказался рядом с ней. «Так поставили», — объясняет он это совпадение. Но в работе достойного для себя места Гайфулла добивается сам. «Так отец велел», — поясняет он.

Завидев издали Гайфулла, люди ведут себя по-разному. Если один, — к примеру, сварщик участка Герой Социалистического Труда Иван Петрович Князькин — его приветствует, то другой — скажем, контролер прессового цеха, откуда на участок Хамитова поступают заготовки и которого Хамитов называть не хочет, — сразу отворачивается. Любопытней всего, что обе эти реакции происходят по одной и той же причине. «Отец учил: всегда старайся поступать так, чтобы люди с тобой считались», — говорит Гайфулла. На отца он любит ссылаться. А отец, тракторист в прошлом, любил наставлять своего старшего сына:

— На тебя всегда будут смотреть твои братья — и Гаитназар, и Рафит, и Рафкат... И кроме того, никогда не надо забывать, что у вас есть еще сестра — Расима.

Конечно, Гайфулла хотел бы составить с отцом семейную бригаду трактористов Хамитовых. Однако в средней школе-интернате, где он заканчивал десятый класс, его шесть дней в неделю воспитывал не отец, а учитель математики, который все эти шесть дней в неделю доказывал, что если человек очень хочет, чтобы с ним люди считались, то он после школы обязательно должен поступить в политехнический. Наверное, этот учитель сам после школы очень хотел поступить в политехнический, а попал вот в педагогический, потому он так и говорил. И отцу Гайфуллы, когда тот навещал сына в интернате, он так говорил. И отцам других учеников тоже. Да и тракторов в их совхозе в то время на всех не хватало. Вот и получилось, что все трое парней, выпускников их класса, вместе отправились в город поступать в политехнический... И так же дружно все трое провалились по математике.

Завод встретил Гайфулла гудом моторов и лязгом гусениц — трактора сходят с конвейера и становятся на обкатку во дворе прямо против заводской проходной. Трактор был свой. Старый знакомый. Но и он был притиснут машинами корпусов. Разве найти тут себя человеку?! Поневоле задумаешься, как тебе быть.

— Давай-ка отказывайся ты, Гриша, от своего ученического оклада и становись-ка на сельщину рядом со мной, — сказал ему наставник Толя Криничин на второй день знакомства с учеником: увидел его хватку.

Вот, оказывается, и все, что надо, чтобы человек не сомневался, как ему быть. Все прочее — изучить сто шестьдесят деталей, запомнить полтора десятка изделий, освоить двадцать две операции, посредством которых изделия приобретают законченный вид, — становится делом доступным, когда видишь, что люди настроены считаться с тобой. И вальцовочный станок и зигочный, точечная сварка, пресс и кефай-машина — это все лишь одна голая техника. Она поддается, когда понимаешь, что люди не только себе доверяют, что спрашивают в работе с тебя, как с себя. И в трудный миг, естественно, тебя не оставят.

— Ты, наверно, хочешь, чтоб люди с тобой считались? — спросил его как-то сварщик Иван Пет-

рович Князькин, видя торопливость Хамитова, спешку в работе.

— Конечно! Как вы узнали?

— А если ты этого очень хочешь, то сам постарайся считаться с ними. К примеру, пусть это будет получивший твое изделие тракторист.

— Так нет его здесь...

— И хорошо, что нету. Значит, теперь ты можешь поставить себя на его место и представить, как ты будешь управляться с тугой воздушной заслонкой на ходу.

Гриша представил и сразу увидел, что и трактору и трактористу нечем будет дышать. Отсюда и вывел он принцип работы, которому следовал дальше во всем. С подсказки Князькина пошло мастерство, но Князькин знал, кому как подсказывать. Формально он не был ни наставником слесарей, ни тем паче начальником. Зато он щедрой души человек. Отсюда и мог объяснить в двух словах жизнь, как, не знаю, смогли ли бы ее объяснить Грише в политехническом. Скоро Хамитов уже работал с личным клеймом.

Однажды пришел на участок новенький, тоже слесарь и тоже башкир. Рассказывал, будто приехал с Севера, где очень в работе поднатерел... Понятно, Гайфулла к земляку расположился. Даже к Ивану Петровичу его подводил. Быстро выяснилось, однако, что сильнее всего пришелец проявляет способности при сдаче бракованных деталей доверчивой женщине — контролеру ОТК. Гайфулле стало совестно. Он раз подсказал земляку... два... А на третий раз сказал уже доверчивой женщине-контролеру, чтоб она все же вглядывалась в то, что клеймит. «Северянин» обиделся и закричал, что Гайфулла не друг. И даже пригрозил Грише за то, что он поднимает голос там, где помалкивает сам ОТК.

— А я старше технического контроля,— заявил Гриша.— Я народный контроль.

Как у него вырвались эти слова, Гриша и сам до сих пор не знает. Может, это произошло потому, что как раз перед тем старший мастер участка Павел Максимович Дикуннов упрямил Гришу посидеть вместо него вечерок на собрании народных контролеров? А может, по какой-нибудь совершенно иной причине. Сейчас это уже не имеет значения. Важнее, что слово «народный» было сказано, а за него полагается стоять. «Северянин» увидел, что здесь давить ему бесполезно, и пошел писать заявление на расчет.

Ну, а сам Хамитов? Спрашиваю:

— А в деревню тебе не хочется?

— Хочется. На коня не хочется, а в деревню хочется...

Выходило, однако, по его дальнейшим словам, что ему никакого поворота в биографии делать нельзя. Их отца уже нет, и теперь на него смотрят и Гаитназар, и Рафит, и Рафкат... и кроме того, у них есть еще сестра Расима.

— Тракторов-то у вас сейчас всем хватает?

— Тракторов много,— отвечает Гриша.— Только ведь на них всех не посадишь.

Да, наверное, действительно, не посадишь, если учесть, что в одном только Суракове четыреста дворов и у одних только Хамитовых детей в доме пятеро. Правда, за одного беспокоиться уже нечего.

— Надо заводы в деревне строить,— говорит Гриша.

— А что же там можно делать-то?

— Сбрую можно делать,— отвечает Гриша.— Дубленки можно делать. Колбасу...

Я смотрю на него и в который раз уже задумываюсь: каких ребят выпускает деревня! Не всем им работать на колхозном поле, но всем дай поле деятельности.

— Дороги тоже надо делать,— говорит Гриша.— Надо, чтоб деревня была как завод. На заводе больше соседней и ближе они, помогать можно.

Гайфулла — рабочий по убеждению. Однако в пятницу вечером он все-таки опять укатил в родное Сураково. Что поделаешь, если земля отцов — земля детей. Отец Гриши Зайнулла Хамитов водил трактора по широким полям своего Курмановского совхоза. Гайфулла Хамитов трактора строит. Чтобы их всем хватало. Чтобы каждый настоящий молодой егет (джигит) из села имел по железному коню. Чтобы оставались, повзрослев, около Насимы Сафеевны, дома, на родной земле, любимые ее сыновья Гаитназар, Рафит, Рафкат... И, кроме того, никогда не надо забывать, что у них еще есть сестра — Расима.

Тракторостроительному объединению ЧТЗ нужны квалифицированные работники. И завод из многих выращивает отличных специалистов.

Разве не специалист высокого класса двадцатидвухлетний Гайфулла Хамитов, умеющий «укрощать» за смену почти суточную норму? А ровесница его Катя Волкова с одинаковой скоростью способна работать на десяти различных станках и годными признает только такие детали, в какие можно будет посмотреть потом. А помимо того, в свои двадцать два она уже избрана в президиум комитета профсоюза Челябинского тракторостроительного объединения «ЧТЗ имени В. И. Ленина», где регулярно принимает непосредственное участие в решении судеб десятков людей. Гриша Хамитов тоже профсоюзный активист — профорг участка. Не отстает от них и Рахим Галикаев, о котором рассказ еще впереди.

Для комсомольских рук на ЧТЗ точкам приложения несть числа. Завод претерпевает капитальную реконструкцию. По решению ЦК ВЛКСМ он объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

Однако и комитет комсомола объединения не сидит сложа руки, дожидаясь, пока все будет сделано добровольцами со стороны. Инициативные молодежные группы конструкторов и рабочих параллельно изыскивают пути создания новых производственных мощностей. Во всех корпусах завода ими внедряются прогрессивные методы изготовления узлов и деталей. Комсомольцам уже удалось ввести в строй линию грунтовок кабин в сварочном цехе, позволяющую увеличить срок эксплуатации в два с половиной раза, что дает годовой эффект более чем в 150 тысяч рублей. В прессовом корпусе ими внедрен моечно-сушильный агрегат, начисто исключивший тяжелый и грязный физический труд. Там же изобретен «пресс-брикет», а в литейном создается небывалая еще в практике квантометрическая лаборатория экспрессного анализа. Она будет обслуживать сразу два цеха, высвободит 27 лаборантов и сократит время анализа до десяти минут. Это основополагающий сдвиг в деле автоматизации системы управления литейным производством завода. Комсомольцы заверяют, что первые анализы будут взяты в лаборатории в преддверии 60-летия Великого Октября. Лаборатория — их подарок к знаменательной дате.

Но комитет комсомола объединения на этом не успокаивается: автоматизация на ЧТЗ разворачивается полным ходом. Перестраивается участок Кати Волковой. В новом корпусе трудится Хамитов. И скоро то же самое можно будет сказать про их товарища Галикаева, хотя работа у Галикаева далеко не сидячая. Впрочем, такое положение вещей его устраивает: Галикаев не любит сидячей работы. Оттого, что централизованная лавина технических нововведений до рабочего места Галикаева пока еще не дошла, все возможное по усовершенствованию и ремонту он совершает сам. Точности, с какой работает Галикаев, научитесь трудно, любовь к ней надо воспитывать в себе человеку всю жизнь. И даже внешне рабочие движения Галикаева напоминают выпады фехтовальщика, настолько они точны.

В пяти метрах слева от него находится карусельная печь, из которой подручный Коля Шлюпкин двухметровыми клещами выхватывает ослепительные болванки. Он бросает их на рольганг, и, рассыпая искры, болванка скатывается к ногам Галикаева, тот хватается ее такими же в два метра клещами и совсем без замаха, на уровне плеча, резким, как укол, тычком вставляет в гнездо, синхронно нажав на педаль хода машины. «ГКМ» с громом бьет, отскакивая миллиметров на сто. Не выключая самохода, Галикаев успевает повернуть деталь, и «ГКМ» снова бьет. За отскок, так же не отпуская самохода, Галикаев успевает переставить детали в другое гнездо. «ГКМ» бьет, формируя длину детали. Пятым движением Галикаев отбрасывает деталь в ящик и уже шестым ухватывает новую заготовку. И такой бой с металлом и временем Галикаев ведет без устали, пока не скатываются к его ногам по рольгангу пуценные Колей Шлюпкиным ослепительные болванки. Перекидывает кузнец Галикаев за день 14 040 килограммов, или четырнадцать тонн с гаком. Вот это работа, особенно если учесть, что брака у него практически не бывает!

За свою с Колей Шлюпкиным работу он ручается головой. А тот брак, который может произойти по причине некондиционных болванок, приноровился выявлять еще до машины, а не после нее, когда негодная деталь может пойти только на переплавку. Теперя отобранная им «некондиция» режется на более мелкие мерные куски и употребляется на изготовление втулок. А Галикаев пошел дальше по

части качественного труда, потребовав личное клеймо от ОТК цеха.

Они там едва не упали со смеху. Ну как он будет ставить клеймо на огнедышащие поковки?!

Последним смеялся все-таки Галикаев. Клеймо надо было сделать на захвате клещей, чтобы машина и протавляла его массовым способом. Комсорг цеха, по образованию техник, Валерий Ганич поддержал галикаевскую идею и воплотил ее в чертежах. Здесь отекотцы, убавив тон, только и могли сказать: «Ну что еще выискивают для себя эти люди, мало им обычной работы?» Отчасти они правы: ответственности прибавляется, но Галикаев любит, когда у него дел много. Производительность его труда ощутимо растет. За пять лет — с семисот пятидесяти осей до тысячи двухсот, а случается, и более. Кстати, то же самое можно сказать и про Катю Волкову с Гришей Хамитовым.

Галикаева зовут Рахим, полностью — Рахимьян. Сам он себя называет Ромой, говорит, так короче. Галикаев любит все сокращать.

Первым делом Рахим сократил срок обучения. Его наставник долго не допускал подручного к машине и везде говорил, что тот еще не готов. Иногда он устраивал даже подвохи. Терпение у Рахима лопнуло. И в день коммунистического субботника 1972 года он уговорил подручного с другой машины, которого так же вот уже больше года не подпускали к ней, Володую Шевчука, объединиться и вызвать своих «старичков» на соревнование. Администрация цеха дала «добро». И к вечеру оказалось, что «старички», как они ни старались, отстали от ребят на целую треть дистанции. С того дня и родилась в цехе комсомольская бригада — Рахим Галикаев в паре с Владимиром Шевчуком. Наряд себе они попросили общий. Без каких-либо делений по разрядам и по часам. Раз дело общее, решили ребята, то и ответственность пусть на двоих...

Затем Рахим решил сократить расход металла. Этому помог случай. Заготовка нарезала не те болванки — вместо тридцати шести осей накротали тридцать седьмые, которые для плана уже были сделаны и которые короче тридцати шести. Пошли на заготовку пожурить там за невниманием к заказу, ведущее к простую «ГКМ» на сорок минут, и онемели. На заготовке больше не было нужного для осей металла. Их вообще было не из чего рубить! Масштаб сумятицы нетрудно представить, если понять, что срыв одной смены цеха при конвейерном выпуске чреват для завода сбоем — даже язык не поворачивается произнести, каким. Руководство забегало и не сразу обнаружило, что бригада Рахима работает. «Ты чего это делаешь?» — спросили его. Он отвечал, что тридцать шестые оси. «Не ври, на них заготовок нет!» «Я кую их из тридцати седьмых заготовок». «Так ведь сплошной идет брак!» «Нет, идет сплошная кондиция». «Этого не может быть!» — закричали присутствующие и полезли в ящик замерять еще красивые, откованные Галикаевым оси. Оси были высшего сорта. «Как тебе удалось?!» Рахим отвечал, что поставил на штам новые вкладыши, подрегулировал ход и за счет точного припуска на диаметр получил выигрыш на длине. «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!» — снова выкрикнули собравшиеся и помчались докладывать, что прорыва у них не имеется, и вообще неизвестно, кто это поднял такой сомнительный разговор.

А Рахим с тех пор все так и работал, помалкивая. И только недавно комсорг Валерий Ганич, наконец, возмутился и, подсчитав, объявил, что только на этом Рахим экономит двадцать тонн дорогой стали в год. Можно сказать, почти полтора дня он является на завод со своей «собственной» сталью. Поскольку полтора дня ни то ни се, Рахим решил округлить время и взял обязательство на дополнительные десять тонн металла. Ганич заверяет, что это не одни только слова.

Сейчас Галикаев осмысливает идею замены карусельной печи прямой с шаговым толкателем заготовок. Тогда Коля Шлюпкин встанет на соседнюю «ГКМ», которая ныне чаще всего бездействует, потому что на нее просто некого ставить.

— Нас, комсомольцев, в объединении почти десять тысяч! Если каждый в дополнение к рукам поворачивает и мозгами, то все проблемы завода будут решены! — доказывает Рахим.

Думается, он все-таки слегка горячится, поскольку любит все сокращать. Однако не может быть никакого сомнения, что многие проблемы завода очень скоро удастся решить. Отлично трудится комсомольская гвардия «ЧТЗ имени В. И. Ленина». Хотя и не все еще могут жить и работать, как Рахим Галикаев, Гайфулла Хамитов и Катя Волкова.

"...ДУШУ ЭТОЙ ЗЕМЛИ ПОСТИГАЛ"

Юрий РЯБИННИН

Я знал, что он живет в Ашхабаде и пишет хорошие стихи. Несколько лет назад я приезжал в Ашхабад, пытался ему дозвониться, не застал... И вот известие о его трагической гибели...

А до этого был Ленинградский университет. И шумные сборища литобъединения филфака. И Юра, только что сдавший какой-то очередной экзамен, вбегает на трибуну, доверительно сообщает аудитории: «Четыре балла...» — и читает свои новые стихи.

Я помню его в клетчатой ковбойке с раскрытым воротом. Казалось, что он только что из туристского похода или из котлована студенческой стройки. Впечатление не обманывало: он действительно любил дороги и, закончив ЛГУ, уехал туда, где бурило созидание, — в пустыни Туркмении.

Вы прочитаете его стихи — и те, что он успел опубликовать в республиканской печати, и те, что остались на его рабочем столе.

Думаю, что всеобщий читатель должен получить его книгу и полностью услышать этот молодой, чистый голос.

Владимир ТОРОПЫГИН

Дружбу надо водить с простыми,
Словно хлеб и вода, людьми.
Ты бедуй и трапезничай с ними,
В спорах с ними махоркой дыми.

Нет в их речи ни «охов», ни «ахов»,
Не притворна она, не красна
И не терпит рублевых замахов,
Тех, которым копейка цена.

О, как слог их небезупречен,
Не звенящи их голоса.
Ты учишь у них трудной речи
И уменью смотреть в глаза.

И еще одному уменью:
В бурю, в слякоть, при всех ветрах
Не менять, как одежду, мнение,
Жить за совесть, а не за страх.

Игра

Мы — чапаевцы, рядом с начдивом,
И по честным законам игры
На толкают в костер крапивы
С полинялой плешивой горы,

Так что грязные пятки мелькают.
Жжет крапива зеленым огнем.
Но идем мы не к тем, кто толкает,
Снова мы за Чапаем идем.

Снова тесно стоим у обрыва,
Что есть силы горланим: «Ура!»
В снах приснившись, без перерыва
Продолжается эта игра.

Входит в кровь мою капля по капле
И становится частью меня,
Блещет пламя чапаевской сабли,
Мчатся кони, железом звеня.

И, тем пламенем осененный,
Я учился распознавать,
Под какие шагать знамена
И в какие шеренги вставать.

Песни, которые мы поем

Вечерами —
Вглядитесь —
По облачным сходям
Вместе с солнцем
Спускаются за гору дни.
Как живете вы,
Мальчики?
Сколько лет вам сегодня?
И какие вам песни
Сегодня сродни?
Песни!
Помните ту,
Что за сердце хватала?
В ней «фотограф случайный»,
«Над Невой соловьи»...
Было так:

Если песен у нас не хватало,
Мы у дымных костров
Сочиняли свои.
О дорогах,
О парне,
Готовом податься —
Пусть страна позовет —
Хоть в какие края.
Было поровну всем нам
В то лето —
По двадцать,
Мы о жизни судили,
Душой не кривя.
И к себе и к другим
До жестокости строги,
В лихорадочных спорах

Напрягали умы.
В котлованах негромкой
Студенческой стройки
Обретали мозоли
И принципы мы.
Мы ложились устало
На теплые травы,
И пылал
От мечтаний несдержанных,
Лоб.
Потрясала нас жажда
Безжалостной правды,
И высоких страстей
Колотил нас озноб.
Никаким краснобаям
Не давали потачки

И жилище и песню
Умели сложить.
Рыли землю,
Возили тяжелые тачки
И учились серьезно
И праведно жить.
Вечерами —
Вглядитесь —
По облачным сходям
Вместе с солнцем
Спускаются за гору дни.
Как живете вы,
Мальчики?
Сколько лет вам сегодня?
И какие вам песни
Сегодня сродни?

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Разносчик запоздалых телеграмм

Зачем ты нас—чуть свет иль среди ночи,—
За дверью поднимая тарарам,
Тревожишь, суетливо озабочен,
Разносчик запоздалых телеграмм?..

Зачем глазами пылкими вращаешь?
Куда спешишь, всклокоченный чудак?..
Ведь то, что, запыхавшись, ты вещаешь,—
Вчерашний день, сегодня все не так.

Уйми свое ретивое старанье
И, прежде чем стучаться в эту дверь,
Остановись, переведи дыханье
И будущее с прошлым соразмерь.

Вчера и завтра—не одно и то же...
Но где там—мчишь по новым адресам...
Не дай мне бог быть на тебя похожим,
Разносчик запоздалых телеграмм.

Скворцы

А у тебя негаданно, нежданно
Улыбкою зарделось лицо,
Когда на нас обрушился гортанный,
Картавый щебет взбалмошных скворцов.

Откуда он в беспитчьем здешнем крае,
Где только камень, камень без конца,
Где медленно на солнце подгорают
Бескровные, кривые деревца?

Откуда он? В нем отзвук спешных сборов,
Дорожных тягот, жалоб и забот,
Глухих тревог и вздорных перекоров...
Постой! Ведь это птичий перелет.

Постой, ведь это, против воли бросив
Тепло своих насиженных ветвей,
Летят скворцы, кляня, как могут, осень,
Летят, быть может, с Брянщины твоей.

Пускай летят, пути не загородишь,
Пускай летят за кромку желтых гор...
А ты опять, в который раз, заводишь
Постылый, надоевший разговор.

А ты опять с такой притворной грустью,
Что так и жди привычных, хитрых слез,
Скорбишь о том, что в это захоластье
Какой-то черт по злобе нас занес.

Что здесь скворцы—и те, куда им деться,
Всего лишь на ночь сели отдохнуть,
А завтра, не успевши оглядеться,
Чуть рассветет, умчатся дальше в путь.

Ты, что ни слово, резче и смелее,
Себя надеждой тешишь не впервой,
Что я возьму и тоже заболую
Твоею перелетною тоской.

Возьму и встану рядышком с тобою,
Чтобы вздыхать летящим птицам вслед...
А мне сегодня вспомнилось другое,
Как будто мне всего двенадцать лет.

В двенадцать лет живи, как мать прикажет,
А так хотелось вырваться туда,
Где нет пока простых барачков даже,
Где мужество возводит города.

И пусть там зной, пускай лютует стужа.
Страшны ль они для счастья моего?
Так неужели я сегодня хуже
Тогдашнего себя же самого?

Неправда. Нет. Ты слышишь? Я не птица.
Меня на то и вынянчила мать,
Чтоб мог я там, где надо, поселиться,
Чтоб мог я там, где надо, зимовать.

Не птица я—и беды и печали
Ко мне приходят тоже в свой черед.
Ты думаешь, беззвездными ночами
Меня тоска за сердце не берет

По отчему оставленному дому,
По шелесту застенчивых берез?

Но сильные тоскуют по-другому—
Без жалоб, без упреков и без слез.

И пусть до смерти будет сердце биться
В порывах этой яростной тоски,
Настолько сильной, что за нею птицы
Сюда слетятся в гиблые пески.

И будет так: достанет в нас терпенья,
И сил, и сердца, чтобы не во сне,
А наяву здесь зацвели деревья
И птицы вили гнезда по весне.

За птичьим счастьем душными ночами
Летят скворцы за кромку желтых гор,
А наше счастье здесь, не за горами,
Оно при нас, надежно, с давних пор.

Иносказанье

Иносказанье—вот к чему, пожалуй,
Я никогда привыкнуть не смогу.
Что на душе, то с прямою шалой
Я говорю и другу и врагу.

Обиняки, загадки, экивоки...
Но, дар метафорического ценя,
Признаюсь я, лукавые пророки,
Уроки ваши—нет, не про меня.

И у меня на то хватило б прыти,
Не так уж прост я и не лыком шит.
Но я предпочитаю без прикрытий,
Он мне обузой был бы, этот щит.

Страховки ради прибегать к защите—
Зачем? Готов за все держать ответ.
В моих словах подкладки не ищите,
В них смысл один—много смысла нет.

Нас полчища соблазнов окружают,
Они нам шепчут в комнатной тиши:
«А ты пиши подобно Окуджаве,
А ты подобно Слуцкому пиши».

И пишем мы, скрипят ночами перья,
Светлеет грань оконного стекла.
И петухов предупреденное пенье
К утру нас отрывает от стола.

Еще не смолкли дальние гобои,
В ушах звенят чужие соловьи;
Твои стихи лежат перед тобою,
Твои стихи—как будто не твои.

Как будто ты писал их по подсказке,
Как будто утро сразу же свело
Все те, тобою найденные краски,
Все то, что принимал ты за свое.

А где слова и смутные тревоги,
К которым: «Оживите!»—ты зывал?
Они в тебе и ждут твоей подмоги,
Как горняки, попавшие в завал.

Они в тебе, они труднее дышат,
Ты к ним спеши и выведи на свет.
Слабеет пульс, и хриплый голос тише,
Они умрут—в тебе умрет поз.

Ты к ним спеши, не бойся оступаться,
Сроднись навек с мучительной судьбой
И постигай искусство оставаться
Самим собой,
Всегда самим собой.

Воробка

К делу он приступил не робко,
С ветки дерзко рванулся ввысь.
И на землю упал воробка,
Видно,
Крылышки не задались,
Слабоваты еще.
Испуган,
Обреченно таращит глаза
На мальчишек,
Что плотным кругом
Обступили,
Расправой грозя.
Ой, мальчишек лихое племя,

К вам с мольбой обращаюсь я:
Он взлетит еще,
Дайте время,
Не губите вы воробья!

Робейте, мальчишки!

Листочки липкие храбрее
Идут, развертываясь, в рост.
И снова мальчишки робеют
Перед лицом весенних звезд.

И, заглянув в глаза девочек,
Они, как тайну, прячут взгляд,
Неразбериху русских челою
Отводят пальцами назад.

И замирают, поражаясь,
Дереьев тени кружевной,
Потом девочек провожают
Домой дороною кружной.

И говорят высоким слогом,
И ищут редкие слова.
А под ногами ярким соком
Бурлит апрельская трава.

В глазах у мальчиков мелькают
Сиянья шальных огоньков,
И вот тогда они смолкают,
Когда девочки ждут их слов.

А ночь, чем дальше, тем рябее,—
И не светло и не темно...
Робейте, мальчишки, робейте,
Я вам завидую давно.

Из окна вагона

Я еду к отцу—повидаться.
Ах, как я здесь не был давно.
Лишь начало развиднаться,
Ревниво гляжу за окно.

И трепетный миг узнавания
Желанно меня молодит.
Бесхитростных станций названья
И леса глухой монолит.

В три яруса ленты тумана
Да рядом, на фоне стогов,
Фигуры проснувшихся рано,
Нахохлившись стариков.

И сразу морозец по коже.
Мгновенные те старики
Один на другого похожи:
Мешкасты на них пиджаки.

Забывшие модой фуражки,
Размытый рисунок лица,
И шаг неторопливый и тяжкий...
И каждый похож на отца.

Мне никуда не деться

Мне никуда не деться,
Не спрятаться в лесу.
Я взбалмошное сердце
Опять к тебе несу.

Бежит к запястью жилка,
Как ручеек точь-в-точь,
По травяной подстилке
Крадется к окнам ночь.

Щекой прилипнув к раме,
Закрыв квадрат окна,
Бездонными глазами
На нас глядит она.

Я выпрямлюсь, спиной
Окошко заслоня.
И мы остались двое,
Лишь только ты да я.

И никого на свете.
Но вот сдается мне,
Что кто-то, кто-то третий
Смеется в тишине.

На карточке потерятой
Твоя смеется дочь,
И с нею тот, четвертый,
Приходит в эту ночь.

Неверный или верный?
Смешливый или злой?
Мой нынешний соперник,
Зачный недруг мой.

И что ни думай дальше
И как тут ни крути,
Сейчас схлестнутся наши
И души и пути.

А виноваты с ним мы
Как есть одной виной:
Ведь та, что им любима,
Она любима мной.

И нет такого средства,
Чтоб с ним мирило нас...
Мне никуда не деться
От губ твоих и глаз.

Мне никуда не деться,
Не спрятаться в лесу:
Я взбалмошное сердце
Опять к тебе несу.

Речушка

С тихим голосом, не погремуща,
Не ропща на судьбу и житье,
И в песках сохраняет речушка
Воду—все достоянье свое.

А воды—воробью по колени.
И речушка чуть видно дрожит,
Нескупая, и ночью и денно
Каждой каплей она дорожит.

И какую же надо отвагой
Обладать неуклончивой ей,
Чтоб беречь эту легкую влагу
От песка и полдневных лучей!

Много видевшей, перетерпевшей,
Как ей сладко бывает потом,
Когда путник, от жажды сомлевший,
Припадет к ней запекшимся ртом.

Лей—не жалко. И черпай в ладони,
Лей за ворот, на щеки плечи...
Сыщешь реки куда полноводней,
А щедрее поди поищи!

В глазах рябит от пестроты,
Цветастой и пахучей.
Несу по городу цветы
И становлюсь все лучше.

Не клевету, не жалкий вздор,
Не сплетен тихих жала,
Несу мерцающий костер
Тюльпанов и фиалок.

Сирени веточки несу
С причудливыми челками,
Еще хранящие росу
И пахнущие пчелами.

Внимающе соловью,
Что свищет, заливаясь.
И я как должное ловлю
Девчонок встречных зависть.

И люблю мне свой путь вершить
Вдоль города дневного,
И не способен совершить
Я ничего дурного.

Рябины

Соль годов на бревенчатой кладке,
Кровь родная оседлых рябин.
Без заглядки вперед, без оглядки
Уезжал я от отчих равнин.

Жадность к жизни, а не сумасбродство,
Голос долга и юности зов
Уводили меня к Красноводску,
В край кочевья горбатых песков.

Эту скрытную трудную землю
По-мужски, без присяг полюбил,
И надежду в душе тихо теплою,
Что земле я ничуть не постыл.

Виноградникам, солнцем палимым,
И такырам, от соли седым,
Может, я и не стал побратимом,
Но ручаюсь, что стал не чужим.

Ведь не только потягивал пиво
И с друзьями кутил наповал,—
Трезво, пристально, неторопливо
Душу этой земли постигал.

Нарочитую льстивую ложь я
Про нее никогда не совью,
И за то приоткроет, быть может,
Мне Туркменья душу свою.

И простит мне, не ставши слепую,
Что всей кровью, до самых глубин,
Я люблю безысходной любовью
Кровь родную отцовских рябин.

Разговор с отцом о поэзии

Отец, работою намаянный,
Подув на стеклышки очков,
Сосредоточенный, внимательный,
Брал книжицу моих стихов.

Читал, и шевелились губы,
И взгляд усталых глаз густел,
Казалось, он до самой глубин—
Коль есть она—дойти хотел.

Потом вставал со стула грузно,
Смотрел из-под седых бровей
И спрашивал: «А что так грустно?
Нельзя ли чуть повеселей?»

Стихи несли в себе тревожно
На чью-то холодность намек,
И отвечал ему я: «Можно».
Но веселей тогда не мог.

«И все-таки, ты знаешь, проза
Доступней для простых сердец.
Переключись, еще не поздно».—
Так мне советовал отец.

«Я прозу больше уважаю.
Ты смог бы, если б приналег».
Я отвечал отцу: «Пожалуй».
Но прозой тогда не мог.

Первому художнику

Когда в груди просторной станет тесно
Внезапных чувств щемящей полноте,
Ты острым камнем на скале отвесной
Придай черты реальности мечте.

Изобрази желанную погоду
И ланей тонкорогих над ручьем,
Удачливую щедрую охоту,
Гортанный крик охотника с копьем.

Изобрази петляющую лодку
И рыбака с нацеленной рукой,
Его бросок, стремительный и ловкий,
И рыбий бок, пробитый остройгой.

Рисуй глаза, прекрасные от счастья,
Победных гимнов сдержанный напев
И пир горой, где с мужеством в согласьи
Летучий танец легконогих дев.

Рисуй колосья солнечного света
И духам тьмы стрелую пригрози,
Седых мужей высокого совета
И торжество добра изобрази.

Рисуй, сосредоточен и неистов,
Поверив с одержимостью юнца
В дар вещей камня, в чудотворство кисти,
В могущество волшебного резца,

В то, что, твоим фантазиям покорен,
Изменится суровый лик земли...
И верой той на радость и на горе
Художников грядущих недели.

«МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ»

Фотоконкурс «СМЕНЫ»,
посвященный 60-летию Великого Октября

ОДНОПОЛЧАНЕ.
Фото В. УРВАНЦЕВА (Челябинск)

ОЖЕРЕЛЬЕ ОСЕНИ.
Фото Б. ЧИГИШЕВА (Омск)

В КАЖДОМ РИСУНКЕ СОЛНЦЕ.
Фото С. МАЛЬГАВКО (Омск)

ВЕЛИКИЙ
60
ОКТЯБРЬ

Вехи нашей истории

Георгий БАЖЕНОВ

ГРАЖДАНС

«Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы!».

В. И. ЛЕНИН, 1919 г.

Зубков круто развернул лошадей. Фазтон Хлебникова как вкопанный замер перед орудием. Брызгалов возился с прицелом, поднял к Хлебникову мутные, тяжелые от недосыпания глаза. В свете костра мелькнул обожженный стрельбой, будто в красной окатине, и без того рыжий ус Брызгалова.

— Степан Ксенофонтыч! — В голосе Хлебникова Брызгалов угадывал общую для всех усталость, которая валила полки с ног, смыкала глаза, размягчала дисциплину. И все же Хлебников скрывал усталость, говорил твердо, только чуть медленней, чем обычно: — Степан Ксенофонтыч, ночью обязательно охрану на батарее выставь. Мало ли как оно...

— Уж это так. Верно. — Брызгалов, вытирая руки ветошью, подошел к фазтону. — Может, у меня на батарее заночуешь?

— К Семиглазову еще надо подскочить. — Хлебников как бы даже виновато улыбнулся. Но тут же скомандовал вестовому: — Zubков, а ну!

Zубков хлестанул лошадей, фазтон накрепился, но устоял и резко сорвался с места.

...У Семиглазова остались на ночь. Расчеты спали у орудий, вповалку, побросав на выжженную, пахнущую гарью степь тряпье, мешковину. Жались к счастливым, которым повезло пристроиться поближе к костру.

Казачи, по данным разведки, отстали от дивизии верст на тридцать.

— А ну-ка отведайте! — Zubков поставил перед командиром артдивизиона дымящийся котелок, который всегда вместе с пшеникой возил в фазтоне. — Сейчас бы смальца, э-эх, хоть бы с ложку-другую! Заиграла б кашка! — Вестовой Хлебникова широко, покрестьянски добродушно улыбнулся.

КАЯ ВОЙНА

— Слушай-ка, а вот чего ты, как беляков раздолбам, делать будешь? Кашу, что ль, варить? — Хлебников, хитро улыбувшись, смачно облизнул ложку и продолжал за обе щеки уплетать кашу; на черных его, молодецки закрученных усах поблескивала крупинками пшенка.

— Известно, что... — медля с ответом, мечтательно вздохнул Зубков.

— Ну, а все ж?

— А то и буду, что землю нашу матушку вспашу да хлебушко и посею.

— Вона чего-о... — вступил в разговор Семиглазов. — А я вот, сколь ни думаю, все-то мне кажется — батареей так и останусь командовать.

— Это как? — удивился Зубков.

— Ну, значит... как это я без батареи своей жить буду?

Хлебников вдруг отложил ложку в сторону.

— А ну-к тихо, — прошептал.

Прислушались...

Уральская степь, далекая, глубокая, дышала дремотным, сладко убаюкивающим покоем. Ни птичьего вскрика, ни ржания лошадей, лишь кое-где вдруг щелкнет обгорающим полешком ползущий красноармейский костерок. Ишь ветер вдруг качнет кусты прибрежного ивняка, и зашелестит, зашуршит оттуда мирный говорок листвы. Осень. А земля вокруг теплая, словно накалилась, напиталась человеческой горячей кровью, всполохами боев, огненной смертностью разрывов. Отдыхает земля. Теплая, разгоряченная, обожженная войной, дышит сейчас ночной прохладой. Даже Урал, кипение-вода, и тот как будто присмирел под истонченным светом зависшего над рекой месяца. И там, на левом его берегу, в бригадах Аксенова и Бубенца, и здесь, на правом, в бригадах Кутякова и Сокола, — по всей Чапаевской дивизии бродит-набравивает глубокий сон, с ног валяющийся покой-улады...

— Показалось... — шепчет Хлебников. — Показалось чего-то.

И все трое облегченно вздохнули.

— Может, малость вздремнете? — Вестовой кивнул на фазтон. — Я там приготовил... подпихнул шинельку, чтоб оно помягче было...

— Погоди, Зубков... — Непреоборимая дремота валит Хлебникова в сон, но недавняя страшная беда ожесточила нутро и саднила сердце тревогой и болью...

— Сволочи! — зло выругался Хлебников, и Зубкову с Семиглазовым не надо было объяснять, кого сволочит командир дивизиона. — Э-эх, не было меня там! — сжав кулаки, полупростонал Хлебников. — Я б им...

Зубков с Семиглазовым молчали.

— Утром четвертого я как чувствовал. Обидно, братцы... Машина тарыхтит, Чапаев с Батуриным уж сели, я подсказал: «Разрешите следовать, товарищ начдив?» А Чапаев мне: «Вот что, Хлебников, оставайся-ка в Сахарной. Тут ты, пожалуй что, нужней будешь. Так, нет, комиссар? — Батурин промолчал, а Чапаев дальше: — Но смотри, артиллерист, за Сахарную головой отвечаешь. Чтоб ни один казачишка сюда нос не сунул!»

Зубков с Семиглазовым и на этот раз не сказали ни слова.

Спала, размягчала в истоме безбрежная уральская степь. Узкая полоска левого берега, видная отсюда, с позиций семиглазовской батареи, серебристо отливала колышущимся на ветру ковылем: то ли это месяц серебрил травы, то ли тянулся к ним свинцовый отблеск Урал-реки. Урал, Урал... Не твои ли глубокие воды час за часом бороздили неводом лбищенские рыбаки, не тебя ли иступленно проклинал красный командир Хлебников... Три дня тому, всего лишь три дня и три ночи тому, как скрылся навеки в водах Урала легендарный комдив Чапаев. Три дня... А сколько уже боев, смертей, надежд, дорог, отступлений и наступлений... Кто мог знать, что там, на Сахарной, в клубящейся пыли, вихрем несшейся вслед тарыхтешему автомобилю, для Хлебникова в напоследнейший раз мелькнула прославленная бурка Чапаева! Наступали на юг, на Гурьев, теснили белоказачьих к водам Каспийского моря, взяли Сахарную... Штаб дивизии остался северней, в Лбищенске, туда и покатили комдив с комиссаром. Под вечер четвертого сентября были на месте. Разведка доложила Чапаеву: казачьих частей поблизости нет. Ошиблась разведка. В пойме Кушума, в безбрежных камышах напрочь иссохшей речушки, захоронились белоказачьи дивизии полковников Бородин и Сладкова. Хитер оказался старый лис — командующий белой армией генерал Толстов: приказал вести широкий маневр, врезаться в брешь фронтов красных войск, быстрыми и глубокими обходами проникать в тыл чапаевцев, бить по штабам, по командирам, по комиссарам. За Чапаева, мертвого или живого, обе-

щал генерал щедро раскошелиться — 50 тысяч золотом поблескивали в воображении чуть не каждого казачьего есаула. Э-эх, темные ночи на уральской земле, глубокий сон обманутой тишиной красноармейских сторожевых постов. Востер нож в казачьей руке, безжалостна ненависть. Посты вырезаны. Да и телеграфные провода чиркнул все тот же казачий ножик. Ни с Сахарной на юге, ни с Уральском на севере — не с кем теперь связаться Лбищенску. Штаб Чапаевской дивизии заперт в ловушке.

...Плыл и плыл по Урал-реке Василий Чапаев. Была надежда у Петьки Исаева. Была. Но где-то посредине реки глубокие воды накрыли комдива.

Три дня тому, всего лишь три дня и три ночи тому назад...

Взглянул Хлебников — а уж верный его вестовой потихоньку клюет носом: голова то на грудь упадет, то опять медленно, с закрытыми, набрякшими веками поднимается кверху. Спину к Зубкову пристроился Семиглазов, спрятав жилистые свои руки в рукавах шинели. Хлебников и сам вдруг озодал, что тоже окнулся в дремотную вязь... «Не спать... Не спа-ать...» Три дня и три ночи без сна, без привала... Как же все это было? Ну да, да-а... Прорвавшись из Лбищенска, в Сахарную прискакал кавалерист: белые напали на Лбищенск, штаб разгромлен, Чапаев пропал!.. Кутяков за нагаи: что?! Что-о?! Паниковать?! Да за такие слова!.. Но оказалось — правда. Правда. Комбриг Кутяков, любимец Чапаева, играл желваками. Почернел. «Командование дивизией беру на себя!» Приказ: под Сахарной оставить небольшое прикрытие — стрелковый полк, кавалерийский дивизион и два артиллерийских дивизиона под командованием Хлебникова; главные силы, скрытно, в темноте, двинуть в Лбищенск, в подмогу своим. Лишь на рассвете шестого сентября разобрались казаки, что на Сахарной красных нет, одно прикрытие. Озверели. Да поздно. Хлебников пустил красного петуха в станичном соборе — выиграл к небесам храм, превращенный войной в склад боеприпасов. И уж тут кони, кони выручили Хлебникова... «Впереди! За мной, рысью марш!» Запряженные в шестерки коней, брызжущих в бою яростной пеной, орудия сорвались с позиций и под свист белоказачьих пуль и разрывы снарядов тряско, но ходко понеслись на Лбищенск...

«За что люблю Хлебникова? — прищурясь, спрашивал своих командиров Чапаев, когда еще только брали Сахарную. — За то, что кто где, а уж Хлебников на мельнице, поле боя перед ним — как на ладошке. Лупи, знай, белую сволочь, чтоб наперед помнили, как воевать с Чапаем!»

Лбищенск вернули с налету. Но уж не вернуть было штаба 25-й дивизии. Не вернуть отборной командантской роты. Не вернуть дивизионной школы краскомов. Не вернуть Василия Ивановича Чапаева.

Кипело отчаянием горячее сердце Хлебникова. Не мог простить себе, что не было его тогда рядом с Чапаевым... И теперь оставалось только одно: точно установить обстоятельства недавней трагедии, расследовать которую поручили Хлебникову. Урал, Урал... Не тебя ли иступленно проклинал красный командир Хлебников, не твои ли глубокие воды бороздили неводом лбищенские рыбаки, так и не обнаружив тела Чапаева...

Да и сам Лбищенск был страшен. В кривых переулках, во дворах, в подвалах, на огородах, в сараях — повсюду валялись трупы истерзанных красноармейцев. Пленных казаки пинками и прикладами заставляли рыть огромные, длинные рвы и тут же расстреливали; недобитых закапывали вместе с мертвыми. Из госпиталя раненых вышвыривали прямо из окон, оставшихся выгоняли во двор и расстреливали на месте.

«Не спать... Не спа-а-ать...»

Но уже нет сил у Хлебникова бороться с дремой, спит Зубков, спит Семиглазов, спит батарея, дивизион, полк, спит, пожалуй, вся дивизия. Три дня и три ночи непрерывных боев, марш-броски по выжженной степи, казаки, все время висящие на хвосте... Пожалуй, только здесь, под хутором Янайским, оторвались от белых настолько, что теперь можно малость и вздремнуть.

«Не спа-а-ать...»

Нет, нельзя спать! Хлебников с трудом размыкает веки, опирается о станину, поднимается. Бредет от орудия к орудию, расталкивает дежурных. «А? Что? Кто?» — восклицают спронеся. «Не спать!» Дежурные виновато вытягиваются перед командиром.

Хутор Янайский где-то рядом, ввечеру виднелась даже его околица. Спит и хутор. От Лбищенска решили пробиваться на север, к Уральску. На соединение с уральским гарнизоном. На ночь остановились у Янайского. Наступать на Гурьев, гнать беляков на юг, к Каспийскому морю, не хватало сил. Кутяков приказал идти на север: объединившись, ударим снова по казакам, погоним к Каспию. А пока... Где-то

впереди, выбитые из Лбищенска, хоронились в степях дивизии белоказачьих полковников Бородин и Сладкова, а зади, с юга, еще от Сахарной, преследовала казачья пехота и артиллерия. Суший слоеный пирог, похжий, пожалуй, даже на окружение...

Хлебников вернулся к фазтону, но не полез в него, а присел рядом с Зубковым и Семиглазовым.

— Не спишь, командир? — Семиглазов медленно приоткрыл один глаз; второй глаз спал.

— Тишина, видал, какая...

— Беляк отстал, думаю. Куда ему... — Семиглазов с трудом открыл и правый глаз. — Вздремни, командир...

Ничто не предвещало тревоги, все так же ни птичьего вскрика нигде, ни ржания лошадей, все так же покойно, ясно светил месяц, уже выравнивающий почти в полную луну, струился по левому берегу ковыль, шуршал-перешептывался правобережный ивняк, безразлично катил свои воды свинцовый Урал...

На изломе ночи с Урала потянул густой туман, упала роса. Туман мешался с сизым рассветом, молочно клубился над позициями, растекался по степным далям. Бесшумно, ни говорки, ни стука, растворились в тумане белоказачьи цепи, затягивая петлю вокруг бригады Сокола. Степь молчала. Напряглась. Гулко стучали казачьи сердца. Шаг, еще шаг, еще...

Ударили по красным разом. Тысячи ружей брызнули смертью в туман, загремело, зарохотало, заухало вокруг, десятки пулеметов строчили мерно, методично, беспрерывно: та-та-та-та... та-та-та-та... в ночь, в туман.

Со сна бойцы очумело вскакивали с земли, туман был — глаз выколи, кто-то успевал еще схватить винтовку, а кто-то так и оставался лежать распластанным на степной гари. Бежали, оглушенные внезапностью, смертью, грохотом, туманом, злобными криками. В спины остро вливались пули; а где свои, куда стрелять, куда бежать — не понять...

— Куда?! Назад! Назад! — орал Хлебников охрипшим до надсадного сипа голосом. — Куда прешь?! А ну назад, на-зад! Стой...

Но некогда было даже останавливать бегущих. Хлебников прилип к орудью, сипел: «Прицел 10! Огонь!»... Но расчеты не слышали команд, вой, грохот, стрельба, иные отскакивали от орудий, бежали за пехотой. Хлебников остереженно матерился, прицел не видно, туман, дым, ночь... «Зубков — снаряд!» Стрелял сам, наугад, но знал, что там, метрах в пятистах — четырехстах веером косит свинец белых, определял казаков по всплескам выстрелов. Скрипел зубами, крутил ручки наводки и бил, бил, бил.

— Андрюша! Семиглазов! Картечь! Огонь!

Семиглазов, тоже сам, крутил ручки наводки рядом, словно припаянный ко второму орудью, краснозвездный шлем его сорвало с головы вместе с клоком волос, лицо в гари, белки глаз горят бешенством. Огонь! Огонь!

Нестерпимо ржет рядом обезумевший Гнедой: напарник его, запряженный в фазтон, убит наповал первой же очередью белоказачьего пулемета. Фазтон прощит пулями крест-накрест той же очередью. Первое, что осознал Хлебников, когда ударили белые: хорошо, оказался не в фазтоне, — иначе бы уже верная смерть. А умирать нельзя — нет права: дивизион должен бить белых, чтобы никогда не посягали на революцию...

И когда рядом ударила батарея Брызгалова, сердце забилося радостью.

«Степан Ксенофонтыч... дорогой... давай еще, еще!.. — разлепляя туго стиснутые губы, шептал Хлебников. — Правей чуть возьми... та-ак... так их, в бога и в душу! Бей их, Степан Ксенофонтыч, бей!»

Зубков перепачканными кровью руками (пытался высвободить из фазтона Гнедого) подавал снаряды, Хлебников бил картечью и теперь уже хорошо видел — поредел огонь в цепях белых, как только заговорила батарея Брызгалова.

Брызгалов всегда выручал в острейшие минуты. Не было для Хлебникова дороже человека в дивизионе, чем Брызгалов. Весной, когда били Колчака под Уфой, к штабу Чапаева в Белебее подсказал Фурманов. Увидал Хлебникова:

«Ну что, Никола, причитаешь с тебя, а?»

«Ты о чем, комиссар?» — не понял Хлебников. С Фурмановым он был на «ты» — еще мальчишками дружили в Иваново-Вознесенске, жили на одной улице. Дружили и их отцы. Да и в дивизию к Чапаеву Фурманов с Хлебниковым попали одновременно — с иваново-вознесенским отрядом.

«Как о чем? — улыбулся Фурманов. — Да тебя ж Чапаев назначил командиром 74-го артиллерийского дивизиона!»

«Меня?!—пораженно протянул Хлебников.—А Брызгалов как же?» Брызгалов в то время командовал батареей, а Хлебников был у него заместителем.

«Ему предложили,—хитро улыбнулся Фурманов,—а он отказался. Есть, говорит, помоложе меня. Вот хоть Хлебников. Да и грамотешки, говорит, у меня маловато. Не потяну. А Хлебникову, мол, в самый раз дивизионом командовать...»

Великодушие Брызгалова потрясло тогда Хлебникова. Брызгалов был старый, опытный солдат, Хлебникову долгонько еще тянуться до него... Судьба свела их в царской армии, на Юго-Западном фронте первой мировой войны. В учебной команде легкого артдивизиона Хлебников преподавал математику в приложении к артиллерийской стрельбе, а старший фейерверкер Брызгалов занимался с солдатами материальной частью орудий.

Брызгалова солдаты слушали разинув рот. Увлеченностью—вот чем он брал. И, как оказалось, увлеченностью не только материальной частью артиллерии. Как-то Брызгаловым заинтересовалась полевая жандармерия, и вскоре старший фейерверкер был арестован за политическую пропаганду.

Встретились снова уже на гражданской, у Чапаева. «Так что принимай дивизион и бей белых, чтоб знали наших!»—Фурманов соскочил с седла и, легко взбежав по ступенькам, скрылся за штабной дверью.

И Хлебников бил их... Бил вместе с Брызгаловым. Теперь уже в рассветной дымке широко просматривалась уральская степь, по которой наступали белоказаки. Натиск цепей сдерживали красные батареи, слева — Брызгалова, справа — Балашова. Хлебников с Семиглазовым расположились как раз посередине.

И тут вдруг сзади широко разрослось многоголосое солдатское «ура!». Со стороны Янайского с винтовками наперевес бежали красноармейцы.

— Ура-а!—подхватили артиллеристы.
— Ура-а!—кричал Хлебников.—Вперед! На врага-а!—И бил картечью прямой наводкой.

— Никола, огонька! Огонька добавь!—На позицию батареи впереди красноармейцев выбежал комиссар Завертяев.—Дай им прикурить покрепче!

— Ну, Кузьма, молодец!—орал под грохот орудий Хлебников.—Молодец, вернул цепи в бой! Зубков, а ну еще снарядов! Не жалей! А-а... Вон и Пархоменко, Брауцей, молодой комиссары, оставили паникеров...—И бил, бил Хлебников, сея смерть по белоказачьим рядам.

...Наступление белых захлебнулось. Рассчитанное на внезапность, окружение красных полков сорвалось.

И застыла вдруг тишина над уральской степью.
— Высвободи же Гнедога!—Хлебников кивнул Зубкову на фазтон и устало присел на станину.

Глаза у Гнедога слезились—видать, обезумел вконец от боя. «Ну-ну»,—потрепал его Зубков и выпряг из фазтона.

— Товарищ комдивизиона, вас Сокол! Хлебников устало буркнул в телефон:
— Слушаю. Хлебников.

— Ну-ка, где там твоя лестница? Погляди-ка в степь,—гудел командир бригады.—Ничего не видишь? Белье новую готовя, чуешь?

Хлебников полуоглянулся на степь.
— Зубков, лестницу!

Вестовой миг вытасил из фазтона раздвижную лестницу, которую еще в Сахарной реквизировали у старого служки. «Как же можно, товарищ командир, лестница-то святая, паникадилкина...» Так и прозвали в дивизионе эту лестницу—«паникадилкой».

— Готово, товарищ комдивизиона!—Зубков довольно показал на «паникадилку».—НП вас ждет! Хлебников забрался на самый верх лестницы, приставил бинокль к глазам.

Сокол прав—белоказаки готовились атаковать. Конные батареи в положении «в передки» двигались на подступы к Янайскому. Колонны казаков разворачивались в змеистые ленты-цепи.

Еще немного посмотрел Хлебников, еще выждал малость.

— Слушай мою команду! Батареем... шрапнелью, прицел 20, трубка 18...
Зубков повторял за комдивизиона в трубку:
— Батареем... прицел 20, трубка 18...
— Огонь!—командует Хлебников.
— Огонь!—эхом вторит Зубков.

Четыре орудия семиглазковой батареи выхлестывают шрапнель из стволов. Белесые клубки разрывов, похожие на круглые мячики, лопаются над вражескими цепями, осыпая казаков смертельным дождем.

— Прицел 14... Огонь!
— Огонь!—повторяет Зубков.

Еще только с диким воем несется на цепи шрапнель, а уж казаки падают в степь, вгрызаются в

землю, вжимаются в расщелины. Да от шрапнели в степи не уйти. Словно замирая в воздухе, как раз над цепями снаряды разрываются на сотни пуль, как гребенкой вычесывая из белоказачьих рядов жизнь за жизнью, жизнь за жизнью...

Бинокль в руках Хлебникова легонько вздрогнул. «Ч-черт, что такое?!» Хлебников покрутил для верности окуляр, впился взглядом в степную даль. Грозно покачиваясь, медленно, тяжело выползали из ложины один... два... три... высоченных бронированных чудовища. Обгоняя цепи, двинулись на позиции Чапаевской дивизии.

— Что там у нас в ящиках?!—крикнул Хлебников.—Скорей! Что в ящиках?!

— Шрапнель, товарищ комдивизиона!
«Шрапнель... Только шрапнель, черт возьми...»

Пехота белых, поддержанная броневиками, смело пошла вперед. Видны уже зеленые квадратные башни чудовищ, пыхающие огнем. С броневиками да бронепоездами Хлебникову приходилось драться всего дважды: под хутором Пономаревом да под Уфой, в боях с Колчаком. Но тогда хоть фугасные гранаты были...

Там, на реке Белой, под Уфой, Хлебников впервые командовал артдивизионом, управлял огнем сразу 24 орудий. За десять минут до форсирования реки артиллерия Хлебникова должна была подавить огневые точки и окопы противника.

Первым через Белую переправился иваново-вознесенский полк. Переправился с батареей Брызгалова и Хлебников.

И тут в небе загудели самолеты. Тяжелые бомбы ухали по переправе. Казаки, поддерживаемые с воздуха, потеснили было красных к берегу.

— Батарея, вперед!—Прямо с переправы мимо проскакал командующий фронтом Фрунзе. Чапаев в это время был уже с иваново-вознесенцами впереди.

— Степан Ксенофонтыч, дорогой... ну...—Хлебников поторопил Брызгалова, с остервенением помогая батареецам выскочить на бугор.

Шестерка перепуганных грохотом лошадей вдруг разом взяла в карьер, вылетела на пригорок, и Брызгалов, тут же развернув орудия, с ходу ударил картечью по цепям белых. Они были сматы, но позже от железнодорожного моста ударил из укрытия колчаковский бронепоезд. Вот тогда-то и пришлось впервые столкнуться с броней врага...

Разом вспомнил весь этот бой, Хлебников вдруг почувствовал, что его захлестывает ярость. «Я вам покажу броневика... Вы у меня поплашете!»

Скатившись с лестницы, Хлебников подбежал к орудью, крикнул заряжающему:
— Снаряд! Скорей!—и склонился к прицелу.

Далеко впереди он видел, как ползут зеленые чудовища, брызжащие огнем, видел, как шныряют влево-вправо стволы броневиков, выбрал самого крупного «жука» и с бешеной скоростью закрутил ручки вертикальной и горизонтальной наводки. Броневик словно почувал опасность, вильнул в сторону, нырнул за пригорок и, уже выползая оттуда, развернул ствол пулемета точно по орудью Хлебникова. «Та-ак... Давай, голубчик, давай поближе...»—шептал Хлебников в азарте, стараясь поймать броневик в перекрестье прицела. Однако медлил, медлил со стрельбой: рановато, пожалуй, рановато... Он знал, шрапнелью броню не возьмешь, только чиркнет—и все, а нужно всей массой снаряда врубиться, врезаться в броню—для этого он даже и дистанционную трубу поставил «на удар». И ждал, ждал... Боковым зрением видел: Андрюша Семиглазов тоже сам встал ко второму орудью, крутит ручки наводки.

— Левого бери, левого!—крикнул Хлебников.
— Взял уже,—по губам понял ответный его шепот Хлебников; лицо у Семиглазова обескровилось от напряжения.

Секунды тянутся вечностью... Броневика хлещут огнем по батарее. Руки дрожат от ожидания, в глазах резь от пристального всматривания вперед, вдруг что-то острое, жальщее жикнуло по руке, чертыхнулся, но не понял ничего, не обеспокоился, только слышит—по щитку пушки звонко цокают пули... «Стреляй, стреляй, сейчас ты у меня захлебнешься...» Что-то как будто жжет руку, да не поймешь, и ни боли, ни тревоги, только злость и ярость и тяжелое воспоминание—ненависть, что всего три дня, три дня тому назад убили казаки Чапаева...

И уж когда метрах в пятистах броневик еще раз попал на перекрестье прицела, Хлебников дернул за шнур. Он еще только выглядывал из-за щита, а Зубков рядом подскочил и заорал во всю мочь:
— Есть! Есть! Ура-а!..

Снаряд Хлебникова пробил лобовую броню. И не успел второй броневик выпустить очередь отмщения за подбитого собрата, как Семиглазов поймал его в

перекрестье и первым же шрапнельным снарядом прошил насквозь.

Два тупорылых броневика застыли в степи. Третий, опешив от неожиданности, вдруг закрутился на месте, словно оглядываясь и одумываясь, и, повернувшись, под грохот орудий заплыл по степи в укрытие...

«Ура!»—кричали сейчас не только в батареях, но и там, впереди, в пехотных цепях. Красноармейцы, расставаясь с расщелинами, поднывая во весь рост, стреляя на ходу, ринулись в контратаку.

И когда пехота погнала казаков в степь, артиллеристы побежали к подбитым броневикам. Из того огромного ядовито-зеленого «жука», подбитого Хлебниковым, в черном, в раструбах шлеме, в кожанке и защитных галифе вылезал, все время стараясь держать руки вверх, водитель. Когда он спрыгнул на выжженную под броневиком землю, из башни показалась голова стрелка, тоже в шлеме, толстые губы стрелка прыгали как в лихорадке: «„Je ne suis pas... J'aime beaucoup...»—на что водитель, презрительно усмехнувшись, процедил сквозь зубы: «Finita la comedia!»

— Братва, так это же антанты! Французики, кажись!

— Что, попались?!—весело кричал Зубков.—Теперь отдадите наших вшей! Ишь, рожито отъели!..

Артиллеристы грохали на шутки Зубкова, еще не совсем отойдя от нервного напряжения боя.

А сзади, не торопясь, подходил к броневикам Хлебников, крепко зажав левой кистью правую руку: из нее слабо сочилась кровь. И не знал еще Хлебников, что скоро, очень скоро за этот бой, за подбитый броневик приказом Реввоенсовета республики награждает его орденом Красного Знамени, как и командира батареи Семиглазова, подбившего второй броневик. Не знал Хлебников и того, что здесь, под Янайским, красные одержали важную победу: устояли перед белыми после страшной катастрофы—гибели комдива Чапаева, устояли и отбросили врага далеко в степи. Как не знал и того, что скоро, очень скоро, сразу после Янайского, легендарная Чапаевская воссоединится наконец с уральским гарнизоном, и теперь уже Красная Армия погонит белоказачьих от Урала на юг, через Лбищенск до самого Гурьева и сплхнет последние остатки белоказачьей армии в Каспийское море. 5 января 1920 года командующий армией Фрунзе пошлет телеграмму Ленину: «УРАЛЬСКИЙ ФРОНТ ЛИКВИДИРОВАН. СЕГОДНЯ НА РАССВЕТЕ КАВАЛЕРИЯ Н-СКОЙ АРМИИ, ПРОЙДЯ ЗА ТРИ ДНЯ 150 ВЕРСТ, ЗАХВАТИЛА ПОСЛЕДНЮЮ ВРАЖЕСКУЮ БАЗУ—ГУРЬЕВ И ДАЛЕЕ ДО БЕРЕГОВ КАСПИЯ».

Не знал Хлебников и того, что к весне 1920 года Советская республика вздохнет свободней—Колчак разбит, Деникин бежит в Крым и на Северный Кавказ, Юденич из-под Петрограда устремится за кордон в Прибалтику, ну, а с белополяками на Западном фронте и с Врангелем на Южном еще предстоит сражаться.

Но это еще все впереди, а пока, зажав рану на правой руке, Хлебников медленно подходил к артиллеристам своего дивизиона, окружившим подбитый броневик.

— Товарищ комдивизиона, лопочут не понашенски!—азартно закричал Зубков.—Кажись, антанты! Французики!

Хлебников улыбнулся, по слогам прочитал на обшивке броневика: «Бе-зэ»...

— Чего такое там написано-то? А, товарищ комдивизиона?—И вдруг Зубков пораженно протянул:—Да вы никак ранены? Как же это я не заметил...—И бросился к командиру.

А Хлебников, подставляя рану Зубкову, смахивая левой рукой обильно выступивший пот на лбу, как можно веселей сказал солдатам:

— «Поцелуй» написано-то, братцы. «Поцелуй»...
— Ого-го!—зашумели артиллеристы.—Ну, и крепко ж вы им вмазали, товарищ комдивизиона, азартный получился поцелуйчик!..

И гремел по уральской степи веселый русский смех, пока вестовой Хлебникова перетягивал командиру артдивизиона рваную рану.

...И поньше, когда генерал-полковник артиллерии, Герой Советского Союза Николай Михайлович Хлебников, прошедший четыре войны—первую мировую, гражданскую, финскую и Великую Отечественную,—отвечает на рукопожатие, на сильной его руке вздымается легкий бугорок—от пули, вот уже почти шестьдесят лет сидящей в его руке.

Пули из той пулеметной очереди, которая полоснула по щитку орудия, когда Хлебников ловил в перекрестье прицела белоказачий броневик.

МОЛОДЫЕ
МАСТЕРА
ИСКУССТВ

ТРИ ПРОЕКЦИИ ТВОРЧЕСТВА

Фото Юрия УСТИНОВА

она сидит на деревянной лавке, прижимая к себе самодельную куклу, и напряженно прислушивается к далекому орудийному гулу. На ней красное ситцевое платье в белый горошек, светлые волосы завязаны двумя хвостиками, синие глаза по-детски расширены от страха.

— Слышишь, бабушка, стихло. Когда стреляли, меня даже знобило, а стихло — еще страшнее... Надо бежать, бабуся. А прогонят немцев — вернемся. Слышишь? Наша хата на самом краю. К нам первым и придут. Тебе лучше, ты не одну войну пережила, а для меня эта первая. Страшно!..

Такой испуганной, робкой девочкой мы впервые видим Аленку в спектакле Киевского академического театра имени Франко «Голубые олени» по пьесе Алексея Коломийца. Играет ее молодая актриса Лариса Хоролец, получившая за эту роль республиканскую комсомольскую премию имени Николая Островского.

...В тот самый час, когда война подкапалась к селу, где жила Аленка, к ее хате, где печь была разрисована причудливыми голубыми оленями, в час, когда рушилась жизнь, Аленка узнала любовь.

В хату, где жила Аленка с бабушкой, вошел молодой солдат Кравцов. И на наших глазах произошло чудо превращения девочки в девушку, которая увидела и полюбила... Всего несколько часов длилась эта любовь, несколько часов и всю жизнь. Он ушел воевать с гитлеровцами, написав на печи, рядом с ее сказочными оленями, всего три слова: «Люблю! Жди. Кравцов».

Вы помните, она боялась войны, ей было страшно. Но любовь убила страх. Вчерашняя девочка стала храброй, научилась презирать опасность.

Аленка переходит через линию фронта, чтобы стать воином, снайпером, радисткой. И сердце ее тоже совершает трудный путь, чтобы сделаться способным на большое чувство и несокрушимую верность.

Пять, десять, двадцать лет хранит Аленка в памяти ту единственную встречу. Пять, десять, двадцать лет ищет она Кравцова. И если юная Аленка покоряла зрителей своей чистотой и светлой влюбленностью, то, повзрослевшая, она покоряла уже другим — спокойным достоинством, гордой непоколебимостью и мудростью. И вот эти-то черты удивляли больше всего. Откуда у актрисы это знание характера зрелой женщины? Ведь ей самой только недавно минуло двадцать шесть.

Я видела Ларису Хоролец в нескольких спектаклях франковцев. В драме А. Левады «Здравствуй, Припять!» она играет Зою — озорную, веселую девочку, работающую на строительстве атомной электростанции. В комедии Микола Зарудного «Пора желтых листьев» — лукавую, кокетливую Аленку.

Обе ее героини достоверны, обаятельны. Но не более того. Так, пожалуй, могла бы сыграть любая способная актриса. Ведь здесь, по существу, нужно просто быть собой в предлагаемых обстоятельствах.

И совсем другое дело — Аленка в «Голубых оленях» и во второй пьесе А. Коломийца, «Кравцов», где та же история освещена как бы с другой стороны, со стороны Кравцова. В этой роли поражает точность, с которой Лариса передает состояние своей героини и в семнадцать и в сорок лет. Мы видели Аленку в минуту мгновенной влюбленности, поразившей ее, как молния, видели и почти ощущали ту пронзительную боль расставания, которую чувствовала она, видели, как прорастала и крепла в ней способность и к подвигу, и к самоотверженной, неподвластной времени любви.

Но вот наступила мирная жизнь — такая долгожданная и такая, как это ни странно на первый взгляд, неожиданная

СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ «СЕРЕБРЯНАЯ ПЛАТОНА» В РОЛИ ГАЛШКИ — ЛАРИСА ХОРОЛЕЦ

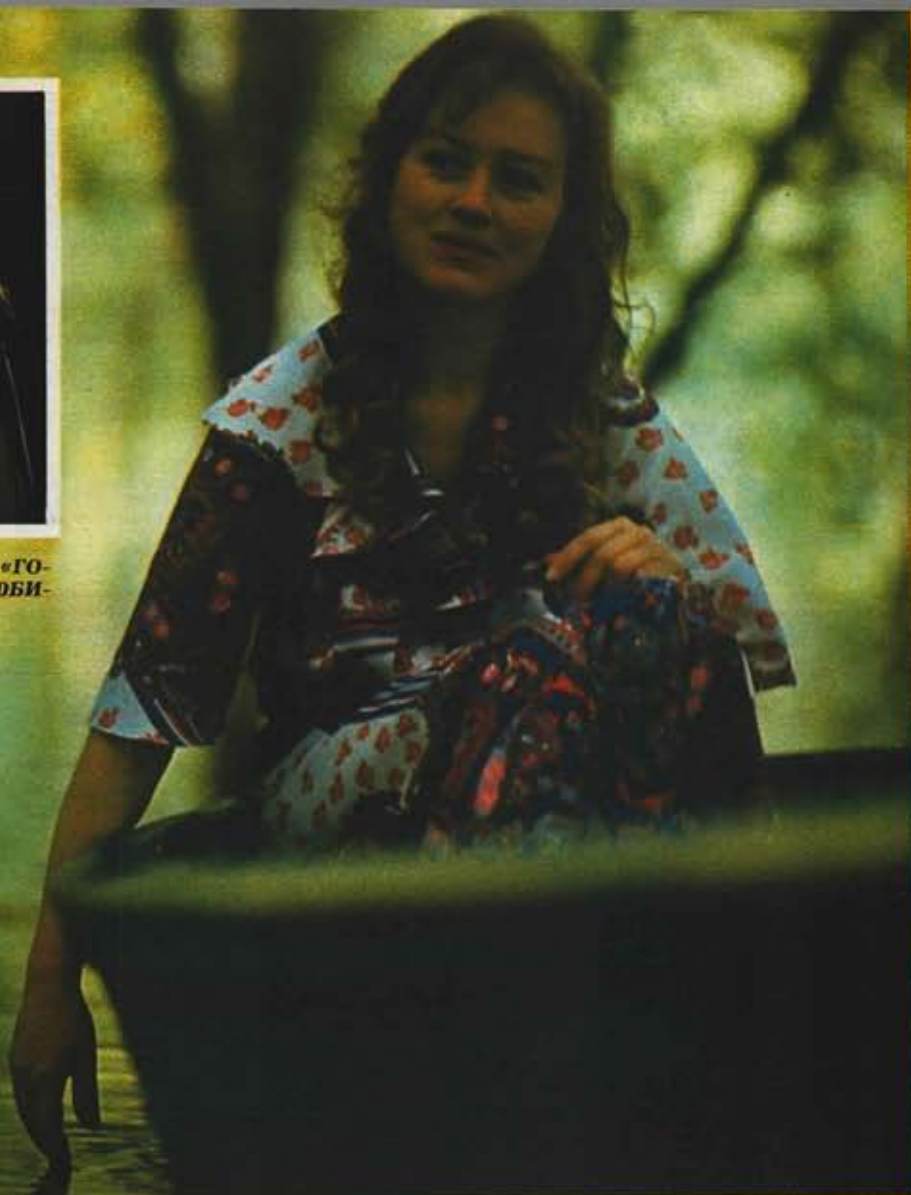
МУЗЫКА — ПОСТОЯННОЕ УДИВЛЕНИЕ АКТРИСЫ.

АЛЕНКА, ГЕРОИНЯ СПЕКТАКЛЯ «ГОЛУБЫЕ ОЛЕНИ», — ОДНА ИЗ ЛЮБИМЫХ РОЛЕЙ ЛАРИСЫ.

В ЧАС ОТДЫХА...

и трудная: пришли для Аленки вечера и ночи, наполненные только одним именем — Кравцов...

Молодая женщина с опаленным войною щедрым, открытым сердцем — насколько сложным должен быть этот образ! И надо отдать должное Ларисе Хоролец — с воплощением его она справилась блестяще, образ этот получился по-настоящему глубоким и чистым.

В прошлом году мне довелось прочитать пьесу, получившую на Всесоюзном конкурсе молодых литераторов вторую премию. Называлась она «Сирены». Автором ее оказалась Лариса Хоролец. Потом я не раз встречалась с ней, мы подолгу беседовали, и постепенно мне открылась тайна ее актерских перевоплощений. Все дело в том, что Лариса не по годам серьезный человек, она пронзительней и взрослей многих своих сверстников. Она из тех, чей талант развивается рано, проявляясь еще в детстве самым неожиданным образом.

Лариса росла у бабушки в селе. Она горько рыдала, когда родители забирали ее в Киев: ей исполнилось семь лет, пора было в школу. Город — один из красивейших в мире — не понравился ей. Она все просила отца уехать в село, «купить хату на выгони», чтобы прямо за порогом начиналось поле и стежка вилась к лесу или к реке.

Когда пришло время записываться в школу, Лариса сказала, что сама выберет, какая понравится. И выбрала. В светлом здании пахло известью — ей до сих пор нравится этот запах чистоты и свежести, — окна были широкими, а совсем рядом выстроились тополя и каштаны. И хотя школа эта была в другом районе, Ларису приняли: крошечная синеглазая девочка со светлыми косичками уже тогда умела настоять на своем. Впрочем, учителя не пожалели об этом — через одиннадцать лет она закончила школу с золотой медалью.

В семь лет Лариса сыграла Таню Попик в кинофильме «Партизанская искра». Это было настоящим потрясением

для девочки, ведь оказалось, что в кино «все неправда»! Страшный дядя, которого она должна была бояться, был на самом деле веселым и ласковым, он угощал Ларису конфетами и рассказывал ей сказки в перерывах между съемками. А потом ей снова нужно было его бояться...

Время шло. Девочка училась в школе. Уже тогда в ее жизни было три больших, настоящих страсти — музыка, театр, литература. Какая из них возьмет верх, было неизвестно. Иногда ей казалось, что главное — театр. Эту веру укреплял в ней руководитель драматической студии Киевского Дворца пионеров Владимир Андреевич Губатенко. Она сыграла у него Оксанку в «Тарасовых шляхах», Любку в «Молодой гвардии» и еще много больших и маленьких ролей. Владимир Андреевич настоял, чтобы Лариса подала документы в Киевский театральный институт. И он не видел ничего странного в том, что эта хрупкая девушка, вроде бы созданная для амплуа лирических героинь, решила готовить к вступительному экзамену монолог леди Макбет...

Этот монолог открыл перед ней двери в театральный. А закончила она его с отличием. И ее педагог Дмитрий Александрович Алексидзе тоже не удивлялся, когда она попросила для дипломной работы роль Матери в спектакле «Незабываемое» по новеллам А. Довженко.

Казалось бы, все было решено, определено, избрано... Но иногда бывали дни, когда Ларисе не хотелось читать новую пьесу, которую она еще вчера прочитала бы залпом, не хотелось репетировать. Тогда она запиралась в своей комнате, и оттуда часами доносились печальные звуки фортепиано. Бывало и по-другому. В ее памяти вдруг всплывали строки Блока, и она с каким-то восторгом самораскрытия читала их вслух:

*О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!*

*Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!*

Ей хотелось писать самой. Начала она со сказок. Еще студенткой Лариса стала вести на телевидении вечернюю детскую передачу. Восемь лет рассказывала она детям сказки. Сначала чужие, потом свои. Позже, закончив институт, работала в литературном театре «Слово», организованном при Союзе писателей Украины. И там тоже писала. Все больше захватывало ее литературное творчество, и однажды решилась: начала писать пьесу.

Это было ново и увлекательно. Созданные ее воображением люди вдруг выходили из повиновения и поступали совсем не так, как она предполагала. И уже не она, автор, а ее герои становились хозяевами положения, изменяя сюжет, действуя так, как требовало развитие их характеров. И Лариса испытывала нечто похожее на то, что чувствует мать, когда выросший ребенок делает первые самостоятельные шаги, — радость, гордость, тревогу.

Я читала пьесу, которая была еще отнюдь не совершенна, и постепенно переставала замечать мелкие погрешности, все больше проникаясь ее атмосферой. Их было четверо — студенток консерватории, влюбленных в музыку. Они были скрипачками и композиторами. Перед самой войной их квартет «Сирены» исполнил «Морскую фантазию» собственного сочинения. А потом — война. Немцы в Киеве. Четыре подружки — Таня, Орыся, Настенька и Оля — не успели эвакуироваться. Они продают на толкучке нехитрые свои вещишки и празднуют в оккупированном городе очередную годовщину третьего съезда комсомола. Но в самый разгар праздника в комнату ворвался фашистский офицер. Он приказал им отправиться в госпиталь, чтобы играть для немцев.

В госпитале они разом подняли смычки, но музыки никто не услышал. Девуш-

ки только делали вид, что играют. На самом деле их смычки не касались струн. Подруги не предали своей музыки, не отдали ее врагам. И тогда девушек подвергли садистской пытке: им сделали операцию, в результате которой они перестали слышать. Глухие «Сирены»...

Только одна из них — Татьяна — дожила до наших дней. И она рассказала все это студентке мединститута Кате. Эхо войны донеслось до Кати и перевернуло всю ее жизнь. Она поняла, что не имеет права учиться делу, к которому холодна душой. Катя уходит из института, чтобы искать и найти свою «Морскую фантазию», чтобы хоть немного походить на «Сирен».

Катя Самосват из пьесы Ларисы Хоролец «Сирены», молодая работница Ольга из ее новой пьесы «На улице Электрической» и сценические героини Ларисы схожи по своей внутренней сути. К каждой из них по праву можно отнести строки Маргариты Алигер:

*...в ней стоит, как вешняя вода,
высокая и светлая душа.
Она богата, мир ее велик.
Ей этот мир стократ себя дороже...*

Минувшей весной я была в Киеве, где на сцене тамашного ТЮЗа имени Ленинского комсомола идет спектакль «Сирены». Я видела, как принимали пьесу зрители, убежденные в том, что именно так формировались характеры советских патриотов, передавших эстафету мужества комсомольцам сегодняшнего дня. А потом в комитете комсомола Дарницкого шелкового комбината собрались девушки, посмотревшие «Сирен». Они горячо обсуждали увиденное, спорили, перебивая друг друга. Ткачиха, секретарь комсомольского бюро смены Любовь Шевцова сказала:

— Девушки из квартета «Сирены» не подчинились фашистам и остались чистыми перед своей совестью и перед Родиной. Такой же душевной чистотой и бескомпромиссностью отличается и Катя Самосват... В нашей жизни нет таких испытаний, сквозь которые прошли «Сирены». Но это вовсе не значит, что сегодня легче легкого быть чистым перед своей совестью и людьми. Нет, конечно... И я уверена, что после сегодняшнего спектакля все мы станем требовательнее относиться к себе, постараемся жить так, чтобы быть достойными тех, кто отдал свою молодость во имя нашего счастья...

Лариса Хоролец многого хочет, потому что многое может. Ей одинаково близко трагедия и сатира, она мечтает о героине благородной и мудрой, земной и поэтической...

Впрочем, не только об этом. Наконец закончена новая пьеса — о молодых строителях, с которыми Лариса давно дружит.

Весной нынешнего года в репертуаре Ужгородского украинского музыкально-драматического театра появился новый спектакль о рабочей молодежи «Три дня, три вечера и одно утро». Главная идея пьесы — борьба за чистоту человеческой души, борьба против инфантильности и равнодушия. Поставленный режиссером Ю. Горулей по пьесе Л. Хоролец спектакль стал событием в культурной жизни Закарпатья.

Лариса Хоролец хорошо знает своих молодых героев, среди которых живет и работает, с которыми постоянно встречается в цехах, на полях да и просто так, в свободное время. И не случайно девушки из ее собственных пьес чем-то напоминают Ларису. Они так же готовы отдать людям все силы души и так же счастливы, когда это удается...

...Когда в Киеве проходил XXV съезд Компартии Украины, его приветствовали посланцы молодежи республики. И вслед за знаменосцами, вместе с прославленными шахтером и хлеборобом на сцену вышла комсомолка Лариса Хоролец — актриса и драматург, художник, вдохновенно рассказывающий о своем времени, о своем поколении, о великом счастье служения Родине.

Игорь БОЖКО

ГАРМОШКА

Игорь Божко — художник по профессии, участник многих художественных выставок, довольно успешно занимается литературой, в частности прозой. Я знаком со многими из того, что написал Игорь Божко: несколькими десятками рассказов, повестью, романом. Тематически литературное творчество Божко разнообразно, ему в одинаковой степени доступно для изображения как лично пережитое, так и «сочиненное»; материалом прошедших времен он пользуется с такой же свободой и легкостью, как и материалом современности. Нередко авторский взгляд в прозе Игоря Божко на характеры и ситуации спорен, иногда чрезмерно утрирован, но надо отдать должное этому даровитому автору — читать его всегда интересно. К тому же проза Божко — что является главным ее достоинством — всегда предельно достоверна, зачастую жестка до шокирующей оголенности характеров и ситуаций, но, как правило, за этой жесткостью — глубина осмысления жизни, верность гуманистическому началу творчества. Следует еще отметить особую тему в творчестве одесского прозаика — тему

Ибрагим каждый день печатными буквами записывал погоду в толстую тетрадь и число, какое было.

На раскрытой странице я прочел: «Жидь нету. Ветер нету. У май 6.47 год».

- Чего туда глаз сунул? — сказал он зло и захлопнул тетрадь.
- Чего, чего, — передразнил я его. — Показывай гармонь.
- Гармонь видел вчера, позавчера видел! Покупай не покупай, видел три раза уже.
- Еще покажи, — сказал я.

Ибрагим отдернул ситцевую занавеску, отделявшую один угол от остальной комнаты, и достал оттуда гармонь, и положил ее на кровать, и сел с ней рядом.

- Вот гармонь! Смотри гармонь! Какая цена сказал, такая давай!
- Может, уступишь все-таки, Миша? — сказала моя мать.
- Какой уступишь, какой уступишь, новый гармонь, порезал немножко! Укусил тут! Все!

Гармонь пахла сапожной мазью. Клавишей на ней было совсем немного, не так, как на других. Она была маленькая и потертая вся. И металлические уголки на ней кое-где поржавели.

— Ржавые уголки, чтоб их черт побрал! — сказал я, переворачивая гармонь с боку на бок.

- Сам черт! — сказал Ибрагим.
- Выражается еще, — прогудела его жена.
- Такой моя не будет продавать, — разозлился вдруг хозяин. — Иди.
- Может, уступишь все-таки, Миша? — спросила моя мать.
- Сам шайтан, гармошка зачем ругал? — не унимался Ибрагим.
- Он просто так сказал, — сказала мать.
- Я просто так, — сказал я.
- Ты плохо гармошка черт сказал, — продолжал свое Ибрагим.
- Уголки поржавели, чтоб их черт побрал, — сказал я.
- И-и-и-и... Она уйди! Потом будешь говорить! — закричал хозяин и показал матери на меня пальцем. Прямо на мое лицо.

— Не она, а он, — сказал я обрадованно, — правильно говорить не можешь...

- Твоя шайтан! — зашелся Ибрагим и ударил меня ладонью по голове.
- Я на него не обиделся. Мы же пришли гармонь покупать — чего обижаться.
- Черт с ними, с уголками этими, — сказал я, — давай цену подешевле.
- Уйди! Моя твоя не хочет говорить! — завопил Ибрагим.
- Выйди, — сказала мне мать.

Я пошел к двери, открыл ее, вышел, обернулся, показал хозяину язык и захлопнул дверь.

- И-и-и-и! — слышалось за дверью.
- Да уймись ты! — прогудел затем голос Ибрагимовой жены.
- На-динь-ка, — зашумел за дверью он.

Через некоторое время мама моя вышла, и под рукой у нее была гармонь. Я подлетел к ней.

- Уступил?
- Уступил, — сказала она.
- Я взял у нее гармонь и, стараясь, чтоб не рассыпались порезанные мехи, осторожно понес ее к нам.

Это когда Ибрагим стоял праздник какой-то праздновал, то к нему гости пришли, и один друг его молодой вот с этой гармошкой. Гуляли они там, а друг на гармошке играл и все на Надю, на Ибрагимову жену, поглядывал и подмигивал ей; а она смеялась все, а Ибрагим приревновал и схватил ножик, и хотел гостя своего тыкнуть в живот, а тот гармонь все подставлял, а потом бросил ее и убежал, и больше к ним никогда не приходил. А Ибрагим снял с себя рубашку, лег потом голой спиной на пол и стал себя по животу руками хлопать и петь: «Нам не надо гармонь-бубен, мы на пузе играть будем».

А потом этого молодого нет и нет, гармонь лежит порезанная, и уголки, чтоб их черт побрал, уже поржавели все. Им соседи говорят: «Продайте ее». А тут я. Мама говорит: «Будешь две недели только хлеб есть?» «Конечно, только купи! Я вообще ничего не буду есть!»

Три дня к Ибрагиму ходили — все не уступал. Я с мамой иду от Ибрагимова барака в свой, а дружки мои видят меня с гармонью, завидуют.

— О, «контуженый» с гармонью идет! — говорят они. Меня «контуженым» дразнят. Это со мной случилось, когда только война началась и мы жили еще в городе, а не здесь.

Мамы тогда дома не было. Я гулял во дворе и, когда начали стрелять, спрятался за большой мусорный ящик. А потом мне за ним сидеть надоело, я встал и пошел через двор к себе домой. Вдруг, когда я шел, на меня понесся деревянный забор. Он стоял далеко и вдруг понесся на меня, и после, что было, не помню.

Только потом мне мама сказала, что в соседний двор упала бомба и взорвалась там.

По ночам, когда я сплю и забор начинает на меня нестись, я вскакиваю и кричу, а мама тогда успокаивает меня, а сквозь коридор другим тоже слышно, как я кричу, и утром они говорят: «Снова этот контуженый орал, чтоб его черт побрал, опять спать не дал».

Даже Жанка, которую я люблю, зовет меня не по имени, а «контуженый». Ничего, вот починю гармонь да как вжарю возле седьмого барака, там, где собираются парни и девчата по вечерам, вот тогда посмотрим, кто «контуженый».

Там и с тракторного завода собираются и со стройки... Мы принесли гармонь к нам. Я сварил столярный клей, сорвал со старого сапога голенище и стал чинить ее.

Клей засыхал крепко, но стоило гармонь растянуть, как все, что я наклеивал, отлетало.

Матери я уже не говорил, что дела с починкой идут плохо. Когда она уходила на работу, я растягивал мехи, и все снова отлетало.

Я сидел на скамейке у входа в наш барак злой как черт. Гармонь есть, а играть нельзя.

Пьяница Байков шел тогда с работы, увидел меня и говорит:

- Федул, чего губы надул?
- Пошел ты... — сказал я.
- А ты должен мне ответить: «Кафтан порвался», — понял? — сказал Байков.
- Кафтан у меня не порвался, а вот гармонь склеить не могу, — сказал я.
- Гармонь? — спросил Байков.
- Ну, — сказал я.
- Ту, что у Ибрагима купили?
- А у кого ж еще?
- Ну, давай заходи ко мне, вместе сообразим, — сказал Байков.
- Правда, сообразим? — спросил я.
- Тащи! — сказал Байков.

Я быстренько метнулся к себе, схватил гармонь — и к Байкову. Байков взял ножик, очистил присохший клей, затем взял напильник, потер им края, где было порезано, потом из ящика под кроватью достал кусок черной клеенки и тоже по ней напильником прошелся. Я ему держал все, где он говорил, — помогал. Затем он достал какой-то рыжий клей в маленькой бутылочке, и мы стали клеить.

Когда все дырки были заклеены, Байков сложил осторожно гармонь и сказал:

- Пускай так два дня постоит, не трожь, потом будешь играть.
- Чертова гармонь, — сказал я.
- Два дня не меньше чтоб сохла, — сказал Байков.
- Не трону, — сказал я.
- Когда праздник, чтоб играл мне, — сказал Байков.
- Тебе, Байков, первому буду играть, — сказал я.
- Я, когда праздник, люблю, чтоб музыка была.
- Я вообще музыку люблю, — сказал я.

Два дня я гармонь не трогал, и она лежала так, сложенная под кроватью, и я на нее только смотрел иногда. Задирал одеяло, чтоб не мешало, и смотрел.

А вечером я увидел в окно, что Байков идет. Я достал гармонь из-под кровати, надел на плечи ремни и побежал Байкову навстречу.

Я подбежал к нему, надавил на клавиши, растянул мехи, и гармонь заиграла. Байков сначала заулыбался мне, топнул о землю ногой и сказал: «Ну, давай!» Я растягивал и сжимал мехи и давил на клавиши. Гармонь приятно играла и не расклеивалась. А Байков вдруг встал, вытаращился на меня и не танцует.

- Ну, что вытаращился? — спросил я.
- Байков плюнул, махнул рукой и пошел мимо меня дальше.
- Ты чего? — крикнул я ему в спину.

Он махнул рукой, не оборачиваясь. Потом остановился, обернулся и сказал:

- Шибко не тяни, а то порвешь.
- Как музыка? — спросил я.
- Байков ничего не ответил, снова махнул рукой и ушел.

Потом с работы пришла мама.

- Ну, послушай, — сказала я.
- Я сел на кровать и стал играть. Я играл долго.
- Ну, как? — спросил я маму.
- Что как? — сказала мама.
- Ну, играю я хорошо?
- Плохо, — сказала мама. — Шум один. Нужно, чтобы тебя научил кто.
- А кто? — спросил я.
- Не знаю, кто умеет.
- А что, я разве не умею? — спросил я.
- Нет, — сказала мама, — так всякий может.
- И ты? — спросил я.

искусства, быта и жизни художников, о которых автор пишет с завидным знанием дела. Напечатанный в Одессе роман о художниках при известных его недостатках — заметное явление в разработке данной темы, сложной и трудной для изображения средствами литературы.

Ныне на суд читателей «Смены» выносятся один из небольших рассказов Игоря Божко, воскрешающий тему трудного послевоенного детства с его многочисленными лишениями, еще не зажившими ранами недавней войны и светлой искоркой всегда живущего в человеке стремления к будущему, тающему пусть слабо, но всегда живую надежду.

Желаю всеобщему читателю радостного знакомства с прозой этого безусловно талантливого автора.

Василь БЫКОВ,
лауреат Государственной премии СССР.

Рисунок Валерия ОКУНЕВА

— Так, как ты, всякий может,— сказала мама, взяла у меня гармошку и заиграла.

— По-моему, хорошо,— сказал я.

— Плохо,— сказала мама.— Нужно, чтоб кто-то научил тебя.

На другой день, когда она пришла с работы, то с ней пришел какой-то коричневый дядька.

— Ну вот,— сказала мама.

Я смотрел на дядьку, а он на меня.

— А ну, запой песню,— сказал дядька.

— Какую?— спросил я.

— Какую знаешь, такую и запой,— сказал он.

— Ну, ладно,— сказал я и запел «Расцветали яблони и груши».

— Хватит,— сказал дядька.— Слуха у него нет, ничего не выйдет.

— Как это нет?— сказал я.— А это что?— и показал на уши.

— То уши,— сказал дядька.

— Ну,— сказал я,— а ты говоришь—нету! Много ты понимаешь.

— Сколько надо, столько понимаю,— сказал дядька и уже только маме сказал:— Ничего из него не получится.

И ушел.

«Тоже мне,— думал я,— слуха нет. Есть слух. Я же слышу себя. И все, что говорят, слышу. Слышу же, черт тебя подери».

Я запел дальше «Расцветали яблони и груши».

— Вот пою,— сказал я маме.— И слышу все.

Мама положила мне на голову руку и молча покивала головой.

«Выдумал слух какой-то, зараза,— не унимался я,— а сам коричневый весь».

— Ты слышала, как я играю?— спросил я Жанку в коридоре, когда она шла там.

— Также мне, игра,— сказала она.

— Что, плохо, по-твоему?

— Также мне, хорошо,— сказала она.

— Ну, тебе же слышно, когда я играю?— спросил я.

— Тью,— сказала Жанка,— у тебя слуха нет!

— Ничего, еще увидим,— крикнул я ей вдогонку.

— В какой класс ходишь?— спросил меня одноногий, который недавно появился в нашем бараке.

— В третий,— сказал я.— А ты где ногу потерял?

— На войне, где же еще,— сказал он.

— А ты как ногу потерял?— спросил я.

— Ладно, будет, поговорили,— сказал он и стал подниматься с крылечка, опираясь на костыли.

— А ты на гармошке можешь играть?— спросил я.

— Нет,— сказал он.

— Жаль,— сказал я,— у меня гармонь есть.

— «Барыню» могу,— сказал он погодя.

— Так научи,— загорелся я.

— Могу научить,— сказал одноногий.

— Хоть «Барыню», черт!— сказал я.

— Ты не ругайся,— сказал одноногий.

— Это я так, я не ругаюсь,— сказал я.

Я принес гармонь в общежитие, в комнату, где он жил.

— Ну, смотри,— сказал он,— запоминай сначала, как на правой руке: какую я пуговку за какой буду давить... И дальше...

Одноногий заиграл.

«Шум один, такой же, как и у меня,— подумал я,— врет, наверное».

— «Это не «Барыня»,— сказал я.

Одноногий перестал играть.

— А что, по-твоему?

— Шум один,— сказал я.

Одноногий скинул с плеча ремень.

— Шуток не понимаешь,— сказал я.

Одноногий надел ремень снова.

— Шути, да знай меру,— сказал он.

— Давай играй «Барыню»,— сказал я.

Одноногий стал играть.

— Ты играй, а я сейчас приду,— сказал я.

Одноногий мотнул головой. Я вышел от него и побежал к матери.

— Мама, а ну послушай, что он играет, он говорит, что «Барыню», а по-моему, врет.

Мама пошла со мной. Возле двери мы остановились.

— «Барыню» играет,— сказала мама.

— Правда?

— Да, «Барыню».

Я вошел к одноногую.

— Хорошо ты «Барыню» играешь,— сказал я.— Давай учи.

Недели через две я, наконец, запомнил, какую пуговку за какой надо нажимать и играл «Барыню» уже двумя руками, как и одноногий. И вот когда пальцы уже перестали путаться, а одноногий ругаться и называть меня по-всякому, то в один из вечеров я пошел к седьмому барaku с гармонью. Там уже сидел свой гармонист на голубой табуретке. И девчата с парнями. Грызли семечки.

— О, еще один появился!

— Не тронь гармонь,— сказал я парню, который положил руку на мехи.

— Ух, ты, шпунт,— сказал он.

— А ну, дай сяду,— сказал я одной девчонке,— подвинься.

— Ты молоко утри на губах.

— Какое молоко?— спросил я, утираясь рукавом.— Нет ничего.

Они засмеялись.

— Ладно,— сказал я,— сейчас «Барыню» сыграю.

— Ну, давай, давай.

Я надел на плечи ремни и, как делал одноногий, сначала растянул мехи, прижимая быстро по две пуговки сверху вниз.

— О!— сказал гармонист.— Дает!

Я начал играть «Барыню».

Одна из девушек взмахнула платком и пошла по кругу. «Ну вот. Вот вам и «контуженный»,— думал я.

Я играл «Барыню».

— Ладно, хватит уже,— сказал мне кто-то.— Давай еще что-нибудь.

— Тебе что, «Барыня» не нравится?— спросил я.

— Так сколько ж можно,— сказал он.— Давай другое.

— «Барыню» еще сыграю,— сказал я.

Я снова заиграл «Барыню».

Гармонист на голубой табуретке растянул свою гармонь, и моя «Барыня» потонула в шуме его игры.

— Плохо играешь!— крикнул я ему.

Он меня не услышал. Я продолжал играть «Барыню».

— Ну, ладно, кончай свою «Барыню».— Кто-то шлепнул меня по шее.

— Я те кончу,— сказал я.

«Барыня» у меня, я чувствовал, получалась что надо.

— А ну, пошел отсюда.

Девка, с которой я сидел, турнула меня со скамейки.

— Не тронь пацана...— сказал угрюмый парень с темным лицом.

— Так что ж он жарит одно и то ж!

— Давай другое что,— сказал мне мой заступник.

— «Барыню» могу сыграть,— сказал я, отряхивая колени.

— А другое что-то можешь или нет?

— Другую «Барыню» могу,— сказал я.

— Ну, давай другую, посмотрим.

Гармонист на голубой табуретке уже не играл.

— Подвинься, ты,— сказал я и сел на свое прежнее место и заиграл «Барыню».

— Пошел ты...

— Гони его!

— Под зад ему... Вот так! Хорошо!

Кто-то сорвал с меня гармонь и бросил ее на дорогу. Потом и я упал возле нее.

«Не понимают в музыке ни черта,— думал я, собирая свою гармонь.— Поэтому и злятся. Ну, не понимают же!..»

И когда домой шел к себе, то заглянул к Ибрагимю и показал ему язык. А он на меня внимания не обратил, потому что сидел и писал себе в тетрадь погоду и повторял вслух:

— Опять дождь нету. У май... у май...

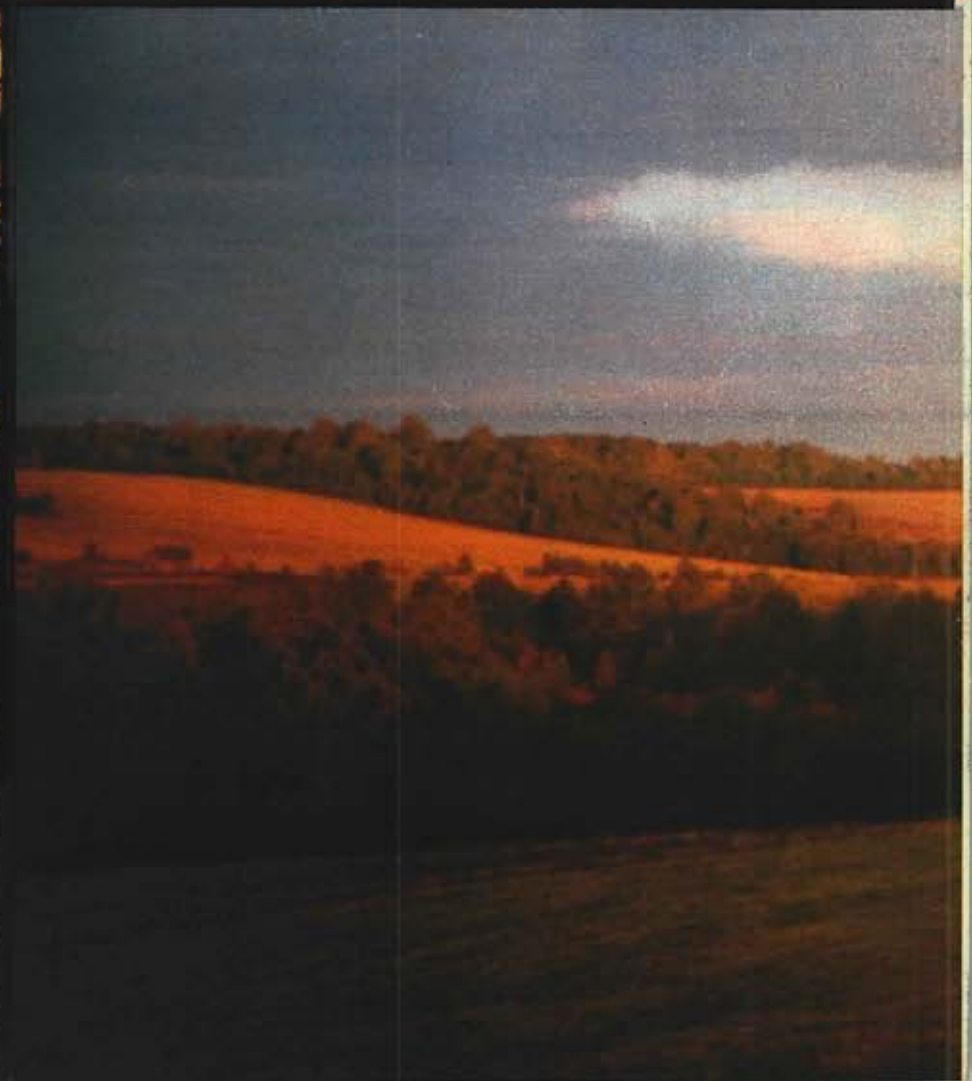
Жемчужины отечественной культуры

ВО ГЛУБИНАХ РОССИИ

«ОХВАЧЕН ВДРУГ ДРЕМОТОЮ И ЛЕНЬЮ,
В ПОЛДНЕВНЫЙ ЗНОЙ ВОШЕЛ Я В СТАРЫЙ САД».

«НИВЫ, ПОКОСЫ ДА ШИРЬ ПОДНЕБЕСНАЯ...»

Алексей НИКОЛАЕВ
Фото Василия МИШИНА
Специальные корреспонденты «Смены»

*Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!*

Н. А. НЕКРАСОВ

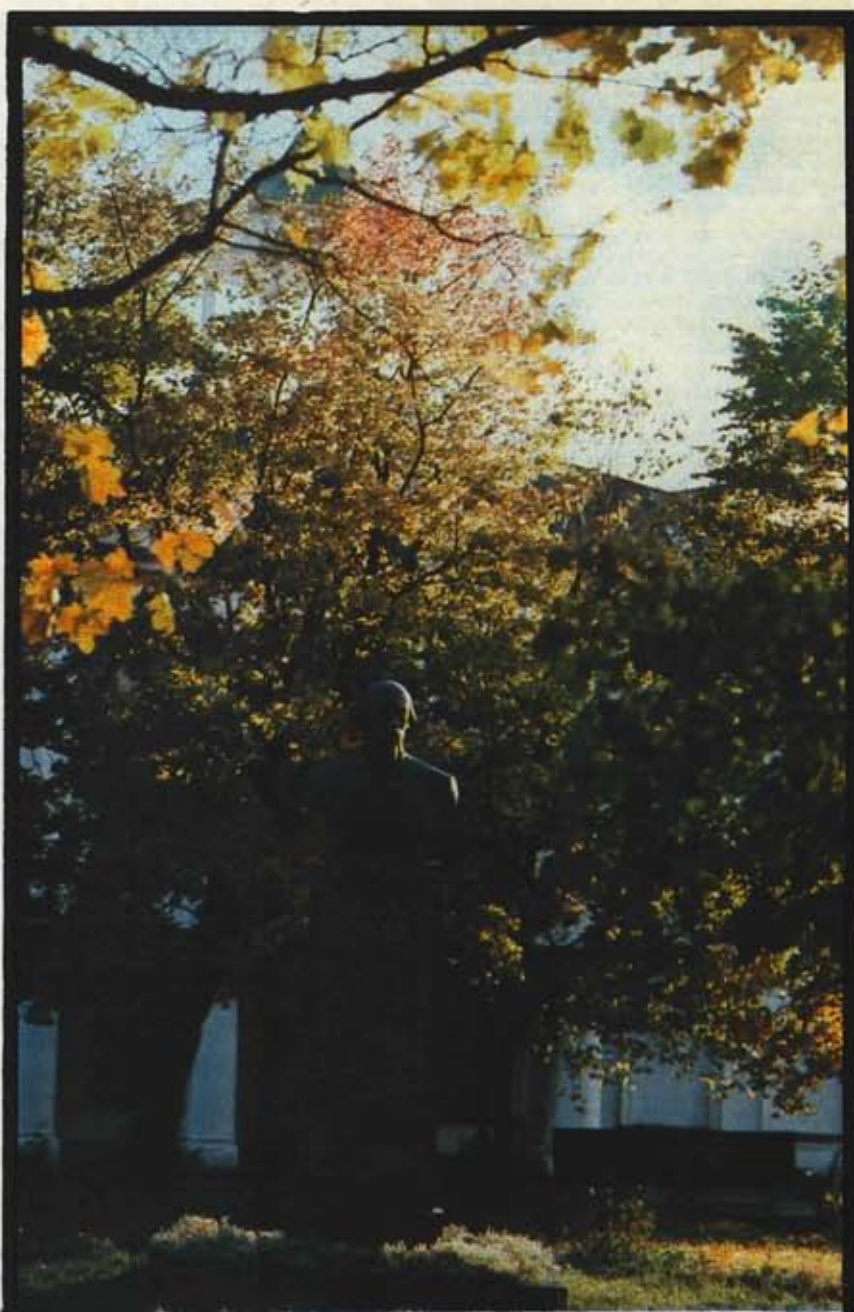
оторый год уже привычной была ему дорога по Ярославскому тракту. Следом за той порой, когда тронутся снега на открытых косогорах, набухнут, потом загудят, потом запоют и защебечут ручьями овраги; возьмет в себя земля теплые плодоносные дожди, брызнет прозрачной на весеннем свете зеленью, а там, не страшась колющих морозом серебристых утренников, опущатся березы легкими мотыльковыми листьями, станут набирать силу, крепнуть, густеть и наливать день ото дня,— в эту самую пору пускался Николай Алексеевич Некрасов в привычную свою дорогу.

Но не могло, не хотело сделаться привычным приходившее всякий год на этой дороге воспоминание. Он горбился, хрипло, болезненно кашлял, и странно и горько было видеть за широкой спиной ямщика бледного, до поры постаревшего человека с сухим блеском в усталых глазах. Зная и всеми измученными нервами ощущая теперь, что едет в Карабику, где только и глотнет иссохшая к весне душа свежей силы, чувствуя это и радуясь этому чувству, не мог не вспомнить он, какой ценой плачено за возможность короткого живительного покоя. Своим горбом (не мягковато ли сказано?!), молодостью своей (а эта цена похлеще всех прочих будет!) на пятом десятке лет наследник отцовской земли заработал усадьбу, которая одна и стала спасением на остаток недолгой его жизни...

Воспоминание о добрых испуганных глазах мате-

**«ОГРОМНЫЙ ДОМ, ШИРОКИЙ ДВОР...
НАД ДОМОМ БАШНЯ ВЫСИТСЯ,
БАЛКОНОМ ОКРУЖЕННАЯ...»**

**«ИНЫХ ВРЕМЕН ИНЫХ КАРТИН
ПРОВИЖУ Я НАЧАЛО!»**

ри, привыкших к слезам, как глаза других женщин привыкают к улыбке, неизбежно заслонялось воспоминанием о быстром жестком взгляде отца. И его самого — в красной венгерке, отделанной барашком, в картузе с лакированным козырьком и арапником, с шелковым навоем в руках — он помнил. Был в этих воспоминаниях запах мороза и собак; было ощущение в теплой ладони влажного и прохладного носа вислоухой гончей, от которого, как ток, передавалась дрожь нетерпения. Был еще сухой запах толченого кирпича и мягкий — прованского масла, а следом оживали в памяти светлоглазые, белоглазые, овечьими ножницами остриженные дворовые мальчишки, в упоении и с испугом под быстрым взглядом барина чистившие дорогие штучные ружья. И был, наконец, завистливый, улюлюкающий, свистящий и разрывающий воздух звук гона псовой охоты, которой покойный отец его слыл в губернии не последней руки мастером... Не было только тепла в этих воспоминаниях детства; ими — он чувствовал это — процарапана была вся его жизнь.

И тут настали его другие, привычные в этой дороге воспоминания: на пути к обретенному наконец покою не мог не вспоминать он о молодости своей в Петербурге, где жизнь обманула мечты. Было это как тяжелое наваждение — под песню жаворонка на благодатной, благоухающей весенней дороге вспоминать ночлежные приюты с кислым смрадом городской нищеты, пустую комнатенку в доме-колодце, выставившую к утру до изморози на стенах; топить было нечем, а писал он, лежа на полу, разведенной водой сапожной ваксой: не по карману выходил поэту пузырек чернил, а уж голод — давно сказано — не тетка... Круто посолена была его молодость. Едва ли какому разночинцу-литератору пришлось на заре своей так хлебнуть лиха, как старинного рода дворянину Николаю Некрасову!

Да и слаще ли было потом, когда завелись деньги, когда пошла литературная поденщина: фельетоны, куплеты, стихотворные афишки, водевильчики для «александринских подмостков»?! Хотя и жил он теперь не нужно и куда как сносным счастьем могли такое житье многие литераторы, горечь душевная не только не проходила, а словно силсилась разорвать сердце. Не спасали от этой горечи и маски псевдонимов, во множестве им изобретаемые, потому что осознал он, что зарабатывает свой хлеб не в ладу с совестью. И до той поры было так, пока муза его не коснулась людского горя. Горю же российскому — деревенскому и городскому — знал он цену: в отцовском имении хлебнуло детское сердце и вдосыть намыкала неокрепшая душа в пышной столице империи. И когда почувствовал он в себе призвание ощущать чужую боль как свою, забил в нем родник и начались стихи, первые настоящие стихи, подписанные не водевильными псевдонимами — Перепелкин, Пружинин, Иван Грибовников, — а настоящим именем — Николай Некрасов.

Но не знал тогда vyrывавшийся из болота поденщины поэт, как в небезызвестное ведомство у Цепного моста, всей русской истории памятное под кличкой Третьего отделения, небезызвестным Булгаринным почтительно доставлена была отменного качества бумага, в которой черным по белому каллиграфировано: «Некрасов — самый отчаянный коммунист: стоит прочесть стихи его в С.-Петербургском Альманахе, чтоб удостовериться в этом. Он страшно вопиет в пользу революции».

Не мог знать этого Некрасов, не мог вспоминать об этом, покачиваясь на влажных весенних проселках, но тому, что оставил он в Петербурге теперь, была та же цена. Он хорошо помнил, как министр народного просвещения Уваров говорил с обезоруживающим цинизмом, что сможет спать спокойно, когда наконец русская литература прекратится. Да что министр! Перед отъездом передавали Некрасову как предостережение, что «сам государь оказывается сильно не расположенным к литературе». Матушка-страдалица российская словесность!..

Привычная дорога в Карабику всегда будила горькие мысли, но и успокаивала забвением. За широкой спиной знакомого ямщика, доверительно и дружелюбно посвящавшего его в деревенские новости, забывал он серый камень Петербурга, резкие крики извозчиков на Невском, дымные вечера в английском клубе с сонными лакеями и бледными к утру сановниками в шитых мундирах, где завязывались нужные журналу спасительные (так хотелось думать) связи; забывал свой огромный стол в редакции «Современника», заваленный рукописями, счетами из типографии, корректурными листами, еще не просохшими, но уже приговоренными к цензурной расправе; забывал адреса этих расправ, которых нормальной человеческой памяти и упоминать все не под силу: министерства внутренних дел, финансов, иностранных дел, государственных имуществ, придворную контору, кан-

целярию святейшего синода... Много, ох, как много крови попортили редактору «Современника» красные цензорские чернила! До восьми печатных листов вымарывалось теперь в каждой книжке журнала, а кольцо все сжималось. Мертвую хватку на горле «Современника» чувствовал Некрасов, как на своем собственном. Наученный жизнью и привыкший ко многому, ждал он событий особенных, а предчувствия редко обманывали его...

4 апреля 1866 года у решетки Летнего сада студент Дмитрий Каракозов стрелял в царя. Он промахнулся. Но рикошетом пуля ударила верно: «По высочайшему повелению... вследствие доказанного с давнего времени вредного направления... журнал «Современник» прекращен».

Тому минуло время, но, проезжая теперь двумя длинными посадами старинное село Карабику и сворачивая на последний проселок к белешшим в конце его каменным воротам, не мог не почувствовать Некрасов, что так же жестко схвачены за горло возрожденные им «Отечественные записки»... И только миновав ворота, вдохнув в себя запах еловых и березовых аллей старого парка, увидев знакомый дом с колоннами и круглой башенкой под шатром, а за ним пологий, по-весеннему ярко-зеленый спуск к Которосли, серенькие, в майских кущах табунки деревень на холмистых равнинах и дали, дали, уходящие в бездонную синеву русской весны, должен был подумать, как пропеть, Некрасов:

*Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!*

Подкатил Некрасов к парадному подъезду обширного и с размахом выстроенного прежними владельцами дома, и обильно высypало народу навстречу, а вот не похоже было, что приехал в усадьбу барин — столько неподдельной радости на лицах мужиков, баб, столько искреннего восторга у босоногих, в съехавших на уши отцовских картузах, белоголовых и по-здешнему светлоглазых ребятишек!.. Нет, не встречают так барина! Да и какой он барин! Не мог Некрасов, как Фет, писать стихи и хозяйствовать. Купив усадьбу, сбыл он с рук и с души все хозяйство брату Федору, уступил ему право на владение и уж не вмешивался никогда в хозяйственные его заботы, молчал, морщился недовольно крепкой его хватке и обрывал тогда только, когда выгоды ради прижимал тот мужиков. Себе оставил Некрасов один флигель. И хоть удобств и простора для житья могло быть в нем и побольше, — для творчества и работы сердечной не хотел Некрасов искать другого. И то сказать — с избытком будет! — что рождены здесь и написаны «Коробейники», «Страда», «Каллистрат», «Дедушка», «Возвращение», «Мороз, Красный нос», «Русские женщины», «Кому на Руси...». Считать много и не честь всего, чем обязана русская поэзия Карабику.

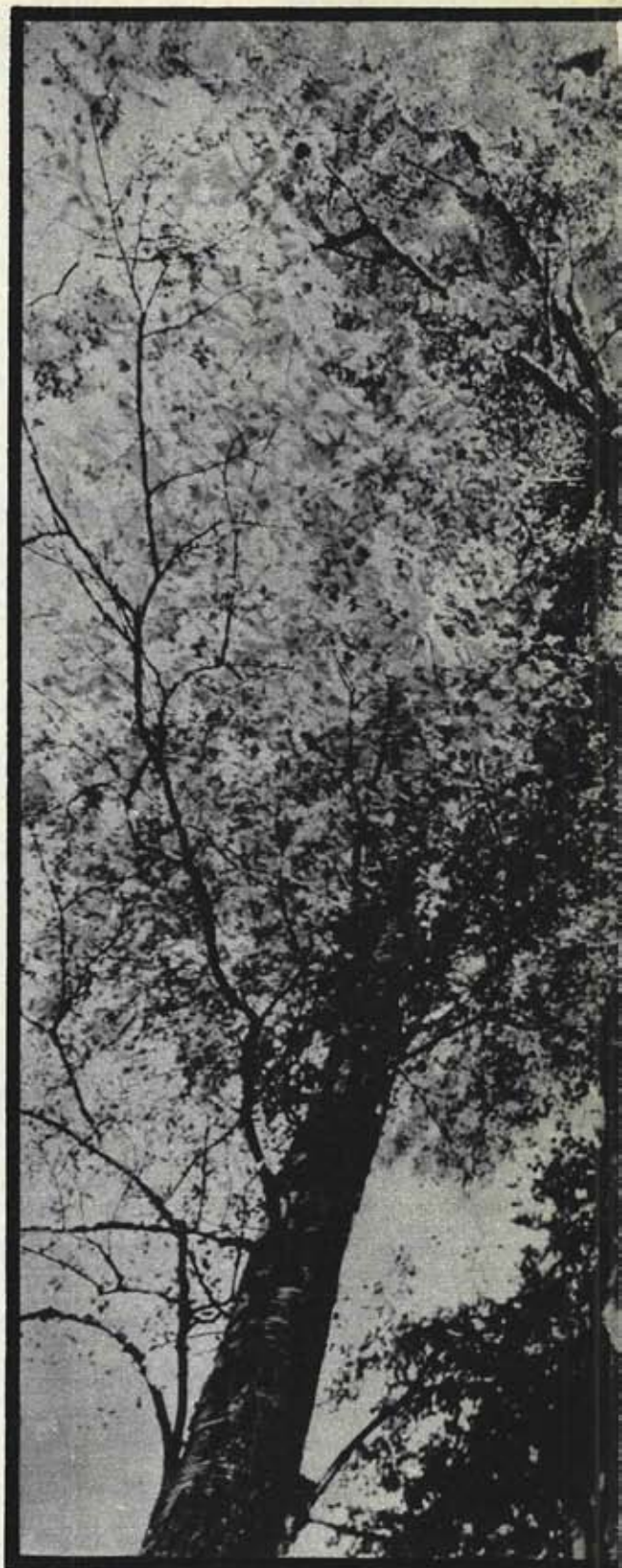
Теперь, оглядывая с привычной нежностью приготовленное к его приезду жилье, представил он, как выставляли накануне зимние рамы, отдирая сухие полоски бумаги, и самый этот звук он представил себе похожим на хорканье весеннего вальдшнепа.

*Так и чудится: вальдшнеп уж тянет,
Величаво крылом шевеля,
А известно, как вальдшнеп потянет,
Так потянет и нас в лес, в поля!*

Но охота, любимая вальдшнепина охота, была впереди, а теперь хорошо ему было на душе в рабочей своей комнате, с вымытыми до блеска высокими окнами и так начищенной сукном старой мебелью, что даже в сумраке тяжелых портьер отражала она в шоколадно-ореховом зеркале золотистый свет бронзовых часов, медных подсвечников и мраморную голубизну камина. Увидев все это, почувствовал Некрасов знакомое ему здесь возбуждение, еще более волновавшее теперь стопой белой бумаги на высокой точеной конторке.

Но заведено было у него правило не приниматься за работу, пока не освежит душу и тело любимым занятием своим — охотой, ибо охота всегда была для него началом творчества — первой мыслью, первой строкой, верно взятым тоном. Так случалось всякий год в Карабику...

Давно ль было?.. Поднялись, как водится, с зарей и ходили по сухим мшистым соснякам с друг-приятелем Кузьмой. Неутомимый и виртуозно знавший свое ремесло поинтер Некрасова Кадо то и дело поднимал иссиня-вороненых краснобровых чернышей, давая работу уже изрядно уставшим охотникам. В промежутках едва успевал говорить Кузьма отвести в разговорах душу, и, слушая его, часто записывал Некрасов что-то в растрепанную карманную книжечку, но не останавливал, а еще поощрял:

— Ты побольше таких слов сказывай. Хорошие слова, брат, редки, как золото на земле.

За разговорами не заметили, как поднялось высокое солнце и забрели в незнакомую гарь. Дальше огню, видно, предел положил глубокий прохладный овраг. За оврагом пошли березовые перелески с густотравными пожнями; встал за ними высокий остров еловый лес; за ним опять перелески с мелким осинником и широкое болото, пахнущее теплым илом и разогретой кугой; потом пошли места посуше с сизо-синей россыпью голубицы на оседающих под ногами кочкарниках. Кадо пооб-мяк, реже застывал в неповторимой своей стойке, а сколько отмахали верст от зари, не ведал и всезнающий Кузьма, когда набрели измученные охотники на серенькую кособокую деревеньку под старыми ветлами и с пыльными курами у кривых покосившихся плетней. И так по сердцу пришла Некрасову убогая эта деревенька среди обильных лесов и лугов, что решено было не искать дороги к дому, перевести дух и отдохнуть здесь под свежесметанным стожком; а отдохнув, и заночевали в крайней избе на овчинных тулупах... В ту ночь и поведала захожему охотнику старая Орна о своем горе. Разорвал тогда сердце Некрасову жуткий бабий

«ИДЕТ, ГУДЕТ ЗЕЛЕНЬ ШУМ!»

сказ, будто надломилось что-то внутри, зануло и не отпускало болью, силась вырваться наружу... И много раз потом возвращался Некрасов в деревенку под старыми вязами, в Оринину избу,—как никогда, боялся сфальшивить в рассказе о горькой бабьей судьбе единой хотя бы нотой.

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

Была ль забавой для него охота!.. И первой своей о народе и для народа написанной поэмой — «Коробейники», которую назвал Блок «одним из самых магических произведений поэта», — обязан Некрасов охоте в здешних местах с Гаврилою Яковлевичем Захаровым. А ведь поведал тот ему и не хитрую вовсе деревенскую историю, каких множество ходит по народной Руси и забывается бесследно.

Понятно, рассказывая, не знал деревенский мужик, что имя его станет в первых строках одного из шедевров русской поэзии и что от сердца посвятит сочинитель поэму «другу-приятелю Гавриле Яковлевичу, крестьянину деревни Шоды». Искренность же эта была взаимной, какой не водилось между баринем и мужиком, и, думать надо, не мог без

волнения читать Некрасов полученное незадолго до отъезда из Петербурга от Гаврилы Яковлевича письмо. В чопорной, холодной столице было оно нечто большее, чем весточка с родины, и я не поручусь, что получал когда-нибудь другой дворянин от мужика такое письмо, где каждое слово, теплое на ощупь, дышит неподдельной любовью.

«Дорогой ты мой боярин Николай Алексеевич! — отдавши последний грош, диктовал Гаврила Яковлевич деревенскому писарю. — Дай тебе бог всякого благополучия и здравия, да поскорей бы воротитца в Карабихе. Об ком же и вспомнить, как не о тебе!.. Больно ведь мне тебя жалко, болезный ты мой, вот так и рвется душенька из груди к тебе навстречу... А уж как под селом Юсуповым новое местечко дупелиное припас я про тебя, так уж чудо... Коли надумаешь ты порадовать меня, то пришли поскорее свой патрет, хочь бы одним гласком я посмотрел на тебя. Пиши страховым письмом, а то украдут на почте, нынче слышь больно несправна она стала... Прощай родимый!»

Ожидая Гаврилу Яковлевича к утру в Карабиху, провел Некрасов остаток дня в разговорах с мужиками об охоте — и это тоже было заведенное с годами правило, почти ритуал, — и знал он уже, что «охота сей год расчудесная», что «вкруг никого чужих стволов, только маленько становой балует, леший его возьми, так ведь он, раззява, стрелять не умеет, да своей собаке зад отшиб». Как так? «А оченно просто: из правого ствола по птице ударил, а из левого по ей, так что собака ихняя теперь не действует»...

Не заведено было в Карабихе, чтоб дичились барина мужики; и во всякую пору до разговоров с Николаем Ликсеичем не робкие, разогретые сейчас заведенным при встречах угощением, валили напропалую все, что душе угодно было спросить и высказать.

— А верно ль, Николай Ликсеич, про новую-то собаку твою, Оскара, рассказывают, будто присланная она англичим королем наиважнейшему самому в Петербурге генералу, а тебе подаренная и по смерти ей семьсот рублей пенсону назначено?

— Семьсот, говоришь?! Ну это ты, брат, хватил! — смеялся Некрасов, открыто радуясь мужичьей фантазии. Смеха такого вольного и непринужденного никто от него в Петербурге не слышал. Вспомнил ли он обеды у Донона, устраиваемые для столов цензурного ведомства, где принуждал он себя быть веселым и разговорчивым, не знаем, но мысли его теперь были далеки от Петербурга, а среди карабихинских мужиков был Некрасов сам собой. — Скажи-ка ты мне лучше, брат Можжуха, отчего это тебя так перекошило всего?

— А все это охота моя, Николай Ликсеич! Пополоз я третьеводни в осоку, в заводинке утки сидели — ну туча великая, не менее как. Приложился я этак, да — бух! Индо перекувырнулся!..

— Велик заряд положил?! — Не мерял, только много...

Отговорив вволю за долгим угощением, разошлись мужики соснуть до света. Куря сигару, легкими шагами Некрасов ходил по комнате в халате распояской, в туфлях на босу ногу. Заметно выпрямилась спина, разгладились морщины, и уже меньше он кашлял. Было хорошо в мыслях о нынешнем вечере, о завтрашней охоте. В этой комнате напоминали ему о ней прежние трофеи: любовно расставлены были вокруг камина чучела бекаса, чирка, криквы, тетерева и огромного старого глухаря. Так и казалось: в сумерках комнаты вытянет он бородастую краснобровую голову и начнет неподражаемую весеннюю песню. А ведь с этим глухарем, как и с другими трофеями, связана какая-нибудь история, которая, конечно, забылась бы со временем в череде прочих, если бы не стихи, этими историями рожденные. И, вспомнив что-то, улыбнулся Некрасов своим строчкам:

В столице шум, гудят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России —
Там вековая тишина.

Легко и вольно было ему теперь в этот час поздней майской ночи. Прислушиваясь к тишине, к весенним ее звукам за окнами, прилег было Некрасов на турецкий диван с книгою, взятой наугад из старого шкафа, но не читалось, потому что думал он о своем и чужие мысли не влекли его, как бывало.

Видна была за тяжелыми шторами аллея с лунной дорожкой, тени лип на выбеленной стене дома едва шевелились и, казалось, тихо вздыхали. Подошел Оскар, цокая лапами по чистому полу, опустился рядом, вытянув умную, породистую морду. Верно, ему, как и хозяину, покойно и хорошо было в ночном доме при свечах. Золотом отсвечивали сафьяновые корешки книг под зеркальными стеклами, а в растворенные окна шел пьянящий, волнующий душу запах весны. На закате выпал

короткий теплый дождик, и теперь по-особенному — свежо и пряно — пахло мокрой майской зеленью. Пели соловьи в парке, выводя трели на удивление один другому, и так распелись, так самозабвенно распелись, что уснул Некрасов лишь на заре. А тут подкатила к крыльцу заложенная парой коляска с охотничьими припасами. Время — самый сон, но, сойдя вниз и вдохнув росного прохладного воздуха, не вспомнил он о больном горле, а почувствовал привычную, какая всегда приходила перед охотой, бодрость — и сна как не бывало.

Коротко посоветовавшись, отправились для начала в соседний уезд, где припасено было Гаврилою Яковлевичем «расчудесное местечко», а уж Гаврило-то Яковлевич слов на ветер не бросал...

И верно: вышла любезная в тот день — и во все другие дни — охота, с переездами с места на место, с неизменными присказками «от добра добра не ищут», с долгой ходьбой по лугам, дупелиным болотам, тетеревиным токам, вальдшнепиным перелескам, с ночевками в незнакомых деревеньках, а то и вовсе в наскоро сложенных балаганах на мягких еловых ветках у костра — с целым коробом рассказов, записанных наспех карандашом и припасенных впрок. А воротясь неделю спустя в Карабиху, уставший и возбужденный, почувствовал Некрасов то особое состояние ума и духа, которое всегда предшествовало хорошей работе. Начиналось — как бывало здесь — плодоносное рабочее лето...

А с исходом мая пала в тот год тяжелая жара.

Шмелиным звоном стоял от утра до заката в густом воздухе зной. Изнемогали, сохли под безоблачным небом вошедшие в силу травы. Но, чуткий всегда к природе, к тончайшим проявлениям ее жизни, не замечал этого Некрасов. Добровольным узником отгородился он от мира во втором этаже флигеля, в любимой, с пятью окнами, комнате. Казалось, только этой комнате и отдавали густые кроны старых деревьев последние капли сбереженной свежести. Бледно-зеленые их тени неподвижно лежали на белых с золотом обоях, на разбросанных всюду листках, исписанных неровным, торопливым почерком.

Некрасов торопился. Замысел поэмы из русской истории не давал ему покоя с зимы, когда дошла до него в Лейпциге изданная книга Розена «Записки декабриста». До строчки проштудированы были уже «Донесения следственной комиссии» по делу о декабристах, и правда, тщательно скрываемая долгая года, была ему хорошо известна. Но больше, чем восстание и судьба восставших, захватила его женская доля — судьба декабристок, избравших добровольное изгнание. Он чувствовал это так же глубоко и остро, как некогда горе старой Орины, как судьбу Дарьи. Ясно, с жесткой отчетливостью представлял он себе одинокий возок в снегах Сибири, заметаемый поземкой санный след и весь этот

...страшный край! Откуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

С неимоверной быстротой бежали дни этого жаркого, сухого лета; временами не мог он уже отличить вечерней зари от утренней, и так глубоко, до последнего нерва захватила его работа, что, поднявшись ночью, торопливо зажигал он свечи, ходил по комнате, глухим, хрипловатым голосом пробовал на слух рождавшиеся строчки. В растворенные окна шел теплый запах летней ночи, заливались, забывались в песне к рассвету, соловьи, а там...

Голодный волк в лесной глуши
Пронзительно стонал,
Да ветер бился и ревел...

Мерцали, колеблясь, золотистые огоньки пламени, оплывали свечи, скрывая блеск начищенной меди, и заря уже трогала розовым отсветом исписанные листки, а Некрасов стремительно подходил к конторке и быстро записывал строки, приходившие как озарение:

Нет! Я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба —
Я буду ей верна!

Некрасов почти не выходил из комнаты; он работал, выстраивал замысел поэмы в стройные ряды строк. Отдых давал ему короткий сон, но и во сне виделись картины, в мучительно-пленительной власти которых жил он все эти дни. Казалось, что поэма, несмотря на реальность событий, вся соткана из воображения, рожденного горечью и болью собственного сердца. Замечал ли он, знал ли тогда, что словами Екатерины Трубецкой говорил и о себе:

*Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и темных дел?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых...*

Тень Петербурга стояла над ним и здесь. Холодную ее тяжесть почувствовал он, когда, закончив поэму, стал готовить ее к печати—кромсать и калечить свое в муках рожденное детище.

Страшно, жутко сейчас вглядываться в эту рукопись, так и кажется, что, вычеркивая строчки и заменяя их другими, Некрасов сам наносил себе кровоточащие раны. Трудно отделаться от ощущения, что похожа эта рукопись на исполованное шпицрутенами живое тело... Вот зачеркнута крепкая, упругая строчка: «Сам царь скомандовал па-ли!», а сверху вписано безжизненное: «Раздалось грозное па-ли!» Вот перечеркнуто—видно, в отчаянии—живое, осязаемое и словно с придыханием произнесенное двуступище: «И ты... о город роковой, гнездо царей... прощай!» А сверху—потерявшая эмоции и выразительную точность строчка: «И ты, о город роковой, гнездо всех бед, прощай!»...

Перечислять все—считать раны. Горькая это работа! И поклониться лишь нужно судьбе, что читаем мы сейчас подлинное творение Некрасова, писавшего с пророческой прозорливостью «Иных времен, иных картин провижу я начало!»

Да, это знал, предчувствовал Некрасов-поэт. Но Некрасов—редактор «Отечественных записок» не знал, что творится за его спиной в Петербурге. Не мог знать он, что в министерстве внутренних дел получено от начальника Третьего отделения секретное (уж, конечно, секретное!) письмо, где «обращается особое внимание» на статью в «Отечественных записках», «которая восхваляет известных французских деятелей: Демулена, Робеспьера и Дантона, а также Великую первую французскую революцию». Не мог знать он, что тем же ведомством получено другое послание—«о вредном направлении в стихотворении Некрасова «Недавнее время»... Вот уж воистину: читая архивы, можно подумать, что русские поэты тем только и занимались, что вредили! Но, не зная всего этого, не ведая, что сам император так заинтересовался его журнальной деятельностью, что росчерком царственного пера

«ЗАБРАВШИСЬ В ДЕРЕВНЮ, ПРИНЯЛСЯ Я ЗА РАБОТУ... ДЕЛО ПОШЛО НА ЛАД».

«ЗДЕСЬ Я НАШЕЛ ВСЕ В ПРЕЖНЕМ ВИДЕ...»

повелел «обратить особое внимание на это министра внутренних дел», Некрасов чувствовал, как сжимается железное кольцо вокруг выпестованного им журнала.

Мерзко и тяжело приходилось душе от этих мыслей, так мерзко, что бывало искушение забыть-ся в чужих краях, и хотел он уж было согласием ответить на письмо Краевского, приглашавшего провести осень в Германии или в иной беззаботной земле, но ответ сам собой приходил отчеканенным в поэтическую форму:

*Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размывать русскую печаль!*

Не поехал Некрасов в чужие земли.

После жаркого лета начиналась в Карабихе славная осень—с золотом окрестных перелесков, со студенными зорями, с неповторимой осенней охотой, с бесчисленными встречами с мужиками и бабами, с горькими и лихими, как искони на Руси бывало, судьбами,—со всем, чем дышали, жили и чем рождены были его стихи.

Ночами выходил Некрасов на балкон, ощущая, как пахнет с гумна свежей ржаной соломой. Слушал вздохи коров и короткое ржанье лошадей в конюшне. Слушал, как срывались от ветра и с глухим звуком падали в мягкую траву спелые яблоки. Срывалась и косо падала звезда, точно махнули по небу быстрым зеленым хлыстом, но так легко, будто и не было следа на темном густом осеннем небе...

И была забота, труд, который взвалил он на себя здесь и который почитал теперь главным делом жизни. Здесь, «во глубине России», окружали его, почесывая многдумные затылки, просили помощи «семь временно-обязанных Подтянутой губернии, уезда Терпигорева, Пустопорожней волости из смежных деревень...». И ему за них решать было, «кому живется весело, вольготно на Руси?»

За этой заботою не видел он серых камней Петербурга, не слышал извозчиков на Невском, забывал о красных чернилах цензора, о ведомстве у Цепного моста на Фонтанке, а вспомнив, вздрагивал, как от озноба, горбился, кашлял и со дня на день откладывал отъезд...

Из неиссякаемых
ленинских арсеналов

Всем, кто изучает ленинское наследие, хорошо известно, как глубоко и всесторонне великий вождь революции использовал сатирическое богатство русской классической литературы в борьбе против различных врагов партии пролетариата.

Книга Валентина Чикина «Имярек» («Молодая гвардия», 1977 г.) — своеобразное путешествие к истокам ленинской мысли, в художественную структуру партийной публицистики Ильича. Книга имеет подзаголовок: «Памфлет одной ленинской строки».

Автором исследуются некоторые аспекты громадного культурного наследия В. И. Ленина. Они позволяют читателю определить характерные черты ленинского стиля борьбы. В. Чикин показывает, как четко В. И. Ленин ставил знак равенства между классическими образами Хлестакова, Держиморды, «Человека в футляре» и «критическими социалистами», «иудами контрреволюции», «яркими демократами». Особенно В. И. Ленин любил пользоваться щедринскими персонажами. «Ленин выделяет Салтыкова-Щедрина, — замечает автор, — в собрании ленинских сочинений исследователи находят до 400 ссылок на его произведение. Щедрин прошел через всю ленинскую жизнь от гимназических симбирских весел до последней зимы в Горках». Щедринская «севрюжина с хреном» была метко и хлестко использована Лениным в памфлете «Памяти Гейдена». Мишенью, в которую, сам того не подозревая, пустил ядовитую стрелу сарказма Салтыков-Щедрин, оказался с легкой руки Владимира Ильича злосчастный кадет Струве. В памфлете «Ползком ползти применительно к подлости!» В. Чикин живо иронизирует: «Если бы Щедрин изваял своего знаменитого сказочника «либерала», скажем, лет на тридцать позже, все бы решили: вылепленный с натуры Петр Струве. И хотя сказка сложена была, когда герой наш едва переступил порог розового отрочества, она сложена была про него, про всю его будущую жизнь».

Привлекая многочисленных первоисточники, исследователь ненавязчиво вводит цитаты из них в ткань очерка, оригинальные их комментирует. Карикатуры Кукрыникова, Дени, Моора, Яковлева, Билибина, рисунки из сатирических журналов начала нашего века как нельзя лучше дополняют эти комментарии.

Страницы книги В. Чикина «Имярек» рассказывают не только об одной из граней ленинского гения, они проникнуты ощущением эпохи, в которую жил и боролся великий вождь социалистической революции.

Николай НИКИШИН

ПРОЗА

Повесть об учителе

Учитель — ученик... Связь далеко не односторонняя и не прямолинейная. Ее плодотворность определяется не только способностью учителя дать, но и его умением получить от учеников новые знания и опыт. В общении друг с другом учатся не только школьники, но и сам педагог. Такое взаимообогащение мира возможно лишь тогда, когда учитель — талантливый и чуткий наставник, а не человек, случайно подвизающийся на «ниве просвещения». В школе оцениваются не только знания и нравственные качества учеников. Ребята тоже судят своих учителей, и судят еще беспощаднее и бескомпромисснее, чем взрослые. Но если им повезло, если им выпало счастье встретить настоящего, мудрого воспитателя-педагога, то нет глубже и искренней благодарности, чем та, которую они будут к нему испытывать. Земной поклон отдаст такому учителю его ученик, будь он таким же смелым и прямым в проявлении своих чувств, как Наташа Ковригина из повести Агнии Кузнецовой «Земной поклон» («Детская литература», 1977).

В последней сцене повести Наташа, не боясь показаться сентиментальной или даже высокопарной, высказывает в кругу своих одноклассников, собравшихся после выпускного бала, все те чувства, которые наверняка каждый из них в той или иной степени испытал к своей любимой школе, к своим учителям. И в конце низкий земной поклон самому среди них дорожному — Николаю Михайловичу Грозному. В этом эпизоде нет ни наигрыша, ни фальши. Он — естественное окончание той жизни 10-го «А» и классного руководителя Николая Михайловича, которая раскрывается перед читателем на страницах повести А. Кузнецовой.

Ребятам из школы далекого сибирского города повезло. В их жизнь вошел верный друг и верный наставник — учитель истории Николай Михайлович Грозный. Он умело и своеобразно передает ученикам свои знания по истории, раскрывая существующую в жизни человеческого общества связь прошлого и настоящего, приближая отдаленные события истории к современному миру, окружающему их сегодняшних школьников. Сцены, описывающие уроки Н. М. Грозного, его подготовку к занятиям, запоминаются и не могут, вероятно, не вызвать легкой зависти тех, кто был лишен

в свои школьные годы общения с такими талантливыми педагогами, как герой повести Кузнецовой.

Интересны в повести и характеры ребят. Знакомство с ними расширит представление читателя о нынешних школьниках и их мировосприятии, поможет понять некоторые особенности психологии подрастающего поколения.

Но не только о наших современниках повествует книга Агнии Кузнецовой. В ней есть также страницы, раскрывающие события далекого прошлого России. Они взяты из повести, которую пишет герой книги Николай Михайлович. Эта повесть в повести дает возможность автору раскрыть на ином уровне ту проблему связи прошлого и настоящего, проблему преемственности поколений, которая является одной из главных в повести. Грозный пишет об учителе Саратовкине, бывшем миллионере, отказавшемся от состояния ради своего призвания педагога. Повесть Грозного — земной поклон автору далекому своему соратнику, от которого «он принял эстафету».

У книги Агнии Кузнецовой есть посвящение: «Светлой памяти моей учительницы Евгении Николаевны Домбровской». Это достойный дар ученика своему школьному наставнику.

Мария БОГДАНОВА

ПРОЗА

«Религия сердца —
любовь»

В издательстве «Молодая гвардия» в 1976 году вышел сборник повестей и рассказов «Первая любовь» (составитель А. С. Комиссарова). На прилавках книжных магазинов книга не лежала: она мгновенно была раскуплена. Повышенный интерес читателей к этой вечно актуальной теме всегда естествен. Воспитание чувства длится у человека всю жизнь, а основы его закладываются в юности.

Поэтому так важно для молодежи каждое новое «пособие», каждый новый «учебник» на эту тему. Русская классическая литература — живой источник познания и воспитания чувства. Накопленный ею многовековой опыт сконцентрирован, осмыслен и одушевлен в книгах, ставших мировым достоянием.

«Ася» Тургенева, «Маленький герой» Достоевского, «Митина любовь» Бунина, «Гранатовый браслет» Куприна — включение только этих шедевров делает сборник бесценным для молодого читателя.

Кажется, нет такого поворота, состояния любви, которое не высветили бы, не «проанатомировали» наши писатели.

В рассказе «Голос и глаза» Александр Грин показал великую преобразующую силу любви, когда некрасивая девушка, полюбив, становится «струной, обвитой цветами», — именно так

ее увидел любящий человек. Рассказ этот — символ счастливой любви. Читая сборник, постигаешь, что любовь, как, например, и искусство, открывает человеку самого себя и весь мир. «Любовь — самый высокий плод на дереве человеческих чувств, самое вершинное достижение человеческой психологии. Это как бы «энциклопедия» всех человеческих достоинств, эхо всех завоеваний человеческих чувств. Как у солнца есть лучи и есть пятна, как у огня — способность жечь и греть, так и у любви есть свой свет и своя тень, свой жар и свои ожоги» — эти строки из послесловия Юрия Рюрикова помогают молодому читателю понять психологическую сущность рассказов.

В сборнике помещены рассказы советских писателей Ю. Казакова, И. Мележа, Ю. Власова, В. Лихоносова, повествующие о первой любви наших современников. Прочитав их, задумаешься: изменилась ли любовь в XX веке по сравнению с веком XIX, изменился ли сам человек?

Неизмеримо расширилась сфера интересов молодого человека, он стал активнее участвовать в труде, общественной жизни, в изучении наук, искусства; женщина участвует в трудовой и общественной жизни. Каковы нравственные приобретения современности? Насколько полнокровны наша жизнь и наша любовь? И как распорядимся мы нравственным опытом наших недавних предков? Обо всем этом задумается молодой человек, прочитав сборник о первой любви. Наверное, это и будет означать, что новая книга прочно вошла в душу молодого читателя.

Лидия ВАСИЛЬЕВА

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«Лесков — писатель
будущего»

Вот уже три года издательство «Советская Россия» привлекает лучшие творческие силы для подготовки к выпуску в свет замечательных произведений русской прозы, поэзии, публицистики и критики. Трудно оценить по заслугам эту кропотливую и подвизническую деятельность «Советской России», особенно при том небывалом, день ото дня растущем внимании читателей к русской классике. Составитель одноименной Лескова и написать к нему вступительную статью издательство поручило Ю. Нагибину и, думается, не ошиблось в своем выборе.

Еще в 1964 году в книге «Размышления о рассказе» Ю. Нагибин делился своей любовью к Лескову, говорил о своеобразии этого большого художника, его удивительном языке и стиле. Затем им была написана небольшая повесть о Лескове — «День крутого человека», в которой через описание житейских печалей Николая Семеновича, сквозь психологические подробности нелегкого, крутого

характера героя светилась личность ярчайшего художника слова, отдавшего всю жизнь бескорыстному служению на благо русской литературы!

«Как художник слова Н. С. Лесков вполне достоин встать рядом с такими творцами литературы русской, каковы Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров. Талант Лескова силен и красотой своей немногим уступает таланту любого из названных творцов священной писания о русской земле, а широтой охвата явлений жизни, глубиной понимания бытовых загадок ее, тонким знанием великорусского языка он нередко превышает названных предшественников и соратников своих». Всей своей увлекательной, по-писательски страстной и в то же время не допускающей какой-либо ретуши, глянца и лака на портрете Лескова, ступенивания противоречий на тернистом жизненном пути его — всей своей большой вступительной статьей к одноименнику Н. С. Лескова Ю. Нагибин доказывает справедливость, глубокую правду процитированных выше слов А. М. Горького. И не только статьей — подбором произведений, вошедших в книгу (а это было весьма и весьма нелегкое дело: Н. С. Лесковым написано такое количество произведений, что ни одно из существующих пока что собраний его сочинений не может претендовать на достаточную полноту).

«...в библиотеках мне говорили с грустью, что спрос на Лескова совсем невелик и лишь немногим превышает спрос на почти — и несправедливо — забытых Григоровича, Писемского, Глеба Успенского, Эртеля». И столь это печальное явление тревожит Ю. Нагибина, что, как ни сдерживает он себя, душевная его боль выплескивается наружу...

«О великая, изобильная, приметливая и расточительная от богатства своих безмерных Русь! Ведь каждый из названных писателей в литературе любой другой страны явился бы предметом поклонения, всенародного культа. А дом, где он увидел свет, и любое приютившее его жилье, и школа, где он учился, стали бы местом паломничества, а у подножия памятника, возведенного благодарным потомством, не перевелись бы свежие цветы и венки из бессмертников».

Но как ни прекрасны, как ни благородны подобные заклинанья и страстные речи, к каким бы глубоким и полезным размышлениям ни вели, они лишь толика того большого дела, к которому призывают наших современников все те, кому дороги судьбы отечественной литературы. И это Ю. Нагибин понимает лучше многих. Его сердечная преданность, его любовь к сокровищам российской словесности, лежащим под спудом, действительна. Об этом убедительно свидетельствует одноименник прозы Николая Семеновича Лескова, представленный ныне в «Экслибрисе «Смены».

«Воительница», «Запечатленный ангел», «Железная воля», «Несмертельный Голован», «Тупейный художник» и другие произведения Н. С. Лескова, включенные Ю. Нагибиным в одноименник, — действительно шедевры художественного творчества, представляющие прозу Лескова довольно отчетливо и разнообразно. Можно, конечно, посоветовать, что сюда не вошли «Соборные», «Овечьи», «Очарованный странник», но объем книги и так велик. Главная же цель этого издания, на наш взгляд, достигнута.

Л. Н. Толстой заметил как-то: «Лесков — писатель будущего». Благодаря подобным книгам это будущее становится все зримее.

Владимир КОРОБОВ

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Инопланетянин—одеяло с лицом—по-прежнему лежал на кровати. Но глаза его были теперь открыты, и он уставился на Харта, как только тот вошел и затворил за собой дверь.

Харт застыл, едва переступив порог, и неприятная посредственность этой комнаты, откровенная ее бедность и убожество буквально ошеломили его. Он был голоден, томился тоской и одиночеством, а сочинитель в углу, казалось, потешался над ним.

Сквозь распахнутое окно до него донесся гром космического корабля, взлетающего за рекой, и гудок буксира, подводящего судно к причалу.

Он поплелся к кровати.

— Подвинься, ты,—бросил он инопланетянину, раскрывшему глаза еще шире, и упал рядом. Повернулся к одеялу-лицу спиной и скрючился, подтянув колени к груди.

Круг замкнулся: он вернулся к тому же, с чего начал вчера утром. У него по-прежнему не было

Окончание. Начало в №№ 14—15.

воображения

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

пленок, чтобы выполнить заказ Ирвинга. В его распоряжении была все та же обшарпанная, полованная машина. У него не осталось даже камеры, и он не представлял себе, у кого одолжить другую. Впрочем, что за резон одалживать, если нет денег заплатить герою? Один раз он уже попробовал снять фильм исподтишка, больше не станет. Не стоит дело того, чтобы рисковать тюрьмой на три, а то и на четыре года.

«Мы обожатели погонь и выстрелов,— так, помнится, изъяснился кафианин, которого он окрестил Зеленой Рубахой.— От вас мы покупаем путешествия в дальние места...»

Для Зеленой Рубахи искомое — бах-бах, тра-та-та, выстрелы и погоня; для жителей других планет это могут оказаться сочинения какого-то иного свойства — раса за расой присматривались к странному предмету экспорта с Земли и открывали в нем для себя неведомый ранее, зачарованный мир. «Дальние места», скрытые возможности игры ума, а то и приливы чувств. Различия в облике, видимо, не играли здесь особой роли.

Анджела заявила, что литература — гнусный способ зарабатывать себе на жизнь. Но это она сгоряча. Все писатели изредка провозглашают примерно одно и то же. Исполнок веков представители всех профессий, мужчины и женщины в равной мере, в недобрый час непременно заявляют, что их профессия — гнусный способ зарабатывать себе на жизнь. Они, конечно, искренне верят в то, что говорят, но во все другие часы и дни помнят, что вовсе она не гнусная, а, напротив, очень и очень важная.

И сочинительство тоже важно, более того, чрезвычайно важно. Не только потому, что дарит кому-то «путешествия в дальние места», но потому, что сеет семена Земли — семена земной мысли и земной логики — среди бесчисленных звезд.

«А они там ждут,— подумал Харт,— ждут рассказов, которые и теперь никогда не напишу...»

Он мог бы, конечно, попытаться писать, несмотря ни на что. Он мог бы даже поступить, как Джаспер,— иступленно скрести пером, подавляя чувство стыда, ощущая собственный анахронизм и несовершенство, страшась того неотвратимого дня, когда кто-то выведает его секрет, скажем, догадается по известной эксцентричности стиля, что это создано не машиной.

Но ведь Джаспер, вне всякого сомнения, не прав. Беда не в сочинителях и даже не в принципе механического сочинительства как таковом. Беда в самом Джаспере, в глубокой извращенности его психики, которая и сделала его мятежником. И притом мятежником боязливым, маскирующимся, запирающим дверь на ключ, полирующим свой сочинитель и усердно прикрывающим пишущую машинку на столе всяким хламом, чтобы никто — упаси бог! — не додумался, что он ею пользуется...

Харт немного согрелся, и голода он уже не испытывал, и перед его мысленным взором вдруг возникло одно из тех дальних мест, на какие, видимо, и намекал Зеленая Рубаха. Небольшая рошица, и под деревьями бежит ручей. Кругом мир и спокойствие, и, пожалуй, на всем лежит печать величия. Слышно пение птиц, и вода, бегущая в мшистых берегах, издает острый, пряный запах. Он шагает среди деревьев, их готические силуэты напоминают церковные шпили. И в его мозгу сами собой рождаются слова — слова, сцепленные так выразительно, так точно и тщательно, что никто и никогда не ошибется в их истинном значении. Слова, способные передать не только сам пейзаж, но и звуки, и запахи, и переполняющее все вокруг ощущение вечности.

Но, восхищаясь, он не забывает, что в этих готических силуэтах и в этом ощущении вечности таится угроза. Какая-то смутная интуиция подсказывает ему, что от рошицы надо держаться подальше. Мимолетно вспыхивает желание вспомнить, как он сюда попал, но памяти нет. Будто он впервые встретился с этой рошицей секунду-другую назад, однако он твердо знает, что шагает под испещренной солнцем листвою многие часы, а может, и дни.

Внезапно он почувствовал, как что-то шекочет ему шею, и поднял руку — смахнуть это непрошеное «что-то». Рука коснулась теплой маленькой шкурки, и он вскопчил с постели, словно ужаленный. Пальцы его сомкнулись на горле инопланетянина... Он едва не сбросил эту тварь с груди, как вдруг припомнил — с полной отчетливостью — странное обстоятельство, которое никак не шло на ум накануне.

Пальцы расслабились сами собой, и он позволил руке опуститься. И замер подле кровати, всей душой впитывая приветливое дружелюбие знакомой комнаты, а существо-одеяло удобно устроилось у него на спине и плечах и обняло его за шею. Он больше не испытывал голода, не был изнурен, и томившая его тоска куда-то исчезла. Он даже не помнил своих забот, и это было самое удивительное: озабоченность давно вошла у него в привычку.

Двенадцать часов назад он стоял в тупичке с существом-одеялом на руках и силится выкопать из глубины заупрямившегося сознания объяснение внезапному и непонятному подозрению — подозрению, что он уже где-то что-то слышал или читал о таком вот плачущем создании, какое подобрал. Теперь, когда одеяло укутало ему спину и приныкло к шее, загадка разрешилась.

Не расставаясь с приникшим к нему существом, Харт решительно пересек комнату, подошел к узкой и длинной шестифутовой полке и снял с нее книгу. Книга была старая и затрепанная, ломящаяся от множества прикосновений, и едва не выскользнула у него из рук, когда он перевернул ее, чтобы прочесть на корешке заглавие: «Отрывки из забытых произведений».

Он раскрыл томик и принялся перелистывать страницы. Он знал теперь, где найти то, что нужно. Он вспомнил совершенно точно, где читал о создании, прилепившемся за спиной. И довольно быстро нашел искомое — несколько уцелевших абзацев из рассказа, написанного давным-давно и давным-давно позабытого. Самое начало он пропустил, то, что его интересовало, шло дальше:

«Живые одеяла были честолюбивыми. Существа растительного происхождения, они, вероятно, лишь смутно сознавали, чего ждут. Но когда пришли люди, бесконечно долгому ожиданию настал конец. Живые одеяла заключили с людьми сделку. И в конечном счете оказались самыми незаменимыми помощниками в исследовании Галактики из всех когда-либо обнаруженных».

«Вот еще когда,— подумал Харт,— укоренилось вековое, самонадеянное и счастливое убеждение, что человеку суждено выйти в Галактику, исследовать ее, вступить в контакт с ее обитателями и принести на каждую посещенную им планету ценности Земли...»

«Человеку с живым одеялом, накинутым на плечи наподобие короткопалого плаща, уже не надо было заботиться о пропитании, поскольку живые одеяла обладали чудесной способностью накапливать энергию и преобразовывать ее в пищу, потребную для организма своего хозяина».

В сущности, одеяло становилось почти вторым телом — бдительным, неутомимым наблюдателем, наделенным своеобразным родительским инстинктом, поддерживающим в организме хозяина правильный обмен веществ в любой, даже самой враждебной среде, выкорчевывающим любые инфекции, исполняющим как бы три роли: матери, кухарки и домашнего врача одновременно.

Наряду с этим одеяло становилось как бы двойником своего хозяина. Сбросив с себя путы монотонного растительного существования, оно словно само превращалось в человека, разделяя все его чувства и знания, вкушая жизнь, какая и не снилась бы такому одеялу, оставаясь оно независимым.

И будто мало было взаимных выгод, одеяла предложили людям еще и премию, своего рода выражение признательности. Они оказались неумными выдумщиками и рассказчиками. Они были способны вообразить себе все что угодно — без всяких исключений. Ради развлечения своих хозяев они готовы были часами рассказывать затейли-

вые небывлицы, предоставляя людям защиту от скуки и одиночества...»

Там было и еще что-то, но Харт уже не стал читать дальше. Вернувшись к самому началу отрывка, он прочел: «Автор неизвестен. Примерно 1956 год».

1956-й? Так давно? Как же мог кто бы то ни было в 1956 году узнать об этом?

Ответ ясен как день: не мог. Не мог никоим образом. Просто-напросто выдумал. И попал, что называется, в самую точку. Кто-то из ранних авторов научной фантастики обладал поистине вдохновенным воображением.

Под сенью рошицы движется нечто несказанной красоты. Не гуманоид и не чудовище — нечто, не виданное прежде никем из людей. И, невзирая на всю его красоту, в нем таится грозная опасность, от него надо, не теряя ни секунды, спастись бегством.

Харт чуть не кинулся спасаться бегством и очутился посреди собственной комнаты.

— Ладно,— сказал он одеялу.— Давай-ка на время выключим телевизор. К этому мы еще вернемся.

«Мы вернемся к этому,— добавил он про себя,— и напишем про это рассказ, и побываем в разных других местах, и тоже напишем рассказы. И мне не понадобится сочинитель для того, чтобы написать их, я смогу и сам воссоздать в словах испытанное волнение и пережитую красоту и связать их вместе лучше любого сочинителя. Я же был там собственной персоной, я сам пережил все это, и тут уж меня не собьешь...»

Вот именно! Вот и ответ на вопрос, который Джаспер задал вечером, сидя за столиком в баре «Светлая звездочка».

«Что же завтра?» — спрашивал Джаспер. «А завтра — симбиоз между человеком и инопланетным существом, симбиоз, еще столетия назад придуманный писателем, самое имя которого давно позабыто».

«Словно сама судьба,— размышлял Харт,— положила руку мне на плечо и мягко подтолкнула меня вперед. Ведь это же совершенно неправдоподобно — найти ответ плачущим в тупичке между стеной жилого дома и переплетной мастерской...»

Но какое это теперь имеет значение! Важно, что он нашел ответ и принес домой, в ту минуту не вполне понимая, зачем, да и позже недоуменно спрашивая себя, чего ради. Важно, что теперь его необъяснимый поступок оправдался стократ.

Он услышал шаги на лестнице, потом в коридоре. Встревоженный их быстрым приближением, он торопливо потянулся и дернул одеяло с плеч. В отчаянии огляделся по сторонам в поисках укрытия для инопланетянина. Ну, конечно же, письменный стол! Он рывком выдвинул нижний ящик и — даром что оно слегка сопротивлялось — засунул одеяло туда. И не успел даже толком прикрыть ящик, как в комнату ворвалась Анджела.

Сразу было видно, что она так и пышет негодованием.

— Что за грязные шутки! — воскликнула она. — Из-за вас у Джаспера куча неприятностей!..

Харт уставился на нее в оцепенении.

— Неприятностей? Вы хотите сказать, что он не улетел с кафианами?

— Он прячется в подвале. Блейк передал мне, что он там. Я спускалась и говорила с ним.

— Он сумел от них избавиться? — Харт был потрясен до глубины души.

— И еще как! Он убедил их, что им вовсе не нужен живой писатель. Он объяснил, что им нужна машина, и рассказал о сверкающем чуде — о том самом «Классике», что выставлен в салоне.

— И они отправились в центр и украли «Классик»?

— Увы, нет. Если бы украли, то и горя бы мало. Но они и тут наломали дров. Чтобы добраться до машины, они разбились втрину и подняли тревогу. Теперь вся полиция города гонится за ними по пятам.

— Ну, а Джаспер...

Окончание на 30-й стр.

АВГУСТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

МИЛЛИОНЕРЫ И ДРУГИЕ

Брюссельские студенты вышли на демонстрацию—они протестуют против правительственной политики в области просвещения, против растущей безработицы.

Бельгия страдает теми же болезнями, что и ее партнеры по Общему рынку,—экономическим кризисом и безработицей. В стране—четверть миллиона полностью безработных и еще столько же безработных частично, работающих неполный рабочий день. По числу безработных по отношению к численности населения Бельгия среди стран Общего рынка стоит на третьем месте после Великобритании и Ирландии.

Стремительный рост безработицы вынуждает правительство искать какое-то решение. Политика строгой экономии, которую власти деликатно именуют «планом умеренности», тяжелым грузом ложится на плечи трудящихся. При всем этом растет инфляция, а ассигнования на просвещение снижаются. Серьезной проблемой остается проблема трудоустройства молодежи, только что завер-

шившей учебу. Незадолго до выборов 6 октября 1978 года правительство начало изобретать различные способы, чтобы найти для вступающих в жизнь юношей и девушек рабочие места. Так, например, людям предпенсионного возраста было предложено уйти на пенсию досрочно, чтобы «дать дорогу молодым». Владельцам предприятий и фирм рекомендовано брать молодежь «для практики» с символической зарплатой. Все эти меры, естественно, эффекта не дали.

«РАЗЕМ», ПОЛЬША

КОГДА ЗАНИМАТЬСЯ?

Вероятнее всего, содержание урока по истории, литературе или, допустим, физике запомнится лучше, если вы сидите за учебник во второй половине дня, утверждает доктор Симон Фолкард из Брайтона.

УИКЭНД, АНГИЛИЯ

Фолкард изучал группу из 130 школьников, живущих в графстве Восточный Суссекс. Половине из них читали рассказ утром, другая половина слушала тот же текст после полудня. Выяснилось, что вторые запомнили больше, чем те, кто знакомился с рассказом утром.

Доктор Фолкард говорит: «Существуют некоторые темы, которые хранить в памяти требуется недолго, в таком случае их лучше изучать утром. Но если нужно запомнить что-то надолго, то послеобеденное время кажется для занятий более предпочтительным».

Исследования, проведенные в Дортмунде (ФРГ), также подтвердили это наблюдение.

Тесты показали, что память особенно восприимчива вечером, перед сном. И потому некоторые ученые настаивают на том, чтобы студент или школьник получал самую важную информацию перед сном, ибо в это время полученные сведения усваиваются механизмом памяти лучше всего.

СПАСИТЕ ДЕТСКИЙ САД

Двадцать лет ее знают как «тетю Мартину»—она любимая воспитательница в детском саду маленькой швейцарской деревни Рабиус. Однако если не произойдет какого-то финансового чуда, Мартина Жакоме покинет детей. «Все мы хотим, чтобы она осталась, она очень добра к детям, и они ее буквально обожают, но где взять деньги?—говорит сотрудница детского сада Рита Берт.—Детский сад финансируется лишь родителями, а средства нужны не только на оплату обслуживающего персонала, но и на ремонт, покупку игрушек и многое другое».

Как же изыскать 4500 франков в год? До сих пор выходили из положения тем, что устраивали выставки рукодельных и кондитерских изделий, организовывали лотереи, лыжные состязания, концерты. Дети в меру своих крошечных сил активно помогали во всех этих мероприятиях. Поступали и пожертвования, но все это было невелико по сумме и случалось нерегулярно.

Вот почему журнал «Швайцер иллюстрирте» обратился к читателям с призывом: «Помогите тете Мартине остаться работать в детском саду деревни Рабиус, направляйте ваши добровольные пожертвования в адрес этого детского сада!»

«ШВАЙЦЕР ИЛЛЮСТРИРТЕ», ШВЕЙЦАРИЯ

НАЙДЕНЬШ

Четыре года назад группа охотников обнаружила в джунглях на юге Бурунди в стае обезьян ребенка, который вел себя так же, как окружающие его животные. Пойманный с большим трудом, он был помещен в больницу в Бужумбуре под наблюдение врачей-психиатров. Первоначально все усилия возратить маленького Джона в человеческое общество заканчивались неудачей: он продолжал вести себя как обезьяна. Тогда директор городского детского приюта попросил перевести найденца к себе. Просьба была удовлетворена. К всеобщему удивлению мальчик в приюте быстро переменялся: вышел из состояния апатии, начал играть с детьми, копировать их жесты, садиться за стол. Процесс приспособления к человеческой жизни быстро прогрессирует. И теперь восьмилетний Джон ходит прямо, одевается, ест ложкой и вилкой, произносит слова. Медики настроены оптимистично и считают, что им удастся довести до конца «перевоспитание» приема обезьяны.

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

ГЛАДИАТОРЫ НА СТАДИОНЕ

То зрелище, которое ежедневно смотрит сотни тысяч зрителей на американских стадионах и не считанные миллионы телезрителей на телеэкранах, хотя и имеется в США футбол, тем не менее с европейским футболом не имеет ничего общего. 22 игрока в защитной одежде, в шлемах с лезвием забралом борются за овальный мяч с таким неистовым упорством и жестокостью, как если бы сражались за свою жизнь. Запрещено разве только применение холодного и огнестрельного оружия. А все остальное разрешено: пики, удары кулаком, толчки бронированной головой в живот. Этот сверхжестокый, граничащий с дракой вид спорта является разновидностью европейского регби. Американским футболом увлекается 1,4 миллиона человек, которые получают за год 1,3 миллиона больших и малых травм. Итоговая сумма счетов от врачей за лечение этих травм составляет 300 миллионов долларов в год. В 1975 году от последствий ранений, полученных во время игры, скончалось 10 человек. О царстве во время состязания атмосфере лучше всего говорит молитва игроков клуба «Нью-Йоркские громобомы», которые после шестидесятиминутной жесточайшей схватки на футбольном поле провозглашают, упав на колени: «Благодарим тебя, господи, что по неизреченной милости твоей ты позволил нам пережить все это!»

Но вот новый матч—и мы видим на поле тех же игроков. Их вновь привела сюда отчаянная надежда сделать карьеру и разбогатеть. Действительно, горстка звезд американского футбола получает до четверти миллиона долларов в год. Прочие же, кому не удалось пробиться наверх, сходят со сцены без большой славы и больших денег, с подорванным здоровьем.

«ИЛЛЮСТРОВАНА ПОЛИТИКА», ЮГОСЛАВИЯ

ПЕЧАЛЬНОЕ РАВНОПРАВИЕ

Доктор Мортон Гроссман, директор Центра по исследованиям эволюционных заболеваний в университете штата Калифорния, говорит, что отныне на каждых двух мужчин, страдающих от язвы, придется одна женщина. Тридцать лет назад это соотношение было совсем иным: 20 к 1.

«Это, к сожалению, тот случай, где равные права для женщин становятся реальностью», — говорит врач. Эксперты констатируют, что увеличение потребления женщинами алкоголя, табака и других раздражителей, пагубно влияющих на желудок, играет отрицательную роль в этой печальной эволюции статистики. Такова цена — те же болезни, что и у мужчин, — превратно толкуемого равноправия полов.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

ПОДВОДНАЯ «СКОРАЯ ПОМОЩЬ»

Спасательная подводная лодка новой конструкции как для потерпевших аварию подводных лодок, так и подводного надзора за плавучим деррик-краном для морского бурения, нефтепромысла и газопроводом разработана в Швеции. Маневренная лодка весом 19 тонн имеет длину 13,5 метра. Изготовлена она с помощью новой сварочной техники. При максимальной длительности погружения 40 часов она может работать на глубине 460 метров и принять на борт до 25 человек.

Подводная лодка перевозится на транспортном устройстве до ближайшего порта и оттуда с максимальной скоростью 18,5 узла буксируется к месту бедствия. Потерпевшее аварию судно сцепляется со спасательной подводной лодкой. Эту операцию могут проводить на глубине 300 метров два водолаза из экипажа подводной «Скорой помощи», насчитывающего пять человек.

«ТЕХНИКУС», ГДР

СВЕТОФОРЫ «С ОБОНЯНИЕМ»

Дармштадт — один из городов ФРГ с интенсивным автомобильным движением. Непрерывный поток автомобилей сильно загрязняет воздух, содержание окиси углерода часто превышает допустимую величину. Поэтому сейчас на самых оживленных перекрестках города устанавливаются светофоры «с обонянием». Когда состав воздуха нормальный, светофоры работают по обычной программе. Но если автоматические измерители, помещенные в светофорах, показывают, что количество окиси углерода в воздухе превышает норму, они переключаются на другую программу и изменяют направление движения автомобилей до тех пор, пока воздух не очистится.

«ЭЛЕТ ЭШ ТУДОМАНЬ», ВЕНГРИЯ

БУДУЩЕЕ В МРАЧНОМ СВЕТЕ

Атмосфера насилия, преступности, пессимизма, неуверенности и разочарования в существующей социальной структуре губительно влияет на американских подростков — такой вывод сделала группа социологов, проводившая обследование школьников в возрасте от 11 до 17 лет. Подросткам было дано задание написать эссе или научно-фантастический рассказ, где должна была решаться проблема перенаселенности нашей планеты.

Половина учеников не высказала никаких предложений, описав лишь картины довольно мрачного будущего. В этом обществе официально узаконено убийство, поощряется самоубийство, существует насильственная стерилизация и не осуждаются случаи каннибализма.

Вот одно из предложений, выдвинутых школьниками. Тридцати процентам населения, самым богатым, умным и красивым людям, разреша-

ется иметь двух детей. Остальным же — лишь по одному, да и то такие дети в будущем станут выполнять только грязную и вспомогательную работу, которую «тридцатипроцентники» считают унизительной для себя.

«С 1 января 2001 года на каждого родившегося ребенка надлежит убивать одного взрослого в возрасте 60 лет и старше», — гласит другое предложение.

Подводя итоги, один из руководителей социологического обследования заявил: «В представленных эссе полностью отсутствуют идеи человеческих прав, гражданских свобод, равенства и гуманизма. Читая эти сочинения, непредубежденный человек может только устрашить тех путей, по которым текут мысли подростков. Тех самых подростков, которым принадлежит будущее страны».

«ОРЕБИТА», БОЛГАРИЯ

«СПИСАННАЯ» МОЛОДЕЖЬ

Число безработных выпускников школ возросло в Великобритании с 28 тысяч в 1968 году до 200 тысяч в нынешнем. Почти 20 процентов всех жителей Британских островов моложе 20 лет сейчас без работы, почти половине всех безработных — менее 30 лет. Глубокая неуверенность, которую испытывают молодые выпускники, приводит к вандализму, росту числа актов насилия, расовой напряженности и частым психическим расстройствам.

Однако все это относится не только к выпускникам школ, и не только к Великобритании. К каждому второму из 7,4 миллиона безработных в Соединенных Штатах

от 16 до 25 лет. Согласно последним статистическим данным, в ФРГ из приблизительно одного миллиона официально зарегистрированных безработных 400 тысяч — молодые люди. В Италии в последние три года число безработных из рядов молодежи выросло вчетверо.

У молодежи нет оснований возлагать надежды на будущее. Комиссия Европейского экономического сообщества, например, недавно сообщила, что рост безработицы среди молодежи будет продолжаться и дальше.

«МЛАДИ СВЕТ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ВЫБИРАЙТЕ ИХ ПРОСТО, КАК ВЫБИРАЮТ ЛОШАДЕЙ

Судьба сайгонских беженцев, которых командование отступающей из Южного Вьетнама американской армии сманило к бегству из своей страны, является в высшей степени плачевной. До сих пор половина этих все в жизни потерявших людей обитает во временных лагерях на американских базах в Малайзии, Сингапуре, Южной Корее. Все они ждут американской визы, не зная, видимо, того, что сказал о них один вашингтонский дипломат: «Наш дом полон,

и в Штаты мы возьмем только тех, кто нам здесь пригодится».

Итак, кто же пригодился? Как живут беженцы в Штатах? Вьетнамская малоквалифицированная рабочая сила никого не интересует. Впрочем, для молодых вьетнамцев есть два вида занятий — стать протитуткой или официанткой в баре. В администрацию лагерей нередко приходят запросы такого типа: «Приму молодую вьетнамку, не имеющую родственников. Будет служить на моей вилле», или же «Приму пару семнадцатилетних девушек-вьетнамок. Условие — хорошая фигура и здоровые зубы. Выбирайте их просто, без фокусов, как выбирают лошадей».

Многие американцы понимают помощь вьетнамцам прежде всего как помощь самим себе. Так, одна весьма состоятельная дама из Нью-Орлеана заказала себе из лагеря две многодетные вьетнамские семьи «для легких домашних работ». На деле же оказалось, что легкая домашняя работа — это работа на плантации «благотельницы» буквально за гроши, а жить семьям пришлось в старом автомобильном прицепе без света и воды.

Нет ничего удивительного в том, что большинство вьетнамских беженцев подало прошения о репатриации, чтобы как можно быстрее вернуться к себе на родину.

«КВЕТИ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении

Сила воображения

Начало на 26-й стр.

— Они же брали его с собой, чтобы он показал им, куда идти.

Харт немного перевел дух.

— И теперь Джаспер прячется от слуг закона? — В том-то и штука, что он не знает, прятаться ему или нет. С одной стороны, полиция его, наверное, вообще не видела. С другой — что, если они сцапают кого-нибудь из кафиан и вытрясут из него всю правду? Тогда вам, Кемп Харт, придется держать ответ за многое...

— Мне? Я-то тут при чем?

— А кто сказал им, что Джаспер тот, кто им нужен? И как только вы ухитрились заставить их поверить в такую чушь?

— Без труда. Вспомните, что втолковывал нам Джаспер. Все, кроме нас, всегда говорят правду. Мы единственные, кто умеет лгать. Пока они все не поумнеют, общаясь с нами, они будут верить каждому нашему слову. Поскольку все остальные всегда говорят правду и только правду, то, понимаете...

— Да замолчите вы! — перебила Анджела. Потом осмотрелась и спросила: — А где ваше милое одеяльце?

— Куда-то делось. Надо полагать, удрало. Когда я вернулся домой, его уже не было.

— Вы хоть разобрались, что это такое?

Харт покачал головой.

— Может, и к лучшему, что оно убежало, — сказал он. — Меня от него, признаться, мутило.

— Вы словно док Жуйяр! Кстати, про дока. Весь наш квартал положительно сошел с ума. Док, вдребезги пьяный, валяется в парке под деревом, и его стережет пришелец. Никого даже близко не подпускает. Не то охраняет его, не то считает своей собственностью, не поймешь.

— А может, это один из розовых слонов? Мерещились ему так часто, что в конце концов ожили...

— Оно не розовое, и это не слон. Ступни перепончатые, непропорционально крупные, и длиннющие паучьи ноги. И вообще оно похоже на паука, а кожа вся в бородавках. Треугольная голова с шестью рогами. Глянень — мурашки по спине...

Харт пожал плечами. Обычных инопланетян переварить не так уж трудно, но, конечно, если такое пугало...

— Интересно, чего оно хочет от дока?

— Никто, по-видимому, не знает. А оно не рассказывает.

— А если не может?

— Все другие пришельцы могут. По крайней мере могут изъясняться настолько, чтобы их поняли. Иначе они вообще сюда не прилетали бы.

— Звучит логично, — согласился Харт. — А если оно решило нализаться задаром, сидя рядом с доком и вдыхая перегар?

— Знаете, Кемп, — заявила Анджела, — подчас ваши шуточки становятся совершенно непереносимыми.

— Вроде намерения писать от руки.

— Вот именно, — подтвердила Анджела. — Вроде намерения писать от руки. Вам известно не хуже, чем мне, что в приличном обществе о таких вещах просто не говорят. Писать от руки все равно что есть пальцами, или ковырять в носу, или выйти на улицу нагишом...

— Хорошо, — сказал Харт, — хорошо. Больше я никогда не займусь об этом.

Когда она ушла, Харт опустился на стул и принялся обдумывать создавшееся положение.

Во многих отношениях он будет теперь походить на Джаспера, но можно ли возражать против этого, если он начнет писать, как Джаспер!

Придется приучиться запирать дверь. Он стал ломать себе голову: где ключ? Он никогда не пользовался ключом. Теперь при первом удобном случае надо будет перевернуть все в столе: а вдруг отыщется? Если нет, тогда придется заказать новый ключ, — не хватало еще, чтобы кто-нибудь вперся в комнату без предупреждения и застал его с одеялом на плечах или с пером в руке.

«Пожалуй, — мелькнула мысль, — неплохо бы переехать на новую квартиру. В самом деле, как прикажете объяснить людям, отчего я ни с того ни с сего стал запирается на ключ?» Но даже подумать о переезде было нестерпимо. Пусть комнатка и плохонькая, он к ней привык, и она подчас казалась ему почти родным домом.

А что, если — когда он успешно продаст первые две-три вещи — потолковать с Анджелой и выяснить, как она отнесется к предложению переехать вместе с ней? Анджела — славная девочка, но можно ли просить девушку связать свою судьбу с человеком, который сам не ведает, на что в следующий раз купит себе хлеба? Однако теперь, даже если он не продаст ни строчки, заботиться о хлебе насущном ему больше не придется. «Любопытно, — подумал он вскользь, — можно ли поделить одеяло как кормильца на двоих? И удастся ли в конце концов внятно объяснить все это Анджеле?»

Но как, скажите на милость, ухитрился тот забытый автор в далеком 1956-м додуматься до такого? И сколько еще шальных идей, рожденных причудливой игрой ума и парами виски, могут на поверку оказаться правильными?

Мечта? Озарение? Проблеск грядущего? Неважно, что именно: просто человек подумал об этом, и это сбылось. Сколько же других небылиц, о которых люди думали в прошлом и подумают в будущем, в свой срок тоже обернется истиной?

Догадка даже испугала его.

Те самые «путешествия в дальние места». Полет воображения. Влияние печатного слова, сила мысли, определяющая его влияние. «Книги куда опаснее крейсеров», — сказал он вчера. Как он был прав, как бесконечно прав!

Он поднялся, пересек комнату и встал перед сочинителем. Тот злобно оскалился. В ответ Харт показал машине язык и произнес:

— Вот тебе!..

Тут он услышал за спиной легкий шелест и поспешно обернулся. Одеяло ухитрилось каким-то образом просочиться из ящика и устремилось к двери, опираясь на нижние складки своего хрупкого тельца. На ходу оно колыхалось и дергалось, словно раненый олень.

— Эй, ты! — завопил Харт и потянулся следом.

Но поздно. В дверях стояло чудище — другого слова не подберешь. Одеяло подскочило к чудищу, быстро скользнуло вверх и распласталось у него на спине. Чудище, обращаясь к Харту, прошипело:

— Я потерял это. Вы были добры отыскать. Благодарю...

Харт утратил дар речи.

Зрелище было не для слабонервных. Ни дать ни взять тот самый пришелец, которого Анджела видела рядом с доктором, только еще более страшный, чем по описанию. Он стоял на перепончатых лапах втрое большего размера, чем нужно было по росту, — казалось, он надел снегоступы. И еще у него был хвост, неизящно загнутый до середины спины. И еще дынеобразная голова с треугольным лицом и шестью рогами, и на кончик каждого из шести рогов был насажен вращающийся глаз.

Чудище залезло в сумку, которая, видимо, являлась частью его тела, и вытащило пачку банкнот.

— Небольшая награда, — возвестило оно и кинуло банкноты Харту. Тот машинально протянул руку и подхватил их. — Мы уходим вдвоем, — добавило чудище, помолчав. — Мы уносим в нашей памяти добрые мысли...

Оно совсем уже переступило порог, когда протестующий вопль Харта заставил его обернуться.

— Да, благородный сэр?

— Это одеяло, эта штука, которую я нашел. Что это?

— Мы ее сделали.

— Но она живая и, кроме того...

Чудище оскалилось в усмешку.

— Вы такие умные люди. Вы сами ее придумали. Много времен назад.

— Неужели тот самый рассказ?

— Непременно. Мы про нее прочитали. Мы ее сделали. Очень умная мысль.

— Не хотите же вы сказать, что и в самом деле...

— Мы биологи. Как вы назвали бы такую науку — биологическая инженерия...

Чудище повернулось и двинулось прочь по коридору. Харт крикнул вдогонку:

— Эй, минуточку! Постоите! Одну мину...

Но оно удалялось очень ходко и не остановилось. Харт, грохоча каблуками, припустил за ним. Добежав до площадки, глянул через перила, никого не увидел. И все равно устремился вниз, перескакивая по три ступеньки зараз и решительно пренебрегая всеми правилами безопасности.

Он не догнал пришельца. Выскочив из дома на

улицу, он притормозил и осмотрелся по сторонам, но от незваного гостя не осталось и следа — исчез, как в воду канул.

Тогда Харт полез в карман и ощупал пачку банкнот, пойманных на лету. Вытащил ее целиком — она оказалась толще, чем ему помнилось. Сорвав эластичную опояску, он взглянул на деньги внимательнее. Достоинство верхней купюры, в галактических кредитах, оказалось таково, что Харт едва устоял на ногах. Он быстро перелистал всю пачку — другие купюры были вроде бы того же достоинства.

При одной мысли о подобном богатстве Харт задохнулся и перелистал пачку еще раз. Нет, он не ошибся — купюры действительно были одного достоинства. Провел в уме белгий подсчет — результат получился прямо-таки ошеломляющим. Даже если считать в кредитах, а каждый кредит при обмене равнялся примерно пяти земным долларам.

Ему случалось видеть кредиты и раньше, но до сих пор не доводилось держать их в руках. Они служили основой галактической торговли и широко применялись в межзвездных банковских операциях, а в повседневное обращение если и попадали, то редко. Он взвесил их в руке и внимательно рассмотрел. Да, они были прекрасны.

«Чудище, по-видимому, безмерно ценит свое одеяло, — подумал он, — если отвалило такую фантастическую сумму за то, что кто-то элементарно позаботился о нем». Хотя, если разобратья, это не единственно возможное объяснение. Уровень благосостояния от планеты к планете различается чрезвычайно сильно, и богатство, которое он сейчас держит в руках, владетель одеяла, быть может, предназначал на мелкие расходы...

С удивлением Харт обнаружил, что не ощущает ни особого волнения, ни счастья, как должно бы по идее быть. Единственное, о чем он, кажется, еще способен был думать, — что одеяло для него потеряно.

Он запихнул деньги в карман и перешел через улицу в маленький парк. Жуйяр уже проснулся и сидел на скамейке под деревом. Харт присел рядом.

— Как чувствуете себя, док? — спросил он.

— Чувствую себя хорошо, сынок, — отвечал старик.

— Видели вы пришельца, похожего на паука в снегоступах?

— Был тут один какой-то не так давно. Просыпаясь я, а он уже ждет. Хотел узнать про ту штуку, что вы нашли.

— И вы сказали?

— Конечно. А почему бы и нет? Он объяснил, что разыскивает ее. Я подумал, что вы будете счастливы сбыть ее с рук.

Какое-то время оба сидели молча. Потом Харт спросил:

— Док, что бы вы сделали, если бы получили миллиард долларов?

— Я, — ответил доктор без малейшего колебания, — упили бы до смерти. Да, сэр, я упили бы до смерти настоящим зельем, а не той бурдой, какой торгуют на этом конце города.

«И все покатило бы, как заведено, — подумал Харт. — Док упили бы до смерти. Анджела принялась бы шлаться по художественным салонам и домам моделей. Джаспер, более чем вероятно, купил бы себе домик в горах. А я? Что сделать я сам с миллиардом долларов плюс-минус миллион?»

Еще вчера, сегодня ночью, каких-нибудь два часа назад он заложил бы душу за сочинитель модели «Классик».

Сейчас «Классик» казался форменным старьем и преснятиной.

Потому что открылся новый, лучший путь — путь симбиоза, путь сотрудничества человека с инопланетной биологической конструкцией.

Харт припомнил готическую роццу и витающее над ней ощущение вечности и даже здесь, в ярком свете дня, вздрогнул при воспоминании о несказанной красоте, что возникла среди деревьев.

«Воистину, — подумал он — такой способ сочинять куда лучше: познать явление самому и тогда уже описать его, пережить свой сюжет самому и тогда уже пересказать...»

Но он утратил одеяло и не представлял себе, где взять другое. И даже если бы он узнал, откуда они берутся, он все равно бы не ведал, как приобрести хоть одно одеяльце в личную собственность.

Инопланетная, чуждая биологическая конструкция — и все же не до конца чужая: ведь впервые о ней подумал безвестный автор много лет назад здесь, на Земле. Человек, который писал, как Джаспер пишет еще и сегодня, — скорчившись над столом, лихорадочно перенося на бумагу слова, сплетающиеся в мозгу. И никаких тебе сочините-

лей, ни фильмов, ни перфолент, ни прочих механических приспособлений. Но сумел же этот не известный никому человек преодолеть мглу времени и пространства, коснуться мыслью иного безвестного разума—и одеяло появилось на свет столь же неминуемо, как если бы человек изготовил его собственными руками.

Не в том ли и состоит подлинное величие человечества, что оно способно призвать себе на помощь воображение—и в один прекрасный день все воображаемое сбывается?

А если в этом величие, то вправе ли человек передоверить свое призвание поворотным рычагам, вращающимся колесикам, умным лампам и проводочным потрохам машин?

— У вас при себе,—спросил Жуйяр,—случаем не найдется доллара?

— Нет,—ответил Харт.—Доллара у меня нет.
— Вы такой же, как все мы грешные,—сказал Жуйяр.—Мечтаете о миллиардах, а за душой ни цента...

«Джаспер—мятежник,—подумал Харт,—а это не окупается. На долю мятежников остаются, как правило, лишь расквашенные носы да шишки на лбу...»

— Доллар мне определенно пригодился бы,—сказал Жуйяр.

«Не окупится мятеж Джасперу Хансену,—подумал Харт,—не окупится и другим, кто так же запирается на замок и так же полирует свои безработные машины с единственной целью, чтобы каждый, кто забредет к ним в гости, удостоверился, что машины в целости и в чести.

Не окупился бы мятеж и мне,—сказал себе Кемп Харт.—Зачем мне мятеж, когда, подчинившись правилам, я прославлюсь почти автоматически, может статься, за одну ночь?..»

Опустив руку в карман, он оцупал пачку банкнот и бесповоротно решил, что чуть погодя отправится в центр и купит себе ту самую машину, удивительную и несравненную. Денег хватит на любую машину. Того, что есть в пачке, хватит на целое стадо машин.

— Да, сэр,—сказал Жуйяр, мысленно возвращаясь к своему ответу на вопрос о миллиарде долларов.—Это была бы приятная смерть. Не спорьте, очень приятная!..

Когда Харт вновь появился в салоне-магазине, бригада рабочих как раз заменяла выбитое стекло. Он едва удостоил их мимолетного взгляда и без колебаний проследовал внутрь.

Продавец, тот же самый, вырос перед ним как из-под земли. Только сегодня продавец и не пытался разыграть радость, а придал своему лицу выражение суровое и даже слегка обиженное.

— Вы вернулись, несомненно, затем,—произнес продавец,—чтобы подписать заказ на «Классик»?

— Совершенно верно,—ответил Харт и извлек из кармана деньги.

Продавец был хорошо вышколен. Он опешил лишь на долю секунды, а затем вновь обрел самообладание.

— Великолепно!—воскликнул продавец.—Я так и знал, что вы вернетесь. Не далее как сегодня утром я говорил кое-кому из наших, что вы непременно заглянете к нам опять.

«Ну да, ври больше»,—подумал Харт.
— Полагаю,—сказал он,—что если я заплачу наличными, то вы согласитесь немедленно обеспечить меня в достаточном количестве пленками, перфолентами и дополнительной аппаратурой по моему выбору?

— Разумеется, сэр. Я сделаю для вас все, что возможно.

Харт снял сверху пачки одну купюру, а остальные сунул обратно в карман.

— Не изволите ли присесть?—извивался продавец.—Я тотчас же вернусь. Договорюсь о доставке и оформлю гарантию...

— Можете не спешить,—ответил Харт, наслаждаясь произведенным эффектом.

Он опустился в кресло и стал строить дальнейшие планы.

Во-первых, он должен найти квартиру получше, а когда найдет, закатить обед для всей компании и утереть Джасперу нос. Так он и сделает, если только Джаспера не упекут уже в тюрьму. Он даже хмыкнул, представив себе, как Джаспер ежится от страха в подвале бара «Светлая звездочка».

И еще он сегодня же зайдет в контору к Ирвингу, отдаст ему двадцатку и объяснит, что, к сожалению, не располагает временем для того, чтобы выполнить заказ. Не то чтобы ему не хотелось выручить Ирвинга. Но это же прямое кощунство—писать ту чепуху, которая нужна Ирвингу, на машине, надежденной такими талантами, как этот «Классик».

Заслышав у себя за спиной торопливую дробь шагов, он поднялся и с улыбкой повернулся навстречу продавцу. Однако тот и не подумал отвечать на улыбку. Казалось, продавца вот-вот хватит удар.

— Вы!...—задохнулся продавец, с трудом сохраняя способность к членораздельной речи.—Ваши деньги!.. Мы по горло сыты вашими фокусами, молодой человек!..

— Деньги?—не понял Харт.—Что деньги? Это галактические кредиты. Следовательно...

— Это игрушечные деньги,—взревел продавец.—Деньги для детишек! Игрушечные деньги, выпущенные в созвездии Дракона! Тут на лицевой стороне так прямо и напечатано. Вот, крупными буквами.—Он отдал бумажку Харту.—А теперь выметайтесь вон!..

— Позвольте,—взмолился Харт,—вы уверены? Это просто не может быть! Здесь какая-то ошибка...

— Наш кассир утверждает, что это факт. Он эксперт по денежным знакам любого рода, и он утверждает, что деньги игрушечные.

— Но вы же их взяли! Вы не смогли отличить их от настоящих...

— Я не умею читать по-дракониански. А кассир умеет.

— Чертов пришелец!—крикнул Харт в припадке внезапной ярости.—Ну, если я до него доберусь!.. Продавец чуть-чуть смягчился.

— Этим пришельцам никак нельзя доверять, сэр. Они порядочные пройдохи.

— Прочь с дороги!—крикнул Харт.—Я должен разыскать этого негодяя!..

Дежурный в Бюро по делам инопланетян не сумел оказать Харту особой помощи.

— У нас нет данных,—объявил дежурный,—о существах того типа, какой вы описываете. Вы не располагаете хотя бы их фотографией?

— Нет,—ответил Харт,—фотографии у меня нет.

Перед тем дежурный просмотрел груды каталогов; теперь он принялся расставлять их по местам.

— Конечно,—рассуждал он,—то, что у нас нет данных, еще ничего не доказывает. К сожалению, мы просто-напросто не успеваем следить за всеми разновидностями мыслящих. Их и без того много, и непрерывно появляются все новые. Возможно, следовало бы навести справки в космопорту. А вдруг кто-нибудь обратил внимание на вашего пришельца?

— Я уже побывал там. И ничего. Совсем ничего. Он же должен был прилететь сюда, а может, успел даже и улететь обратно, и никто его не помнит! А может, помнит, но не говорит...

— Инопланетяне покрывают друг друга,—поддакнул дежурный.—Они вам никогда ничего не скажут.—Он продолжал складывать книги стопками. Близился конец рабочего дня, ему не терпелось уйти, и он решил сосречь:—А почему бы вам не отправиться в космос и не поискать пришельца в его родной стихии?..

— Я, видимо, так и сделаю,—ответил Харт и вышел, хлопнув дверью.

Ну, чем плохая шутка—предложить посетителю отправиться в космос и самому поискать своего пришельца? Почему бы в самом деле не выследить его среди миллиона звезд, не поохотиться за ним на расстоянии в десять тысяч световых лет? И почему бы потом, найдя его, не сказать: «А ну, отдай одеяло»,—чтоб он тут же и расхохотался тебе в лицо?

Но ведь к тому времени, когда сумеешь выследить его среди миллиона звезд, на расстоянии в десять тысяч световых лет, одеяло тебе уже вовсе не понадобится: ты сам переживешь свои сюжеты, и увидишь воочию своих героев, и впитаешь в себя краски десяти тысяч планет и ароматы миллиона звезд. И сочинитель тебе тоже не понадобится, как не понадобится ни фильмы, ни перфоленты, ибо нужные слова будут трепетать на кончиках твоих пальцев и стучать в висках, умоляя выпустить их наружу...

Чем плохая шутка—всучить простаку с отсталой планетки пригоршню игрушечных денег за нечто, стоящее миллион? Дурачина и не заподозрит, что его провели, покуда не попытается эти деньги потратить. А обманщик, сорвав куш, тихо отползет в сторонку и будет надирать от смеха, упиваясь своим превосходством.

Кто это смел утверждать, что люди—единственные лжецы на всю Вселенную?..

А чем плохая шутка—носить на плечах живое одеяло и посылать на Землю корабли за галиматей, которую здесь пишут? Не сознавая, не догадываясь даже, что нарушить земную монопо-

лию на литературу проще простого и для этого нужно лишь одно—хорошенько прислушаться к существу у себя за спиной...

— И эта шутка значит,—произнес Харт вслух,—что в последнем счете ты остался в дураках. Если я когда-нибудь найду тебя, ты у меня проглотить эту шутку натошак!..

Анджела поднялась на верхний этаж с предложением мира. Она принесла и поставила на стол кастрюльку.

— Поешьте супу,—сказала она.—Супы мне всегда удаются.

— Спасибо, Анджела,—ответил он.—Совсем сегодня забыл про еду.

— А рюкзак зачем, Кемп? Едете на экскурсию?

— Нет, в отпуск.

— И даже мне не обмолвились!

— Я лишь сейчас надумал, что еду. Вот только что.

— Извините, что я так рассердилась на вас. Все обошлось. Зеленая Рубаха со своими шалопаями благополучно удрал.

— Так что Джаспер может выйти из подвала?

— Уже вышел. Он сильно зол на вас.

— Как-нибудь переживу. Он мне не родственник.

Она села на стул и стала наблюдать за тем, как он укладывается.

— Куда вы собираетесь, Кемп?

— Искать моего пришельца.

— Здесь, в городе? Кемп, вы никогда его не найдете.

— Да нет, не в городе. Придется порасспрашивать дорогу.

— Какую дорогу? Где вы видели пришельцев, кроме как...

— Вы совершенно правы.

— Вы сумасшедший!—заклочила она.—Не смейте этого делать, Кемп! Я вам не позволю! Как вы будете жить? Чем зарабатывать?

— Буду писать.

— Писать? Вы не сможете писать! Вы же останетесь без сочинителя...

— Буду писать от руки. Может, это и неприлично, но я сумею писать от руки, потому что буду знать то, о чем пишу. Мои сюжеты войдут мне в плоть и в кровь. Я буду чувствовать их вкус, цвет и запах...

Она вскочила со стула и замолотила кулачками по его груди.

— Это мерзко! Это недостойно цивилизованного человека! Это...

— Но именно так писали прежде. Все бесчисленные рассказы, все великие мысли, все изречения, которые вы любите цитировать, написаны именно так. Так оно и должно быть во веки веков. Мы сейчас забрели в тупик!

— Вы еще вернетесь,—предсказала она.—Сами поймете, что заблуждались, и вернетесь...

Он покачал головой, не сводя с нее глаз.

— Не раньше, чем найду своего пришельца.

— Вовсе вы не пришельца ищете! Что-то совсем другое. По глазам вижу: что-то другое...

Она круто повернулась и стремглав бросилась из комнаты по коридору и вниз по лестнице.

Он продолжал собирать рюкзак, а когда собрал, то сел и съел суп. И подумал, что Анджела права. Супы ей действительно удаются.

И еще она права в другом. Ищет он отнюдь не пришельца.

Не нужен ему пришелец. Не нужно одеяло, не нужен сочинитель.

Он отнес кастрюльку в раковину и вымыл под краном, а потом старательно вытер. Затем поставил в центре стола, где Анджела наверняка увидит ее, как только войдет. Потом взял рюкзак и стал медленно спускаться по лестнице.

Наконец, он вышел на улицу и тут услышал позади крик. Это была Анджела—она бежала за ним вдогонку. Он приостановился и дождал ее.

— Я еду с вами, Кемп.

— Вы сами не знаете, что говорите. Путь будет далек и труден. Диковинные миры и странные нравы. И у нас нет денег.

— Нет, есть. У нас есть полсотни. Те, что я пыталась вам одолжить. Большого предложить не могу, да и этого, понимаю, надолго не хватит. Но полсотни у нас есть.

— Но вам-то не нужен никакой пришелец!

— Нет, нужен. Я тоже ищу пришельца. Каждый из нас, по-моему, ищет своего пришельца.

Он решительно привлек ее к себе и крепко обнял.

— Спасибо, Анджела,—проговорил он.

Рука об руку они направились к космопорту, чтобы выбрать корабль, который понесет их к звездам.

Перевел с английского К. СЕНИН.

Рисунки В. Вадимира СПЕЛЬНИКОВА.

Рисунок Вадима ШАПОВАЛОВА

Рисунок Евгения МИЛУТКИ

НАШ ЛЕТНИЙ КОНКУРС

Ниже следует третий, заключительный тур заочного шахматного соревнования читателей «Смены». Условия первых двух туров были напечатаны в №№ 14 и 15 нашего журнала.

Жюри убедительно просит всех участников этого конкурса пользоваться только стандартными почтовыми открытками. Ответы на последний тур нельзя присылать в одном письме с решениями предыдущих заданий. На лицевой стороне открытки не забудьте сделать пометку «Шахматный конкурс «Смены» — 3-й тур».

Срок отправления в редакцию ответов на заключительный тур — 10 сентября 1977 года (согласно почтовому штемпелю).

ТРЕТЬЕ ЗАДАНИЕ

Могут ли белые добиться спасения в этой ситуации? (6 очков).

Есть ли у черных путь к форсированной победе? (7 очков).

Ход белых. Каковы шансы сторон при их наилучшей игре? (7 очков).

УСПЕХ НА ФЕСТИВАЛЕ В ГАВРЕ

Отлично выступило советское молодежное трио на недавнем международном традиционном шахматном фестивале во французском городе Гавре. Первый приз завоевал челябинец Евгений Свешников, набравший 11,5 очка из 15 возможных. Второе и третье призовые места разделили льявлянин Александр Белявский и ленинградец Александр Кочиев. У них по 10,5 очка.

В результате этих высоких спортивных достижений Свешников, перевыполнивший норматив второго гроссмейстерского балла,

ожидает присвоения ему титула международного гроссмейстера. Белявский подтвердил это почетное звание, а Кочиев «заработал» первый гроссмейстерский балл.

А вскоре на турнире в Дортмунде (ФРГ) 21-летний ленинградец стал обладателем еще одного такого балла и тоже вот-вот пополнит семью наших гроссмейстеров.

Думается, что читателям понравятся красивые фрагменты из двух партий гаврского фестиваля

На диаграмме отображено положение фигур, создавшееся после 14-го хода белых в партии Свешникова со шведом Орнштейном. Советский шахматист, игравший черными, решился на внешне рискованный, но глубоко продуманный пешечный выпад на королевском фланге.

14. ... g7—g5! 15. Ch4—g3 e6—e5 16. Kd4—b5 a7—a6 17. f2—f4 g5:f4 18. e3:f4 e5—e4!

В целях получения контратаки белые не останавливаются перед жертвой коня и хотят вскрыть хотя бы одну из вертикалей. Но черные искусно препятствуют претворению в жизнь замыслов противника.

19. Kd2—b3 Фa5—b6+ 20. Cg3—f2 Cf8—c5!

Бдительность необходима: в случае отступления черного ферзя 20. ... Фd8 инициативой овладели бы белые—21. K5d4 ed 22. Le1+ и т. д.

21. Kb3:c5 Kd7:c5 22. Cd3—e2 a6:b5 23. La1—c1 0—0 24. Фd1—d4 Лf8—d8 25. Фd4:b4 e4—e3!

Этой жертвой центральной пешки черные подготавливают эффектный тактический удар на тему перекрытия, который решает судьбу поединка.

26. Cf2:e3 Фb6—e6 27. Лc1—c3 Kc5—d3!, и белые капитулировали.

Перед вами позиция, возникшая во встрече Кочиева с голландским шахматистом Бёмом. Очередь 19-го хода за черными. Умелыми перемещениями своих обоих слонов они создают почву для стремительного штурма позиции белых.

19. ... Ce7—f6! 20. Cc1—b2 Ca6—b7 21. Ke1—f3 h5—h4 22. d3—d4 Kg4:h2!

Изысканный комбинационный удар, разрушающий оборонительные устои белого короля. Вскоре его прикрывать будет только одна пешка, причем ... черная!

23. d4:c5 Фd7—f7! 24. Kf3—d4 Kc6:d4 25. c3:d4 Cb7:g2 26. Kpg1:g2 h4:g3 27. Kf2—h3 Kh2—g4 28. La1—c1 Лh8:h3!

«Под занавес» Свешников жертвует обе ладьи за коня, и угроза мата становится неотвратимой.

29. c5:b6+ Krc8—b8 30. b6:a7+ Kpb8:a7 31. Kpg2:h3 Ld8—h8+ 32. Kph3:g3 Лh8—h3+!, и белые сдались.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 4/VI 1977 г. А 09262. Подписано к печати 15/VI 1977 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200 000 экз. Изд. № 1744. Заказ № 808. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ПРИПЕВНО. НЕ БЫСТРО.

ПРИПЕВ:

Все, что есть у меня

Слова Леонида ДЕРБЕНЕВА

Музыка Вячеслава ДОБРЫНИНА

Мир не прост, совсем не прост,
Нельзя в нем скрыться от бурь и от гроз,
Нельзя в нем скрыться от зимних выюг
И от разлук, от горьких разлук.
Но, кроме бед, непрошенных бед,
Есть в мире звезды и солнечный свет,
Есть дом родной и тепло огня,
И у меня есть ты, у меня.

Припев:

Все, что в жизни есть у меня,
Все, в чем радость каждого дня,
Все, о чем тревоги и мечты,
Это все, это все ты!

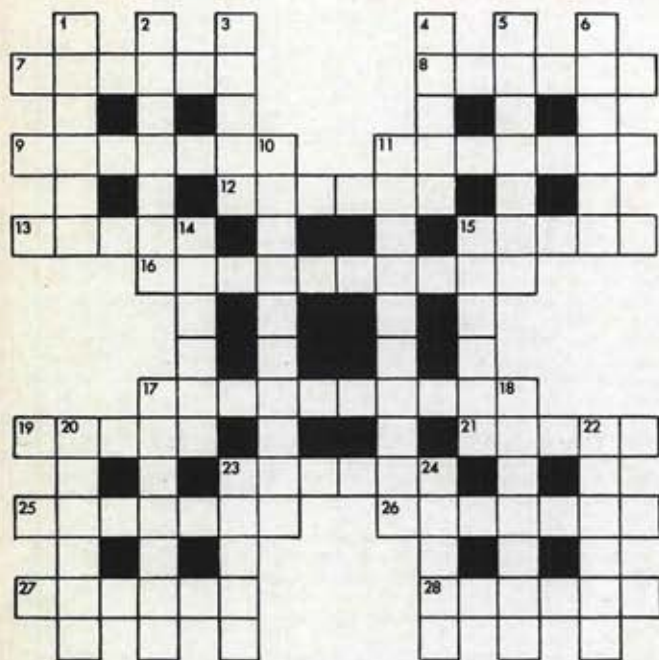
Все, что в жизни есть у меня,
Все, в чем радость каждого дня,
Все, что я зову своей судьбой,
Связано, связано только с тобой.

Мир не прост, совсем не прост,
Но не боюсь я ни бурь, ни гроз,
Не страшен холод, не страшен зной,
Если со мной, ты рядом со мной.
И не грусти, ты зря не грусти,
Когда вдруг встанет беда на пути,
С бедой я справлюсь, любовь храня,
Ведь у меня есть ты, у меня.

Припев.

КРОССВОРД

Составил Ф. ЧИСТОВ,
Москва

По горизонтали:

7. Советский художественный фильм. 8. Столица союзной советской республики. 9. Северное созвездие. 11. Советская футбольная команда. 12. Спортсмен-бегун. 13. Народный поэт Башкирии. 15. Музыкальный интервал. 16. Итальянский мыслитель-утопист, автор книги «Город Солнца». 17. Старинный испанский танец. 19. Вид графики, народного творчества. 21. Город в Азербайджане. 23. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». 25. Повесть Л. Н. Сейфуллиной. 26. Опера Г. И. Майбороды. 27. Ходьба с гигиенической и лечебной целью. 28. Пороодообразующий минерал, драгоценный камень.

По вертикали:

1. Народная артистка СССР. 2. Гриб. 3. Киргизский народный эпос. 4. Высокий мужской голос. 5. Живопись специальными красками. 6. Многоместный велосипед. 10. Советская конькобежка, олимпийская чемпионка. 11. Сообщение, переданное с помощью специального аппарата. 14. Поэт, лауреат Ленинской премии. 15. Женская одежда. 17. Фотографическое изображение. 18. Часть действия в пьесе. 20. Согласованное звучание в музыке. 22. Метод научного исследования. 23. Металлические шарики для создания филигранного узора. 24. Химический элемент, газ.

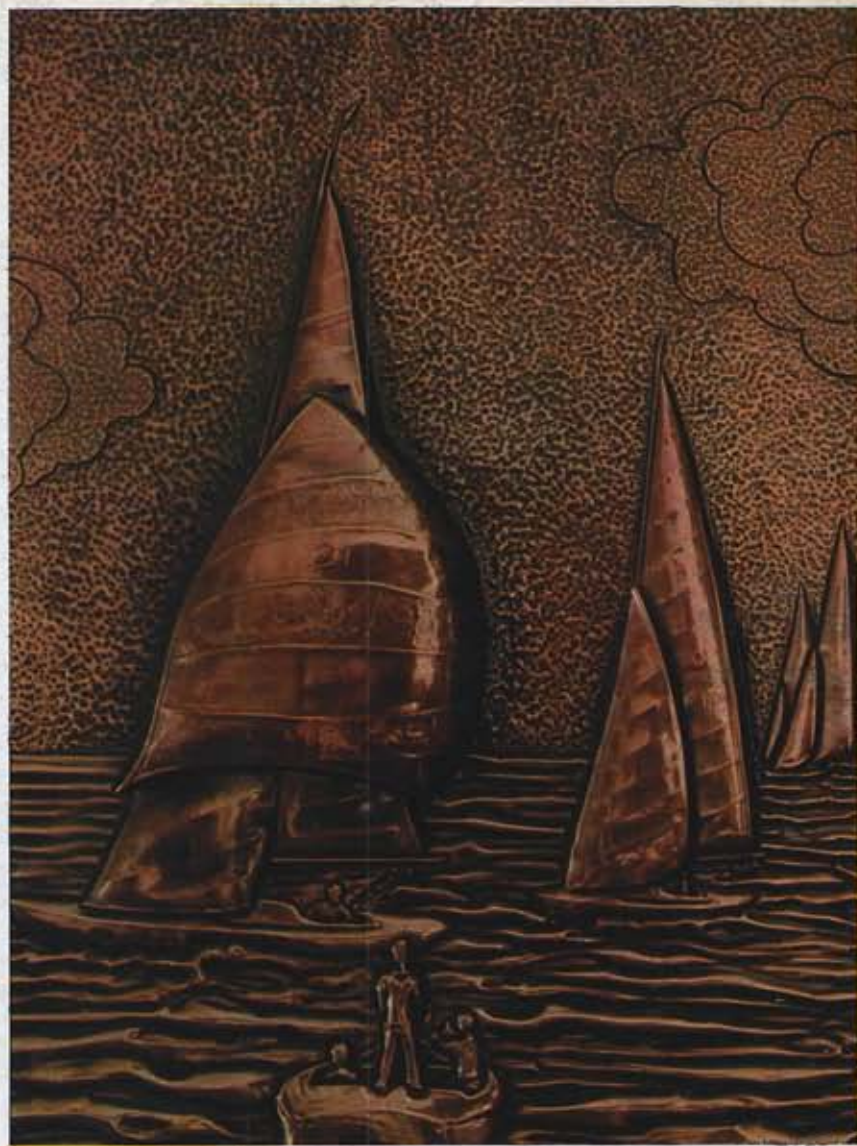
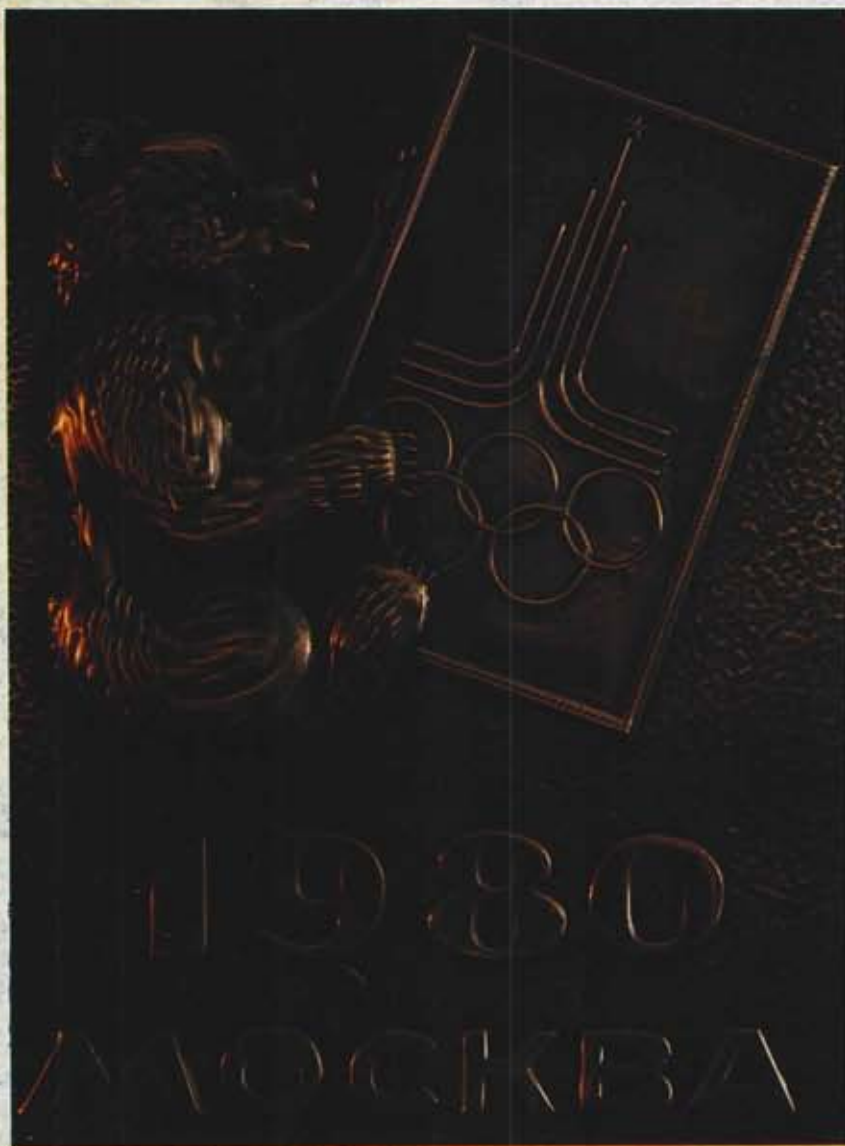
ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 15

По горизонтали:

5. Хореография. 8. Барбарис. 9. Институт. 11. Катамаран. 13. Поэтика. 15. Габарит. 17. Пятница. 19. Флексатон. 20. Коллектор. 21. Автономия. 23. Картограф. 27. Аретино. 28. Бахрома. 30. Казарка. 31. Горислава. 32. Стыковка. 33. Ракитник. 34. Достоевский.

По вертикали:

1. Ромашка. 2. Константа. 3. Ирригация. 4. Дифтонг. 6. Ракетчик. 7. Буйнакск. 10. Ковалевская. 12. Дипломатика. 14. Каракорум. 16. Амплитуда. 17. Плотина. 18. Авокадо. 22. Оперетта. 24. Гарантия. 25. Великатов. 26. Миллерово. 29. Агроном. 30. Калинин.

«Придется все. Лишь тебе не дано примелькаться...» — эти посвященные морю строки поэта говорят о той притягательной силе, какой обладает оно даже для людей сугубо «сухопутных». Действительно, кто из нас не любил в детстве пускать бумажные кораблики, не пытался неумелой рукой изобразить на листе бумаги океанские лайнеры и хрупкие яхты, не мечтал в юношестве о дальних морских путешествиях?

В открытом море, особенно в полный штиль, приходит странное чувство: ощущаешь себя как бы в центре огромного, абсолютно ровного круга, где не на чем остановиться взгляду. Но дни и недели среди водной пустыни обостряют наблюдательность, и тогда рождается умение не только смотреть, но и видеть. Однажды моряк, долго наблюдавший за работой некоего молодого художника, не выдержал и, стесняясь, сделал замечание: «Вы неверно рисуете море».

ЧЕКАННЫЕ ВОЛНЫ МОРЯ

«Почему?» «На море горизонт никогда не бывает прямой линией».

Работы самодеятельного художника-чеканщика из Феодосии Сергея Суворкова отмечены прежде всего достоверностью, потому что море он видел не только с курортного пляжа.

...Холодный Архангельск, город детства; морской клуб для подростков. На борту учебного парусника ребячья команда и в ней — юный матрос Сережа Суворков. Детское увлечение стало позднее работой и смыслом всей жизни. За годы службы на флоте бывало всякое: рейсы спокой-

ные и штормовые, фронтовые и мирные...

Известно, в плавании моряк тоскует о берегу, на берегу — о море. Но идут годы, и неизбежно наступает время прибавлять к своему званию добавление: «в отставке». Однако не хочется делать такую оговорку в отношении капитана второго ранга Суворкова. Сойдя на берег, он вскоре снова вернулся к морю — как художник. Море, пароходы и парусники, история флота российского стали главной темой его творчества. Да иначе и быть не могло. Вся жизнь

художника — как один нескончаемый морской рейс, и нынче он продолжается в его творчестве.

Не в прозрачной акварели и не в карандашном рисунке, а на листе меди остановились неуловимые мгновения прилива, бег парусника, туманные очертания приморского города... Сочетание неверной зыбкости волн, воздушности парусов и прочной надежности металла дало неожиданный эффект. И однородная фактура оказалась способной передавать настроение, полутона и оттенки.

Еще одна грань таланта художника открылась в последней серии работ, посвященной Олимпиаде 1980 года. Его чеканка передает пластику человеческого тела, предстартовое напряжение, накал спортивной борьбы. Обратившись к новой тематике, моряк остался верен себе, выбрав из всех олимпийских водные виды спорта.

Владимир АНИСИМОВ

